

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ
ТАШКЕНТСКАЯ И УЗБЕКИСТАНСКАЯ ЕПАРХИЯ

Восток Свыше

ДУХОВНЫЙ,
ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С 2001 ГОДА

ВЫПУСК
LIX

№ 1-2
январь-июнь 2022

ТАШКЕНТ
2022

**По благословению
высокопреосвященнейшего
ВИКЕНТИА,
митрополита Ташкентского и Узбеккистанского,
главы Среднеазиатского митрополичьего округа**

Главный редактор

Евгений АБДУЛЛАЕВ

Литературный редактор

Лейла ШАХНАЗАРОВА

Редакционный совет

Протоиерей Игорь БАЛУХАТИН

Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО

Протоиерей Андрей ТУГУШЕВ

Валерий ГЕРМАНОВ

Роман ДОРОФЕЕВ

Татьяна КОТЮКОВА

Вадим МУРАТХАНОВ

Рубен НАЗАРЬЯН

Екатерина ОЗМИТЕЛЬ

Кирилл СУЛТАНОВ

Алексей УСТИМЕНКО

Юрий ФЛЫГИН

На обложках:

Стр. 2: Митрополит Арсений в заточении в Ревельской крепости (первая половина XIX в.). Екатерина II. Вольтер.

Стр. 3: Епископ Мелхиседек (Аверченко) с верующими Семиречья (1928 г.). Летний собор и братский корпус Свято-Троицкого Исык-Кульского мужского миссионерского монастыря (фото конца XIX в.). Епископ Мелхиседек (Аверченко) (1933 г.).

Восток Свыше. 2022, № 1-2 (LIX). Издается с 2001 года

ISSN 2010-5568

... **Посетил нас Восток свыше,
просветить сидящих во тьме и тени смертной,
направить ноги наши на путь мира.**

Евангелие от Луки 1, 78-79

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

*Елена ИГНАТОВА. «– То ли вправду запахло войной, то ли
почудилось мне...»* 5

СООБЩЕНИЯ. СОБЫТИЯ. ДАТЫ

Календарные страницы *главного редактора*
Митрополит, Екатерина и Вольтер
*250 лет преставления священномученика Арсения, митрополита
Ростовского (28 февраля 1772)* 6

ПЕРЕВОДЫ И ПУБЛИКАЦИИ

Из «Толкования на Книгу Бытия» Прокопия Газского
*Предисловие, перевод со среднегреческого языка и комментарии
Дмитрия Макарова* 18

*Иван МАРТЫНОВ. «Обнови в памяти моей дела мои...»
Предисловие и примечания Евгения Абдуллаева* 34

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Роман ДОРОФЕЕВ, Екатерина ОЗМИТЕЛЬ.
*«...Вместе с Богом переживать все тяжести»
Епископ Мелхиседек (Аверченко) и его служение в Туркестанской
епархии* 74

ТУРКЕСТАНОВЕДЕНИЕ

Юрий ФЛЫГИН. «Я не давал поводов считать меня врагом иноверцев».
*Николай Остроумов и его взгляды на миссионерство
в Туркестанском крае* 97

ЛУГ ДУХОВНЫЙ

О войне и мире. О поминании усопших 108

Иерей Сергей КРУГЛОВ. «Царство Божие – здесь».
Избранные записи в Фейсбуке последних лет 112

Содержание (окончание)

Михаил КАЛИНИН. Разрозненные мысли 128

ОБЩЕСТВО. ЛИТЕРАТУРА. ИСКУССТВО

Тема: Поэзия и Вера

«...А не тонны благочестивой писанины».

На вопросы ВС отвечает поэт Михаил КУКИН 138

РЕЦЕНЗИИ

Даниил МЕЛЕНТЬЕВ. Новое итоговое исследование по Средней Азии ... 154

ИСКУССТВО ПАМЯТИ

Алексей УСТИМЕНКО. Перелистывая прежние дни...

Отрывки из дневника, начатого 10 апреля 1962 года 160

Авторы номера 173

Информация для авторов 174

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Елена ИГНАТОВА

– То ли вправду запахло войной, то ли почудилось мне,
будто гривую конь взмахнул, а грива была в огне,
прогорала височная кость, и плавилась губы его...
– А на самом деле не было ничего.

– Прогорала височная кость, и пламя текло с моста,
и на новой дождливой земле не вырастет ни куста,
только с неба будет глядеть лицо обожженной луны...
– Господи, разве можно так бояться войны?

1968

Календарные страницы *главного редактора*

Митрополит, Екатерина и Вольтер

*250 лет преставления священномученика Арсения, митрополита Ростовского
(28 февраля 1772 года)*

Если бы это был театр, то начиналось бы так. На черной пустой сцене стоят в тишине три фигуры. Две мужские, посередине – женская.

Начнем с мужской фигуры, что слева. Старик. Стоит строго, в архиерейском облачении; словно только что завершили его одевание иподиаконы, а сам он, облобызав краешек митры, возложил ее себе на голову... Но нет, не видно никого. Ни иподиаконов, ни попов, со страхом взирающих на своего владыку. Пусто и холодно вокруг. Лишь пыль витает в свете масляных плошек, освещающих три неподвижные фигуры.

Вторая фигура, тоже в годах, одета совершенно иначе. Просторный домашний халат, в котором этот старик, не смущаясь, встречал многочисленных посетителей... Лучше процитировать описание, составленное современным автором. «Костлявые ступни обнажены, на голове накручен тюрбан... Он заметно устал, кашляет с надрывом. За его долгую жизнь сменилось несколько королей, а слов он выковал столько, сколько и не снилось доселе ни одному из кузнецов слова... Он принимал множество обличий, пользовался сотней псевдонимов; даже прогремевшее на весь свет имя – Вольтер – не настоящее»*.

Достаточно. Иначе старец решит, что именно он – главное лицо этого действия. День за днем, до глубокой старости, он и так сочинял одну и ту же пьесу и тут же разыгрывал ее перед своими собеседниками и поклонниками. Главным действующим лицом в ней был он, его обширный ум и легкий и острый язык... Но теперь привычная публика исчезла, и он стоит в темноте, покашливая и кутаясь в халат.

Нет, кое-кто из его поклонников, точнее, поклонниц, все же присутствует. Посередине сцены, там, где светлее всего от масляных плошек (правда, и чада от них больше), стоит третья фигура, женская.

---

* Из романа Малькольма Брэдли «В Эрмитаж» (пер. М. Сапрыкиной).

Одета она... Впрочем, наряды ее и так известны по многочисленным изображениям, парадным и для близкого круга. Главным в них были не муаровые ленты, шелка и мантии; и даже не улыбочное лицо самой государыни. Все эти шелка и кислые улыбки можно было видеть и на портретах прочих европейских правителей. Главным было незримое одеяние этой монархини – бесконечные просторы ее империи, которые не снились никаким Фридрихам и Мариям-Терезиям. В белизне ее платья видятся свежие снега Русской равнины, перетекающей, сквозь уральскую складку, в еще более бескрайнюю равнину Сибирскую. В голубой андреевской ленте – синева двенадцати морей, омывающих ее державу. В шитой золотой нитью мантии – обширные златные поля, колеблемые зефирами. В кровавых орлах, взирающих с ее платья...

Но об этой фигуре и ее нарядах еще будет сказано. Не она – хотя и стоит в середине сцены – будет главной в этой драме. Не она – хотя именно на нее направлены взоры двух стоящих по обе стороны старцев. Взгляд того, кто стоит, покашливая, в халате, полон ума и лукавства, а губы кривятся то ли в искательной улыбке, то ли в усмешке. Тот же, кто стоит в архиерейском облачении, – глядит на императрицу, скорее, с печалью. Да и сама государыня старается в его сторону не смотреть, избегая укоряющих взоров...

Митрополит Арсений слыл человеком твердым и мрачным. Пьеса его жизни, особенно вторая ее часть, была обильна неожиданными поворотами.

Происходил он из волынской шляхты, воспитывался в Львовской братской школе и Киевской академии. До тридцати трех лет жил в Малороссии. В Новгороде-Северском, что в Черниговской епархии, был пострижен в монахи; проповедовал, пел на клиросе, обучал детишек латыни. Довершил в Киеве курс наук, был рукоположен во иеромонаха. И вернулся в Черниговскую епархию, теперь уже в сам Чернигов.

В тридцать три года жизнь его впервые круто изменилась. В 1730-м он был отправлен в далекий Тобольск, проповедником и законоучителем.

Митрополитом Тобольским и всея Сибири был в то время Антоний, малоросс, прежде архиепископ Черниговский. Антоний вел широкую просветительскую работу, засылал миссионеров в Камчатку и Китай. Собственными проповедниками Сибирь была бедна; половина местного духовенства – безграмотна до того, что не умела начертать даже подписи. Приходилось Антонию приглашать одноземельцев. Арсения он знал по Чернигову, ценил его словесные таланты, а еще больше – твердую, как алмаз, веру.

В 1733-м году Арсений оказывается в Холмогорской епархии; объезжает Устюг, Холмогоры и Соловецкий монастырь. Всё это были места ссылки старообрядцев; Арсений вел с ними горячие диспуты. Сведения, полученные им в этих прениях, лягут в основу его последующих противосектантских писаний.

1734-й год – новый поворот. Мы видим иеромонаха Арсения уже на палубе дубель-шлюпки, плавающей по северным рекам, судовым священником в составе Второй Камчатской экспедиции Беринга. Экспедиция шла нелегко; из-за нераспорядительности местных властей зимой был такой голод, что питались падалью

и кореньями. Открылась цинга; иеромонах Арсений страдал от кровотечений и падения зубов. В 1737 году ему было позволено оставить флотскую службу и прибыть в Петербург. Ему определили состоять при члене Святейшего Синода, епископе Вологодском Амвросии.

Как и тобольский архиепископ Антоний, владыка Амвросий был из Украины. Впрочем, почти все архиереи, архимандриты и даже семинарские наставники были в то время оттуда. Когда Амвросий станет архиепископом Новгородским и откроет в Новгороде семинарию, учителя для нее будут выписаны из Киева... Как писал протоиерей Георгий Флоровский, «в истории духовной школы Петровская реформа означала именно “украинизацию”, в прямом и буквальном смысле». А Николай Трубецкой даже утверждал, что вообще вся «культура, которая со времен Петра живет и развивается в России, является органическим и непосредственным продолжением не московской, а киевской, украинской культуры».

Это не совсем верно – из Малороссии шло не только украинское, но и польское влияние, сильное в то время на западе империи. Многие украинские архиереи учились в польских землях, а некоторые и происходили из них; дед самого Арсения был поляком. Что же до украинизации духовенства, то скоро, при Екатерине, это сойдет на нет...

Пока же административная звезда Арсения стремительно восходит. Он назначен законоучителем в Сухопутный кадетский корпус; одновременно исполняет обязанности инквизитора... Нет, это означало всего лишь человека, экзаменовавшего («пытавшего») ставленников. Но должность эту Арсений исполнял с почти инквизиторской строгостью. Так что один престарелый игумен прямо на его экзамене испустил дух. Синод, рассмотрев этот казус, постановил «впредь пытаться бережнее».

Принял иеромонах Арсений участие и в знаменитом суде над отставным капитаном Возницыным, уличенном в переходе в иудаизм. Сам Арсений в допросах и пытках Возницына и «совратившего» его купца Лейбова не участвовал; к процессу он был привлечен для увещевания Возницына и возвращения его в православие. Возвращения так и не произошло; 15 июля Возницын и Лейбов при большом стечении народа были сожжены на Адмиралтейском острове Петербурга...

А Арсения снова переводят в Сибирь. В марте 1741-го он был хиротонисан во епископа, с определением быть митрополитом Тобольским.

На тобольской кафедре Арсений пробыл недолго, всего два месяца. Но показал себя владыкой твердым и не склонным гнуть голову перед «светскими командирами». Вступился за священника Михаила Степанова, арестованного без согласия на то духовных властей и содержавшегося в цепях в губернской канцелярии. Злосчастный священник был схвачен по обвинению местных язычников – не позволял им совершать их обряды; обвинялся в том, что вымогал у них беличьи шкурки. Арсений со всей силой обрушился на местные власти. Сами они, писал он, «не белками, но целыми мехами отбирают, а бедное священство гонят, и турбуют, и изнемогают, яко злодеев».

Другой раз заступился он за новокрещенных сибирских татар, которых угнетал местный воевода. Арсений требовал вмешательства Синода, иначе местные

сибирские народы, писал он, будут «устрашены светскими злоковарными властителями и не будут иметь охоты ко святому крещению...»

Все эти стычки со светской властью уже предвещали те грозы, которые разразятся через двадцать лет, после вступления на престол другого важного лица разыгрываемой драмы – государыни императрицы Екатерины Второй.

Но прежде следует сказать хотя бы несколько слов о персоне, стоявшей одесную государыни.

Вольтер был всего лишь на три года старше русского митрополита. В детстве он тоже получил обширное религиозное воспитание, однако всю свою последующую жизнь посвятит борьбе с христианством.

«Несомненно, – писал он Фридриху Второму, – оно самая нелепая, самая кровавая религия из всех, когда-либо существовавших».

Его надежда на прусского короля не оправдалась. Да, Фридрих был масоном и называл христианство «тщательно продуманной сказкой». Но вольнодумство свое держал, так сказать, для домашнего употребления. «Надеюсь, что у Вас не будет больше неприятностей ни с Ветхим, ни с Новым Заветом...», осадил он Вольтера, когда тот слишком увлекся ролью «придворного атеиста».

Новыми надеждами для Вольтера повеяло в 1762 году, когда в далекой, но все более могущественной России воцарилась немецкая принцесса София Августа Фредерика, прославившаяся (не в последнюю очередь благодаря его усилиям) под именем Екатерины Второй.

«Именно он, вернее его труды, сформировали мой разум и мои убеждения», писала Екатерина годы спустя. И добавляла с легким кокетством: «...Будучи моложе, я желала ему нравиться».

На пути к русскому престолу она желала нравиться всем, и это ей удавалось.

«Ей необходимо было заручиться поддержкой народа, – писал Филипп Вигель, – и она употребила все свое очарование, чтобы привлечь его к себе. Екатерина выучила русский язык и стала говорить только на нем; она выказывала самое святое уважение к православию и его служителям; она лобызала руки епископов, беря от них благословение...».

Кому же она хотела нравиться больше и искреннее – насколько вообще была способна на искренность? Епископам, чье благословение она прилюдно брала, или же Вольтеру, которым тайно зачитывалась в своих покоях?

Она сама ответит на этот вопрос. «В молодости я предавалась богомольству и была окружена богомольцами и ханжами; несколько лет тому назад нужно было быть или тем или другим, чтобы быть в известной степени на виду».

Она и позже сохранит весь внешний декор своего «богомольства». Будет выстаивать службы, правда, редко до конца; а чаще, пристроившись где-нибудь на хорах, беседовать в это время с кем-нибудь из придворных или раскладывать паянс.

«Закон христианский (хотя довольно набожной быть притворяется) ни за что почитает», писал князь Щербатов, знавший нравы государыни.

Притворство, театральность – все это станет знаменем ее правления. При Ека-

терине расцветет театр; на дворцовых «шпектаклях» государыня присутствовала до конца; покровительствовала актерам и сама пробовала себя в драматургии.

Именно театр должен был, по сокровенной мысли императрицы (и не ее одной), со временем заменить церковь. Театр будет умягчать нравы и сеять просвещение, а заодно учить повиноваться высшей и разумной власти...

Вот и сейчас государыня стоит на сцене, милостиво улыбаясь публике и ласково поглядывая на Вольтера. Ее роскошный имперский наряд обильно освещен снизу плашками. Кажется, вот-вот прольется чарующая музыка, и ее императорское величество... нет, конечно, не запоет (государыня была напрочь лишена музыкальных дарований), но зачитает какой-нибудь новый указ, направленный ко всеобщему просвещению и благоденствию.

Но вместо музыки – тяжелая и зябкая тишина, и взоры публики, по крайней мере, некоторой ее части, обращаются на стоящего чуть в тени митрополита Арсения.

Ко времени восшествия Екатерины на престол Арсений окончательно приобрел славу архиерея неподкупного и неудобного.

Назначенный в 1742 году митрополитом Ростовским и членом синода, он отказался присягать императрице Елизавете. «...Исповедую же с клятвою судию духовныя сея коллегии быти саму Всероссийскую монархиню». Под этим следовало поставить свою архиерейскую закорючку. И все поставили, один Арсений закорючился. Как можно, вопрошал он, «исповедовать с присягою и клятвою против Символа веры другого какого, кроме Христа, крайнего судию?».

Дело пахло неприятностями, но осталось без последствий.

Хуже вышло с другим его протестом, против присылки в ростовские монастыри нескольких отставных солдат и одного умственно больного.

Обычай этот был заведен еще при Петре Первом. Пётр, как известно, монахов не любил, почитая за плутов и тунеядцев. «А что говорят молятца так все молятца; что же прибыль обществу от сего?». Со временем Пётр собирался обратить монастыри в дома призрения для инвалидов и подкидышей, монахов – в лазаретную прислугу, а монахинь – в прядильщиц и кружевниц. В монастыри стали посылаться отставные солдаты, инвалиды, уголовники, приносившие с собою пьянство и прочие привычки.

Против этого и выступил Арсений. «Монастыри, – писал он в Синод, – устроены для пребывания честных и неподозрительных лиц, вечного спасения желающих, а не для содержания сумасбродов, воров и убийц-колодников».

Недоброжелатели Арсения сумели представить это дело Елизавете Петровне в самом неавантажном виде. Та объявила митрополиту, чтобы впредь «от подобных предерзостей воздержался», иначе «будет лишен не только сана, но и монашества». Однако на предложение отправить Арсения на покой ответила отказом.

С воцарением Петра Третьего тучи снова сгустились. Новый государь, воспитанный в немецком духе, православия не знал, не ощущал и не любил.

Вскоре показались и молнии.

Первым делом Пётр запретил устраивать домовые церкви и велел закрыть

имевшиеся. Затем призвал к себе «первенствующего архиерея», новгородского митрополита Димитрия, «и приказал ему, чтобы в церквах оставлены были только иконы Спасителя и Богородицы, а других не было, и чтобы священники обрили бороды и носили платье, как иностранные пасторы». Митрополит на это только испуганно моргал. Дальше этого, к счастью, дело не двинулось. Видно, кто-то из придворных сумел объяснить его императорскому величеству, какие последствия могут иметь таковые решения.

Но одно свое намерение Пётр Третий все-таки осуществил. 21 марта 1762 года он изъял у церкви всю земельную собственность и передал ее крестьянам. Духовенство роптало, вздыхало, но писать к государю страшилось.

И снова выступил Арсений. Составил прошение «острого и высокого рассуждения», отправил его с неким схимоиеромонахом Лукой в Петербург. Заслушав его, «государь был в великом азарте, а оный схимник Лука от страху лишился ума, был послан в Невский монастырь, где шесть недель находился под караулом...».

Гром прогремел совсем близко, но Арсения снова не тронули.

Да и дни Петра были уже сочтены, 28 июня 1762 года он будет свергнут. А еще через несколько дней при туманных обстоятельствах расстанется с жизнью; в отряд гвардейцев, стерегший его, зачем-то было включено лицо штатское – «первый русский актер» Федор Волков. Именно он, как полагают, срежиссировал убийство свергнутого монарха. Вскоре указом императрицы Волков был возведен в дворянское достоинство.

На масленую неделю, в честь коронации Екатерины, Волков устроит в Москве многодневный маскарад «Торжествующая Минерва».

По обеим Басманным улицам, по Мясницкой и Покровке потянулись ладьи на колесах. На них восседали лицедеи, изображающие разные пороки.

Обман восседал в ладье, запряженной лисицами; в одной руке держал сети, а в другой уду. Следом ехала Взятка – «старуха высокого роста», имевшая «рот, наполненный черными острыми зубами, подбородок острый, тело жидкое и смуглое, груди открытые и повислые, из которых истекает синего цвета молоко, водочный запах имеющее»...

Над всем этим торжествовала богиня мудрости Минерва, являвшая аллегория самой императрицы. Завершал шествие хор отроков с оливковыми ветвями, воспевавший новое царствование. «Там дни золотые, правда царствует и мир!», пели отроки, ежась от холода.

Казалось, что и для церкви, наконец, наступили «дни золотые». Были открыты домовые церкви. Но главное – в манифесте о восшествии на престол было объявлено о возвращении монастырям земель, изъятых Петром.

Духовенство вздохнуло с облегчением и поспешно присоединилось ко всеобщему ликованию. Митрополит Димитрий Новгородский провозгласил Екатерину «защитницей веры и благочестия» (и получил вскоре тысячу душ крепостных). Когда государыня посетила Троице-Сергиеву лавру, ее встречал хор семинаристов в белых одеяниях, с венцами, воспевавший: «Гряди, желаннейшая мати!».

«Желаннейшая мать», однако, совершенно не желала, чтобы за церковь со-

хранялась хоть какая-то независимость. В переписке с Вольтером, начатой почти сразу после вступления на престол, Екатерина именовала «главою церкви» саму себя.

А еще ей нужны были деньги, деньги... Иначе «торжество Минервы» могло оказаться еще более кратким и ничтожным, чем правление ее супруга.

Государыня сделала вид, что решение о возвращении церковных земель было временным, пока не будет составлено «новое и более полезное узаконение». Поводом к пересмотру стали волнения крестьян, не желавших снова идти «в ярмо монастырям». Екатерина создает комиссию, которая должна произвести опись церковных земель...

«Не имеем мы намерения присвоить себе церковные имения; но только имеем данную нам от Бога власть предписывать законы о лучшем их употреблении во славу Божию и пользу отечеству».

Председателем комиссии был поставлен новгородский митрополит Дмитрий, сумевший доказать свою преданность. За что был осыпан ласками царицы и упомянут с похвалой в письме Вольтеру: «Дмитрий митрополит новгородский не гонитель и не фанатик. Он совершенно отвергает предположение двух властей». Иными словами, то, что государство обладает светской властью, а церковь – духовной; идея, для Екатерины неприятная. Власть должна быть одна и принадлежать... понятно кому. (Фигура в центре сцены отводит левую руку в сторону, а правой указывает на себя).

Не только митрополит Дмитрий, но и остальные члены Синода, видя, как готовится новое отнятие церковных земель, промолчали.

И снова раздался резкий, простуженный голос митрополита Арсения.

Фигуры на сцене, наконец, приходят в движение. Вздрагивает пламя масляных плашек. Действие движется стремительно.

9 февраля 1763 года на богослужении в первое воскресенье Великого поста Арсений делает небольшое добавление в анафематствование еретиков и врагов церкви.

Митрополит Арсений, делая шаг вперед:

– Все насильствующие и обидящие святые Божии церкви и монастыри, отнимающе у них данная тем имения, аще не отстанутся от сего же такового начинания, яко крайние врази Божии да будут прокляти!

Екатерина, в платье из серебряного глазета, вздрагивает, бросает на митрополита гневный взор. Стоящий справа от нее Вольтер, все так же кутаясь в домашний халат, поглядывает на ростовского архиерея с лукавым любопытством.

А митрополит тем временем быстро водит пером по бумаге и шлет одно за другим доношения в Синод. Отнятие монастырских земель, доказывал он, приведет к оскудению церковной жизни.

– И случится сие не от татар и ниже от иностранных неприятелей, но от своих, домашних! И придется государству нашему обратиться в лютеранское, а то и атеистическое!

Екатерина (медленно, стремясь казаться спокойной):

– Властолюбивый, бешеный враль...

14 марта в Ростов отправлен обер-офицер с приказанием арестовать митрополита и доставить его в Москву. Арсений был к тому уже готов. За несколько дней до того повелел не запира́ть двери и «ждать гостей».

В ночь на 17 марта он был доставлен в Москву и помещен под крепкий караул. Шла страстная седмица, и дело о «бунташном» митрополите разумно было бы отложить. Но государыня спешила.

Екатерина (громко, с отменной дикцией, в зал):

– Александр Иванович! Нынешнюю ночь привезли вряля, которого исповедовать должно; приезжайте ужо ко мне, он здесь во дворце будет!

На сцену, стуча каблуками, выбегает обер-прокурор синода Глебов и, раскланявшись, исчезает в потемках. Следует сцена допроса. Что говорилось на нем, неизвестно, поэтому изображается пантомимой. Появляются обер-прокурор Глебов, митрополит Димитрий и прочие члены синода. Арсений подходит к Екатерине.

Екатерина резко зажимает уши руками:

– Закляпите ему рот!

Участь Арсения была решена.

Синод присудил лишить Арсения архиерейского сана и монашества. По мнению судий, Арсений заслуживал еще и «жесточайшего наказания». По гражданским законам – смертной казни.

– Я не знаю... – Императрица расхаживает по сцене, поигрывая бумагой с постановлением. – Прежде сего без всякой церемонии и по не столь еще важным делам преосвященным головы секли...

Но тут она замолкает – и глядит на Вольтера.

Это был век не только расцвета театра, но и расцвета клаки.

Екатерине нужны были аплодисменты. Не только московской черни, которую она тешила своей «Торжествующей Минервой». Ей требовались аплодисменты просвещенной Европы.

Королем европейской клаки был Вольтер.

Слава его достигла зенита. Он жил в Ферне, неподалеку от Женевы, прикупив землицы и выстроив дворец-усадьбу. Когда на местную почту пришло письмо, где вместо имени адресата стояло «Князю поэтов, непременно питомцу славы, Меркурию Европы, оратору родины, будителю граждан, историку королей, панегиристу героев, Аристарху Зоилов, судье вкуса» и прочая и прочая, – его без рассуждений отправили в Ферне.

Екатерина напишет об Арсени Вольтеру. Он должен узнать об этом деле именно от нее, с ее слов. Тогда вся Европа поймет это *правильно*.

В ее руках появляется перо, бумага и чернильница, а перед ней небольшая конторка, вынесенная театральным служкой.

– Люди, подвластные церкви, нередко страдают от жестоких притеснений. Вот почему я решила совершенно изменить управление имениями духовенства и определить доходы лиц этого сословия. Но Арсений, епископ ростовский, воспротивился тому!

Екатерина делает указующий жест в сторону Арсения, охраняемого стражником.

– Он отправил две записки, в которых старался провести нелепое начало двоевластия... Когда его дерзость и безумие усилились, он был судим митрополитом новгородским и всем синодом, осужден как фанатик, виновный в замысле, противном как православной вере, так и верховной власти, и предан в руки светского начальства.

Государыня делает паузу.

Вольтер слушает с вежливым вниманием.

Екатерина размягчает лицо и шлет в зал милостивую улыбку:

– Я простила его и удовольствовалась тем, что перевела его в монашеское звание.

Здесь должен ударить колокол.

И колокол начинает бить, и народ стекается в Кремль, к Синодальной палате, где должно произойти главное действие задуманного государыней «спектакля». Члены Синода снова выходят на авансцену. Звучат слова приговора, ризничий снимает с Арсения, один за другим, знаки архиерейского достоинства... «Анаксиос!», гнусают певчие.

Из Синодальной палаты Арсения вывели в простой монашеской одежде, усадили в колымагу и тронулись в путь. Его ссылали «под крепкое смотрение» в Ферапонтов монастырь, однако офицер, сопровождавший его, в пути получил указ везти его в еще более отдаленный, Никольский, Архангелогородской губернии.

Три дня в неделю старца было велено использовать на черных работах: колоть дрова, мыть полы и носить воду. Прогулки дозволялись в сопровождении четверых солдат; чернил и бумаги давать было не велено, «и чтоб ни с кем и ни о чем и ни в какие разговоры не вступал»...

Всех этих подробностей Екатерина, разумеется, не сообщала Вольтеру. Лукавила она и уверяя его, что Арсений был наказан Синодом за то, что «старался провести нелепое начало двоевластия»; в письмах Арсения ни о каком «двоевластии» речи не шло.

9 июля 1766 года государыня снова писала Вольтеру об Арсении.

– Неудачное происшествие с ростовским епископом было обсуждаемо гласно... (Еще одно лукавство – никакого гласного обсуждения не было). ...И вы, государь мой, по своему усмотрению можете сообщить записку, как подлинную выписку, полученную вами верным путем...

К письму прилагалась записка, составленная по приказу Екатерины и переведенная на французский.

«Из всех примеров справедливости и милосердия нашей всемилостивой Государыни, свидетелями коих мы бываем ежедневно, нет более разительного, ни такого, которым более обнаружилось бы великодушие ее, как поступок ее по отношению к преступнику, равно преступившему как против человеческих, так и против божественных законов...»

Вольтер понял. Вольтер улыбнулся. Вольтер оценил щедрость монархини, осыпавшей милостями тех, за кого он просил (себе философ, надо отдать ему

должное, ничего не выпрашивал). Вольтер написал Екатерине ответное письмо.

– Мы просим только чести поместить ваше августейшее имя во главе тех, кто помогает нам раздавить фанатизм. Дозвольте лишь опубликовать записку, которую вы соизволили мне передать, насчет ростовского епископа, вообразившего, что существуют две власти. Есть только одна власть – та, которая благодетельна.

И делает несколько осторожных хлопков.

Тут же в темноте начинают работать невидимые ладони, аплодисменты густыми волнами накатывают на сцену. Екатерина изящно кланяется.

Дело было сделано. Все монастырские крестьяне вместе с землей передавались государству. Повинности, которые они прежде отработывали монастырям, заменялись денежным оброком, по полтора рубля с души. 526 монастырей сразу закрылось, число монашествующих сократилось вдвое. Часть из полученной суммы шла на содержание архиерейских домов и оставшихся монастырей. Основная же часть дохода, составившего более 1 миллиона 300 тысяч рублей, притекла в казну.

Вскоре почти все «освобожденные» крестьяне будут снова раздарены вместе с землей государевым людям. И взвоят сильнее: монастыри со своими крестьянами всегда обращались мягче, чем помещики.

А государыня произнесет перед Синодом речь, составленную по всем правилам сценического искусства.

– Если я спрошу вас, кто вы и какое ваше звание, – обращалась она к архиереям, – то вы верно дадите ответ, что вы – государственные особы, состоящие под властью монарха и законов евангельских.

Архиереи слушали молча, дивясь новым для себя словам. Они-то полагали, что они – особы духовные, а теперь, нат-ко, государственные...

– Но отчего происходит, – Екатерина удивленно расширила водянистые глаза, – что вы равнодушно смотрите на бесчисленные богатства, которыми обладаете? Вы не можете не видеть, что все сии имения похищены у государства!.. Если вы повинуетесь законам, если вы вернейшие мои подданные, то не умедлите возвратить то, чем вы неправильным образом обладаете!

И церковь «не умедлила»... Синод промолчал, митрополит Дмитрий получил от государыни драгоценную панагию с ее портретом. Редкие протестующие голоса быстро гасились, а подававшие их лишались сана или усылались «на покой».

Дело опального епископа имело еще одно последствие.

Арсений был из Малороссии, малороссами были и некоторые из архиереев, состоявшие с ними в переписке. Это не укрылось от внимательного взора государыни. Как и то, что малороссийские архиереи, составлявшие более половины епископата, и держались сплоченнее, и менее были привычны гнуться перед светской властью... Назначая Румянцева Малороссийским губернатором, государыня напутствовала его:

– Надлежит вам искусным образом присматривать и за архиереями и их подчиненными. Ибо нам не безызвестно, что обучающиеся богословию в малороссийских училищах заражаются многими ненасытного властолюбия началами.

Вскоре малороссийские духовные школы, готовившие слишком образованных и неуступчивых пастырей, будут переведены в полное подчинение российским. А сама Малороссия лишится остатков своей прежней независимости...

Нет, у государыни не было никакого личного предубеждения к украинцам; эпоха национализма еще не наступила. В ближайшем окружении ее императорского величества было немало малороссов: Безбородко, Храповицкий, Грибовский, Трошинский... Но Молох империи требовал жертв. Пригожий и статный, как преображенный офицер, Молох империи требовал жертв.

Империя должна была быть устроена как идеальный механизм, даже как идеальный театр. Но чем больше государыня старалась об этом, тем больше отчаивалась. Не только строптивые малороссы, но и более покладистые великороссы никак не хотели превращаться в механических кукол-актеров. «Половина или дураки, или сумасшедшие, – отзывалась она о своих подданных, – попробуйте пожить с такими!.. Снова мне надо дрессировать себе людей!».

А тут еще вскоре из Никольского монастыря, где содержался Арсений, подошел донос. Оказывают-де ссыльному неподобающие знаки внимания, сравнивая его с Иоанном Златоустом, пострадавшим от Евдоксии. И ведет он среди братии и солдат крамольные беседы. Что, мол, государыня «в российском законе не тверда» и что даже у турецких властей вера в большем почтении и мечетей они своих не трогают.

Доносчиков щедро наградили – по сто рублей каждому; для того, чтобы заработать столько, обычный ремесленник должен был трудиться целый год. Арсения же снова судили и лишили уже и монашества, и даже имени. По требованию государыни его следовало именовать теперь «неким мужиком Андреем Вралём».

29 декабря 1767 года бывшему митрополиту обрили бороду и голову и переодели в мужицкую одежду. И повезли на вечное пребывание в Ревель.

Екатерина (в золотистом платье, с накладными двуглавыми орлами):

– И чтобы солдаты остерегались с ним болтать, ибо сей человек великий лицемер и легко их может привести к несчастью, а всего б лучше, чтоб оные караульные не знали русского языка.

Полуживого, его довели до Ревеля, внесли в каземат и бросили на пол; ревельский комендант фон Тизенгаузен призвал доктора, и тот кое-как подлечил старика.

– У вас в крепкой клетке есть важная птичка, берегите, чтоб не улетела! –ставляла Екатерина фон Тизенгаузена.

Тот, стоя в глубине сцены и видимый одним силуэтом, склоняется в поклоне.

– Боюсь, – писала она по назначению следующего коменданта, фон Бенкендорфа, – чтоб не стали слабее за сим зверьком смотреть!

Силуэт фон Бенкендорфа замирает в еще более глубоком поклоне.

Несмотря на принятые меры, слава опального митрополита росла. Из уст в уста передавался рассказ одного диакона, которому, после молитв у мощей святителя Димитрия Ростовского, в прозрачном сне явился сам святитель и рек: «Что ты про-

сишь у меня одного? Знаешь ли ты, что у вас есть угодник несравненно более меня в живых на земле – митрополит Арсений?».

Содержание ревельского пленника было велено ужесточить. Дверь в каземат заложили кирпичами, еду стали подавать на веревке через оконце.

28 февраля 1772 года бывший митрополит Ростовский, а ныне Андрей Враль, был найден мертвым. Священнику и солдатам, тайно похоронившим его, под страхом казни было велено хранить молчание. На сырых стенах каземата была обнаружена последняя запись Арсения: «Благо ми, яко смирил мя еси»...

Итак, на сцене остаются только две фигуры.

Сорокадвухлетняя императрица и семидесятисемилетний философ.

Вольтер умрет через шесть лет. Он панически боялся смерти; за пару месяцев до кончины страх этот превратится в навязчивый кошмар. «Я не могу вспоминать об этом без содрогания, – писал его лечащий врач. – Безумие овладело его душой».

Шатаясь, с выражением муки на лице, старик пятится со сцены и проглатывается кулисами. Бьет колокол. Екатерина остается одна. Чадят масляные плошки.

– Дайте мне сто полных экземпляров произведений моего учителя, чтобы я могла их разместить повсюду! – говорит она в пустоту. – Хочу, чтобы они служили образцом, чтобы их изучали, чтобы выучивали наизусть, чтобы души питались ими!..

Она проживет еще восемнадцать лет, тучнея, дряхлея, но все так же цепко держась своими пальчиками за власть.

Старушка милая жила
Приятно и немного блудно,
Вольтеру первый друг была,
Наказ писала, флоты жгла,
И умерла, садясь на судно.

Пушкин был не совсем прав. Удар с императрицей случился в туалетной комнате не на судне, а на стульчаке, который она приказала сделать из польского трона... Ее бережно и слегка брезгливо с него сняли и отнесли в покои. Там, не приходя в чувства, она и отойдет.

Плошки с шипением гаснут. Освещать им, впрочем, уже нечего, сцена пуста.

Лишь где-то вдалеке, за пыльными кулисами, бьет колокол.

И чей-то тихий голос все повторяет строку из 118-го псалма: «Благо ми, яко смирил мя еси... Благо ми, яко смирил мя еси...»

Из «Толкования на Книгу Бытия» Прокопия Газского

*Предисловие, перевод со среднегреческого языка и примечания
Дмитрия Макарова**

Прокопий Газский (между 453/ 473 – ок. 528) – раннехристианский мыслитель-экзегет, один из так называемых малых учителей Церкви, представитель палестинской богословской школы, располагавшейся в Газе Палестинской (ныне – на территории Израиля). Он возглавлял местную школу риторики, пользовавшуюся, наравне с афинской, значительной известностью в V–VI веках и соединявшую традиции античной культуры и христианского вероучения. Прокопию принадлежат комментарии на книги Ветхого Завета, а также «Опровержение Прокла», направленное против языческой теологии философа-неоплатоника Прокла.

Прокопий пользовался определенной известностью в средневизантийский период — настолько, что ему даже ошибочно приписывали анонимный (впоследствии атрибутировавшийся Михаилу Пселлу) плач «На падение Св. Софии», составленный около 990 года.

В последние два десятилетия наблюдается всплеск интереса к его творчеству, в том числе и в русской патрологии**. Небольшую справку об авторе на русском языке можно получить лишь у прот. Георгия Флоровского и в «Кембриджской истории позднеантичной и раннесредневековой философии»***.

Настоящий перевод фрагментов главного экзегетического труда Прокопия, посвященного истолкованию Шестоднева – библейского повествования о шести днях творения мира (Быт.1, 1 – 2, 3) – также является первым в русской науке. Он ставит целью познакомить читателя с основными характеристиками богословско-экзегетического метода этого автора и с наиболее интересными примерами толкования им стихов Св. Писания: александрийцев Оригена, Дидима и Кирилла и антиохийцев Диодора Тарсийского, Феодора Мопсуестийского и Евсевия Эмесского****. Кроме того, Прокопий приводит мнения и противников христиан-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-011-00778 «Леонтий Византийский и патристическая традиция».

** Баранов В. А. Элементы антиохийской экзегетической традиции в «Комментариях на книгу Бытия» Прокопия Газского // Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций. Архив конференции. Вып. 1: Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 1–2 октября 2021 г.) / отв. ред. О. Н. Ноговицин. СПб.: РХГА, 2021. С. 343–359; Макаров Д. И. Некоторые замечания о понимании цвета у Витгенштейна и в византийской традиции // Христианское чтение. СПб., 2022. № 1. С. 238–248; Болгова А. М. Прокопий Газский: ритор и богослов // Проблемы истории, филологии, культуры. № 2. 2014. С. 101–107.

*** Флоровский Г. В., свящ. Византийские Отцы V–VIII вв. Париж: <б.и.>, 1933 (репринт – М.: Паломник, 1992). С. 134; Шелдон-Уильямс И. П. Гл. 31. Реакция против Прокла // Кембриджская история поздней греческой и ранней средневековой философии / под ред. А. Х. Армстронга. СПб., 2021 [Cambridge, 1967]. (Слово о сущем, 127). С. 575–576.

**** Баранов В. А. Указ. соч. С. 344, ср. с. 354.

ства – неоплатоников и манихеев. Как писал прот. Георгий Флоровский о методе Прокопия: «Сперва он собирает и выписывает мнения избранных толкователей (“выборки”, “эклоги”). Затем, так как очень часто объяснения совпадают, он сокращает свой свод, оставляя только расходящиеся мнения»*.

Однако Прокопий не только собирает и передает чужие мнения; он осмысливает, разбирает и дает им свою оценку. Не лишены интереса и приводимые Прокопием аргументы. В частности, типичные для Средневековья философские этимологии, например, выведение названия неба (οὐρανός) из его видимости для всех (διὰ τὸ ὀραῖσθαι), а ночи (νύξ) – из того, что она есть время сокрушения (καταστροφή). Или тонкое различие между «было» (ἦν) и «стало» (ἐγένετο), которое зачастую не передается Синодальным переводом. Толкования Прокопия содержат множество и других интересных идей, новых подходов к давно известным текстам.

Перевод был выполнен по: Migne, *Patrologia graeca*, 87, с учетом: *Prokop von Gaza. Eclogarum in libros historicos Veteris Testamenti epitome. Teil 1: Der Genesiskommentar* / hrsg. K. Metzler. Berlin; Boston; München: Walter de Gruyter, 2015. (GCS, Neue Folge, 22).

В начале сотворил Бог небо и землю

Началом он<, Моисей,> называет<, возможно,> время. С этого ведь началось время для <всего> сотворенного, и <оно> тоже было сотворено впервые. В подобном же смысле сказано: *Начало доброго пути – делать правду* (Притч. 16, 5) (ибо добрыми делами мы подвигаемся к блаженной жизни). Если ты отступишь назад из тех времен, что настали вслед за этим<, первоначальным>, то найдешь, что оно и является тем пределом, от которого <Бог> и сотворил начало.

<Возможно> и <другое толкование>. Начав созидать, Бог именно это<, *небо и землю*,> сотворил первым, подобно тому, как и начавший постройку дома первым делом создает для него основание.

Или же *началом* мира <Моисей> называет искусство (τέχνην) Сотворившего? Ведь начало произведений искусства – само искусство, подобно тому, как премудрость Веселеила** – начало того благолепия, которым была обложена Скиния.

Равным образом *в начале* означает то, что возникло ради благой цели – поскольку <сотворенный мир, по своей цели> есть училище душ, как мы и началом милости называем раздаяние <благ> Богом и приистекающее оттуда блаженство.

А может статья, *началом* он назвал вневременность и мгновенность творения. В самом деле, как начало пути – не путь (ибо начало неделимо), так и начало <всего> времени – еще не время***. Если же время разделить на частицы, то у каждой будет еще <свое собственное> начало, и так – до бесконечности<, что неразумно>. В высшей степени неразумно и примысливать начало <для самого> начала. И так, <в начале> означает, что как только Бог возжелал, возникло и сотворенное Им.

Кроме того, *начало* иногда обозначает царскую власть – чтобы отсюда было <ясно>, что Бог, будучи Царем и Властителем, сотворил нашу вселенную, не по-

* Флоровский Г. В., свящ. Указ. соч. (URL: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Florovskij/vizantijskie-ottsy-v-viii-vekov/8)

** Веселеил — главный строитель Скинии Завета, а также ковчега Завета и священной утвари.

*** Ср. у Василия Великого («Шестоднев», 1.6): «Как начало пути еще не путь, и начало дома еще не дом, так и начало времени еще не время, а даже и не самонаименьшая часть времени» (Творения Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1900. (Репринт. М.: Паломник.) Ч. I. С. 13).

заимствовав материю из какого-то иного места, но вместе с первообразами (τοῖς εἰδέσι) <вселенной> создал и соответствующую им материю.

По-еврейски *начало* означает главу, так что <Моисей>, возможно, называет «главой» небо и землю как первые из видимых творений. Так и глава на теле является более владычественной его частью не только по положению, но и по <тому, что служит главою > его чувствам и его жизни.

Так Моисей называет сотворенным первое из возникшего; относительно Творца ему угодно, чтобы Тот мыслился прежде всего возникшего, не будучи отделен <от него> каким-либо измеримым промежутком <времени>, ибо бытие Вечного не может быть измерено. А тому, что Бог вечен, Моисей был научен, когда Тот рек ему на Хориве: *Аз есмь Сущий* (Исх. 3, 14). После чего <Моисей> и явил <миру> настоящее Писание. Ведь, если бы он не познал Бога, то как бы назвал Его Зиждителем всего <сущего>? Или как бы научил пребывавших в неведении тому, что их *сотворил Бог*? Ныне же, говорит <Моисей>, коль скоро вам уже известно, что Бог, Которого вы познали благодаря мне, вечен, является Сущим и Единым, <я и утверждаю, что> Сей сотворил небо и землю ради Своей славы.

Более того, <Моисей> определяет (ἀριθμεῖ) для нас время с предельной точностью, дабы мы ведали неограниченность Божию и ограниченность твари временем, которое он полагает началом бытия. Потому он и говорит: *сотворил*, а не *было*. Ибо, как глаголет о Боге-Слове Иоанн, *было* (ἦν) относится к тому, что вечно <(В начале **было** (ἦν) Слово, Ин. 1, 1)>, а *стало* (ἐγένετο) <(Все **стало** (ἐγένετο) через него, Ин. 1, 3)> – к тому, что сотворено. Потому <евангелист>, повествуя о Крестителе, и поясняет: **Стал** (ἐγένετο) человек, посланный от Бога (Ин. 1, 6)*.

И не будем удивляться тому, что Моисей, продолжая, говорит: *Земля же была* (ἦν) *безвидна*... (Быт. 1, 2), хотя она сотворена. Говорит *была*: после *сотворил* – утверждает: **была безвидна**. На еврейском языке «сотворил» означает как «создал», так и «явил»; Писание, как кажется, подробнее разъясняет это как «явил из не-сущего». А поскольку «сотворил» говорится и о возникшем из чего-то <уже существовавшего>, как, например: «ремесленник сотворил из железа серп или нечто подобное», то это дало некоторым повод утверждать, будто Моисей, научившись от египтян тому, что всё <сущее> возникло из предсуществующей материи, и сказал *сотворил*. Не ведая об их клевете, толкователи и говорили: «сотворил». Подобаает же говорить: «явил». Именно так Моисей с полным правом и изрек, противостоя вводящим такую <предсуществующую> материю – и зная, что...** не предсуществует, говорит, вместо материи, об образах неба и земли, и бездны, возникших прежде всего, и объясняет, как на их основе устроился мир.

Итак, первый день творения очень сильно отличается от всех последующих. В самом деле, то, что появилось в этот день, Бог сотворил из ничего, тогда как в остальные дни уже не было того, что Он сотворил бы из ничего – но <всё творилось> из того, что Он произвел в первый.

Удивимся, что Он вначале сотворил небо, а затем землю; сперва – покров, а потом основание. Хотя и в этом нет ничего парадоксального. Бог ведь не подлежит

* Синод.: **Был** человек, посланный от Бога (Ин. 1, 6)

** Повреждение текста.

природной необходимости и не подчинен рабски законам (ἀκολουθία) ремесла. Столь огромное небо, великое и сияющее, <до столь дальних пределов> простирающееся и на столь длительное время утвержденное, Бог сотворил с такой легкостью, с какой, вероятно, некто, играючи, соорудил бы шалаш. Проясняя это, Исайя говорит: *Утвердивший небо, как тонкую ткань, и раскинувший его, как шатер на земле* (Ис. 40, 22). На основании этого речения одни – и таких, скорее, большинство – утверждали, что небо представляет собой полусферу (ἡμισφαίριον), другие же предполагали, что оно имеет форму сферы.

Вот что о подлинном облике и положении неба говорит апостол: *Скинии истинной, которую воздвиг Господь, а не человек* (Евр. 8, 2). И где окажутся утверждающие, будто небо вращается вокруг самого себя, и полагающие, будто оно имеет форму сферы? В вышеприведенных словах апостол опровергает как тех, так и других.

А на то, что у неба есть начало и конец, указывают и пророки, ибо Писание гласит: *Солнце исходит на землю* (Пс. 18, 6), а не *восходит*. И еще: *От края небес исход его* (Пс. 18, 7), а не *восход*; ибо сфера не имеет краев. И Спаситель утверждает: *Когда придет Сын Человеческий во славе Своей, пошлет Ангелов Своих с трубою громогласною, и соберут избранных Его... от края небес до края их* (Мф. 24, 30-31). Вторит Ему и Моисей: *С того дня, в который сотворил Бог человека на земле, и... до края неба* (Втор. 4, 32). И Исайя: *Господь Саваоф дал повеление народу тяжелооруженному идти от края земли до предельного основания неба* (Ис. 13, 3, 5).

Но при этом небо не является одушевленным – хотя и Писание представляет весь космос олицетворенным (προσωποποιεῖ), чтобы сделать повествование более выразительным. Оно вводит рукоплещущие реки (Пс. 97, 8), прыгающие холмы (Пс. 113, 4. 6), ликующие горы (Пс. 97, 8) – дабы научить <нас> преизбыточествующему изобилию благ <Божиих>, которое простирается, так сказать, <даже> до бесчувственных <созданий>. Впрочем, и в случае чего-то печального <Писание> тоже часто поступает так, упоминая плачущую лозу (Ис. 16, 8-9 и др.), а также стенающие виноград, горы и украшения храма, рыдающие из-за изобилия зол (Амос 8, 3* и др.). Потому и божественный Апостол заключает: *Вся тварь совокупно стенает и мучится* (Рим. 8, 22), – чтобы зримо явить превосходство будущих благ и желание освобождения от обстоящих зол. Но это небо <Писание не олицетворяет, чтобы мы не решили, что оно одушевлено и вечно; оно же> ни в коей мере не является вечным, ибо вечное бестелесно, безвидно, не сложносоставно и неопишимо.

Земля же была безвидна и неприготовлена (ἀκατασκεύαστος)... <Синод.: «безвидна и пуста...»>

Безвидной называет он <землю> не потому, что она по природе такова, что ее невозможно видеть, но в силу того, что, будучи видима по природе, она пребывала сокрытой водами. Вот потому она и была безвидна, то есть неукрашена (ἀκόσμητος) и еще не достойна созерцания.

* В Синодальном переводе это слово искажено; ср.: καὶ ὀλολύξει τὰ φεγγάτια τοῦ ναοῦ ἐν ἐκείνῃ τῇ ἡμέρᾳ, λέγει κύριος; «Песни чертога в тот день обратятся в рыдание, говорит Господь Бог...» (Ам. 8: 3).

Акила* же вместо *безвидна* говорит: «пуста» (κενή), то есть, лишена всякого убранства (κόσμου) в виде растений, рек и источников; подобно и о ком-либо видном и отважном Писание говорит: *Не сей ли поразил мужа египетского, мужа видного?* (ср.: 1 Парал. 11, 23) – то есть необычного и достойного созерцания. Впрочем, все мы являемся видимыми – дабы «безвидное» и «неизготовленное» было одним и тем же. <Моисей> ведь не говорит, что видел некую материю (ὕλην), лишенную <всех качеств> и <всего>, производимого из нее. В противном случае он бы ведь и небо назвал неприготовленным (раз уж <Бог> сотворил всё из материи), и не стал бы отдельно говорить о небе, отдельно – о земле, если только они не станут утверждать, будто Бог сотворил две материи**. Ведь и небо так же требует <для своего возникновения> оформления <материи>, как и земля.

Безбожный Мани*** истолковывает *была* (ἦν) в том <смысле, что> материя вечна. На самом же деле <глаголу> *была* предшествует <глагол> *сотворил*. Кроме того, *была* не всегда обозначает вечность, как, например: *Был тот благородный человек из тех, что живут у восхода солнца* (парафраз Иов 1, 3?).

Возможно, <Моисей> также и потому говорит: *безвидна*, что еще не появился созерцатель земли – человек; если бы даже он был, то <всё равно> не имелось света, чтобы он мог ее увидеть>.

А то, что *неприготовлена* означает *неукрашена* (ἀκόσμητον), явствует из того, что сказано в другом месте: *Творя, лучше отделал тебя, чем горшечник – глину* (парафраз Ис. 29, 16?). В самом деле, как горшечник преобразует сырую глину в сосуд, какой пожелает, так и Я, <говорит Господь,> взяв тебя – глину – из земли, претворил (μετεσκεύασα) в <нечто> лучшее, чтобы людям невозможно было сказать, каков ты и откуда появился на свет.

По какой же причине Бог явил нам небо совершенным, тогда как о земле Писание говорит, что Он отделал (τεχνιτεύειν) ее лишь в малой степени? Для того чтобы ты, изведав Его силу на примере лучшей стихии, удостоверился, что Он мог явить и землю столь же совершенной, как и небо. Ради тебя и твоего спасения земля осталась *неприготовлена*. Она ведь – общая трапеза, родина, и питательница, и мать всех, и общий град, и общая могила. Вот потому <Писание> и показывает тебе землю неоформленной и некрасивой (ἀκαλλῆ), чтобы ты, дивясь тому, до какой же степени необходимо пользоваться ею, не обожествил ее. Итак, видя таковую <нашу> немощь, будем удивляться Тому, Кто произвел землю и украсил ее.

...и Тьма <была> над бездною...

Много вздора несут те, кто на основании этих <слов> утверждают о несотворенности зла по природе – мол, раз в Писании сказано, что тьма <уже> *была* (ἦν), <и не говорится об её> возникновении.

Однако, что касается этого *была*, то о нем сказано правильно. Действительно,

* Акила (1-я пол. II в.) – иудейский переводчик Ветхого Завета на греческий язык.

** Возможно, намек на учение Плотина об умной материи во второй «Эннеаде» (Plot. Enn. II.4 (12).1.3 sq.)

*** Мани (216 – 274 или 277) – основатель манихейства, дуалистического учения, признававшего вечность материи.

как Писание могло нам поведать о возникновении чего-то такого, что не существовало прежде? Ведь <тьма – это> лишенность света, до возникновения которого тела оставались абсолютно непросвещенными, поскольку сами по себе не могли испускать свет. Поэтому воздух и вода и пребывали во тьме.

И разве природа может быть враждебной Богу? <Если бы это было так, то она должна была быть> или равной Ему по силе, или слабее, или сильнее. Но если <она будет> равной, то и битва <между ними будет> без конца, поскольку ни одна сторона не сможет ничего сделать другой, так как будет не в силах одолеть ее. Если же слабее, то разве <Бог> не одолеет ее? Ведь невозможно утверждать, будто Он будет то побеждать <материю>, то терпеть поражение. Ведь это означало бы, что каждое из обоих начал то лишено силы, а то собирается с силами, что совершенно чуждо тому, что вечно.

И как может сосуществовать <в вечности> то, что противоположно друг другу?

Или же <между ними> имеется нечто, что разделяет их? И каково оно – равно <им по силе>, слабее или сильнее? Ведь именно это подобает тому, что лежит между.

И каковым будет произведение таковых <противоположных начал>? Ведь то, что возникает из противоположных и враждебных <начал>, само в себе противоположно и враждебно.

Итак, совершенно невозможно противоположностям господствовать одновременно (συνυπάρξει). Может ли <быть>, чтобы одна вечно брала верх над другой? <Тоже нет>. Именно поэтому они ничего не претерпевают и пребывают непреложными.

Да и мыслимо ли, чтобы противоположности не принадлежали одному роду (который<, разумеется,> сильнее <составляющих его> видов) и в силу принадлежности к этому роду не обладали взаимным сродством? Но тогда они уже не будут полностью противоположностями. Если они противоположности, то не по своему качеству, ибо противоположность <чему-то> не является сущностью. Много чего мог бы я об этом сказать, если бы именно это было предметом <нашего разговора>.

Итак, причина безвидности земли <заключалась в том, что ее со всех сторон> облегалась бездна. Бездна – это множество вод, нижний предел которого труднодостижим. И в силу этой исключительной глубины, а также из-за того, что еще не появился свет, земля и пребывала безвидной. И ничего удивительного в том, что прежде света была тьма. <Тьма> ведь лишена ипостасного бытия, но обладает потенцией светиться, нуждаясь <для этого> в присутствии <источника> света. Так воздух способен воспринимать свет, и не потому, что воздух – это тьма (данное <качество – быть темным> он приобрел как привходящее). Как существующее в потенции, <тьма> является началом того, что <бытийствует> по энергии. Получая совершенство через это <последнее>, она выступает как <начало> дружественное и родственное ему.

Теперь рассмотрим, допустимо ли утверждать, что тьма возникла для заграждения мысленного света (νοητοῦ φωτός). Скажи мне, какое из тел смогло бы преградить <путь> мысленного свету? Ибо этот <свет> – Бог и подаваемые Им мысленным <сущим> жизнь и просвещение. А некоторые дерзнули утверждать, будто

тьма – это диавол, бездна – бесы; а когда Бог сказал: *Да будет свет*, возник Сын Божий. И не стыдятся заявлять, будто не только диавол, но и небо с землей старше Сына, через Которого всё возникло (Ин. 1, 3). А еще – будто диавол, возникши благим, сам по себе сделался клеветником (διάβολος).

А <некто> напомнил, что <Писание,> сказав: *над бездною*, включило <в понятие бездны> и <всё> сотворенное, на что указывает и артикль τῆς <в форме ἐπάνω τῆς ἀβύσσου>, как и в выражении: «над водою» (ἐπάνω τοῦ ὕδατος). Ибо, когда <идет речь о> создании объемлющего <- то есть, бездны>, тем самым указывается и на создание объемлемого <- то есть, земли>.

...и Дух Божий носился над водою (ἐπάνω τοῦ ὕδατος)

Одни утверждают, что <это -> Дух Святой; потому-то и прибавлено *Божий*, а так говорится лишь о Святом Духе. Дело в том, что еврейское слово <носился> указывает на нечто подобное высиживанию птенцов у птиц, а также на побуждении воды к порождению живых существ. Сказано это так, чтобы показать, что природа сама по себе не имеет ничего, что позволило бы ей полностью раскрыть (ἀποτελεῖν) собственные энергии, то есть, порождать живое или высиживать...^{*} Будучи не в состоянии выразить это в одном слове по-гречески, <переводчик> употребил глагол *носился*, совершенно чуждый Духу Божию (если поймать его в смысле: «спускание Бог и восхождение», или «двигался взад и вперед» и тому подобное).

Иные по зрелом размышлении отвергли такое понимание, поскольку не подобает причислять к твари Нетварное, и понимали <рассматриваемое место> в том смысле, что *Дух Божий* <здесь> означает воздух. Но почему тогда – *Божий*? Почему об остальных стихиях не было сказано – *Божий*? Потому, что <именно воздух по своей природе> тоньше и ближе к бестелесным сущностям, и более подвижен, и именно поэтому и был назван *духом* – именем, которым Божественному Писанию свойственно называть Божественную сущность. Однако дабы мы на этом основании не сочли, будто воздух – нечто иное по сравнению с <остальной> тварью, Писание добавило *Божий*; ведь он появился благодаря Богу, как и всё остальное. А тому, что Писанию свойственно, называя воздух *духом*, прибавлять *Божий*, научает и Давид, говоря о воздухе и о том, чему в нем по определению Божию угодно сходиться друг с другом в результате взаимных превращений: *даёт снег, как волну*^{**}; *сыплет иней, как пепел; бросает лёд Свой кусками* (Пс. 147, 5-6). И еще: *подует ветром Своим, и потекут воды* (Пс. 147, 7). Таким образом, в подобного рода изречениях *дух* иногда означает воздух, а порой – ветер, <так же> творение Бога, движущееся и навывшее совершать такого рода действия сообразно с Его волею.

Иным же представлялось, что *Духом Божиим* <Моисей> называет энергию, которая согревает природу вод и управляет ею. Есть и те, кто утверждает, что <Писание> с *создания мира* (Лк. 11, 50) <уже> намекает на благодать святого Крещения. Именно поэтому наше очищение <совершается>, прежде всего, в воде, а не в какой-

^{*} Повреждение текста.

^{**} Точнее, «шерсть» (ἐρίον). Вместо греческого «льда» в Синодальном переводе: «град».

либо другой стихии. Ибо, по их словам, начало мира – вода, а начало Евангелий – Иордан.

<Наконец,> некоторые, решив, что в данном месте речь идет о Святом Духе, поняли воды как святые <бесплотные> силы, а бездну – как силы лукавые, в которых пребывала тьма, то есть диавол.

И сказал Бог: да будет свет. И стал свет

Уясним, что глас Божий не был высказан с помощью органов речи...*. Понимать же глас Божий следует как проявление (ῥοπήν) воли Божией, а также ее запечатление, при помощи энергии Божией, в <умах> научающихся (τοῖς διδασκομένοις) <Божественной премудрости,> чтобы они могли ее воспринять в чувственных образах.

Поскольку же, сообразно с состоянием каждого <научающегося>, эта энергия проявляется в нем более отчетливо или менее, то обращения Бога <к научающимся> подразделяются на более возвышенные, средние и делаемые для какого-то определенного случая (τελευταίως). Ибо Бог не нуждается в голосе – Ему достаточно Его воли; согласно божественному Давиду, *Господь творит всё, что хочет* (Пс. 134, 6). Именно в таком смысле и нужно всегда понимать *Сказал* и *Изрек Господь*; <даже> бесы, вероятно, так их понимают.

Первый же глас Божий всё исполнил света. Ведь Он сотворил свет по природе таковым, что, будучи проворнее и тоньше всякой мысли, через всё проходит и везде распространяется, особенно же через те стихии, что более остальных тонки и прозрачны. Такова природа воздуха, начала и концы которого просвещаются одним мановением.

Но, сотворив небо и землю, Бог не издал никакого гласа, поскольку не было тех, кому надлежало быть наученными благодаря ему. А вот уже после создания неба и земли, дав бытие ангелам и желая их научить тому, что Он есть и их Зиждитель – дабы они не сочли, будто возникли сами собой, – Бог, творя всю тварь, созданную позже, указывает <на нее> голосом. Бог сделал общий порядок созданного доступным их взорам, дабы, видя возникновение того, что было сотворено после них, ангелы твердо уяснили, что Создатель всего последующего является Творцом и их самих. Если <бесплотных> ангелов Он лишь пожелал – и произвел, то и теперь<, при творении видимого мира,> всякому творению предшествует Его глас. Сие разъяснил и сам Господь, обращаясь к блаженному Иову: *Когда Я творил звезды, восхвалили Меня все ангелы Мои* (парафраз Иов 38, 7). Ибо очевидно, что если это было при сотворении звезд, то было и при сотворении всего остального. Пораженные происходившим, ангелы дивились тому, как вместе с гласом Божиим возникли сущности, доселе не бывшие.

Иные же относят *сказал* к Сыну и Слову** ... но тогда непонятно, почему, если небо, земля и прочее<, созданное до творения света,> возникло благодаря Ему, то

* Повреждение текста.

** Повреждение текста.

к <повествованию> и об их <сотворении> не присовокуплено *сказал*. Впрочем, ничто не мешало тому, чтобы вначале всё перечисленное было сотворено через Сына в молчании, а теперь <, при сотворении света,> к научению слушающих, раздался глас; ведь Отец общается с Сыном не как с неведающим. Если же иные до последнего силятся утверждать, будто ранее перечисленное <, небо, землю и ангелов,> сотворил Отец, а только что названное – как уступающее предыдущим – Сын, то испускают глаголы, исполненные безумия.

И увидел Бог свет, что он хорош...

Хорош* по отношению к твари не следует понимать с точки зрения чувственного восприятия. Бог ведь взирает не так <, как мы> но Собственным ведением, благодаря которому Он видел каждое <из творений – что> оно хорошо, не на вид, но для Его целей, <что оно> вписывается в то согласие между самим собой и остальными, <имея в виду> которое, Акила и предпочитает прибавлять <приставку> «со-»**. Ибо он говорил о каждом <из творений>, что оно хорошо, когда всё сообщая было исполнено. *И увидел Бог, – сказано, – всё, что Он создал, и вот, хорошо весьма* (Быт. 1, 31).

Так и о камнях, изящно выточенных и расположенных в порядке <, чтобы стать> частями статуи, можно сказать, что они хороши (прекрасны) и сами по себе – пусть и не для всех, но, по крайней мере, для того, кто на них взирает с точки зрения искусства. Да ведь и булыжник, пусть он и не прекрасен сам по себе – но, с точки зрения целого, вписанный в красоту постройки и целой статуи <, как отделка ее основания>, удостоивается <порой> большой похвалы.

Таковы и части творения. Их точное предназначение и соразмерность друг с другом совершенно невозможно уловить случайному зрителю (τῷ τυχόντι). Поэтому инославные (ἑτερόδοξοι), далекие от понимания всего этого, ухватываются <, как за последний довод,> за дикость хищных зверей, яд пресмыкающихся и кажущуюся бесполезность существования тех или иных существ и заявляют, что Сотворивший их – либо не Бог вообще, либо не благой Бог.

А то, что *видеть* употребляется здесь применительно к мышлению, следует из сказанного в книге Исход: *Увидел народ глас* Господень (Исх. 20, 18). Ясно, что чувственный глас не может быть видимым.

Как же Бог не одобрит свет за то, что он хорош, и не украсит им вселенную? И оный <автор> дает понять, что чувственное творение, способное отображать в себе мысленный свет, способно производить аналогичное действие и среди мысленных творений.

Надлежит также обратить внимание на то, что вместе с этим гласом Божиим была совершена и похвала тому, что сотворено. В самом деле, как <тогда, когда Бог,> издав глас, назидал умные силы, так и теперь вновь, желая им показать, что не один – творящий, а другой – судящий, но что и творение, и суд – дело одного

* Καλόν означало также «красив», «прекрасен».

** Т.е. συκαλόν, «со-прекрасен».

Бога этих сил*, Он соединил с творением суд и испытание сотворенного Им. Тем самым он заранее обуздывал тех бесов, которые <затем> дерзнут порицать видимое чувственное творение, а купно с ними и тех безбожных еретиков, которые, измышляя злое начало <мира>, восстают против Бога**.

...и отделил Бог свет от тьмы

Ибо они несмешиваемы, коль скоро первое представляет собой качество (ἕξις), а второе – лишенность его. А поскольку они несходимы друг с другом, то и <соединиться могут лишь тогда>, когда одно из них оказывается несуществующим.

И назвал Бог свет днем, а тьму ночью

Итак, после возникновения солнца, <возникли день и ночь>. День – это воздух, просвещенный солнцем, сияющим в той <небесной> полусфере, что над землей, а ночь – это затенение земли, когда солнце закатывается. Но не вследствие <одного лишь> движения солнца наступает день и отходит ночь, а благодаря <тому, что> в соответствии с определенной Богом мерой разливается <солнечный свет>.

Говорят, что <день> назван «днем» (ἡμέραν) потому, что всё сияющее и светлое называют «миролюбивым» (ἡμερον). Поэтому мы и человеколюбие называем «милостью» (ἡμερότητα), а ручных животных – «кроткими» (ἡμερα).

А ночь (Νύξ) так называется потому, что пронзает (νύττει) человека даже тогда, когда он только дремлет, и <как бы> взывает к нему: «Познай, человек, что смертен ты и рабствуешь сну! Что ты о себе воображаешь? Ведь ночь – это <время> сокрушения (κατανύξη)». Потому и Давид глаголет: *Размыслите в сердцах ваших на ложах ваших, и утишитесь* (κατανύγητε) (Пс. 4, 5).

Как царь в своем граде повелевает тому или иному свершиться и одобряет, если это происходит успешно, после чего приводит в соответствие с приличествующей ему целью, так и Бог: сказал, чтобы появился свет, одобрил, когда тот возник, и определил, как ему являться в мире<, чтобы быть> пригодным <для его освещения>.

Вот что означает: *отделил <Бог свет от тьмы>*. Он не возжелал, чтобы тьмы не было вовсе, ибо ночь благоприятна для людей и животных: первым – для отдыха, а зверям – для охоты (νεμομένοις), ибо *во время нее бродят все лесные звери* (Пс. 103, 20).

И стал (ἑγένετο) вечер и стало (ἑγένετο) утро: день один (ἡμέρα μία)

То разделение, которое Бог провел между светом и тьмой, содеяло общие границы для того и другого. Ибо завершение дня – вечер, а ночи – утро, и наоборот:

* Намёк на титул «Господь Саваоф», т.е. «Господь воинств».

** Имеются в виду гностики и манихеи.

вечер – начало ночи, а утро – дня. В самом деле, завершения, пределы и начала всегда мыслятся вместе с вещами. Вот почему <Моисей> не сказал: *Сотворил вечер и утро*, но: *было утро*, поскольку <вечер и утро> существуют <только> вместе с разделением света и тьмы.

В высшей степени спорным является вопрос о том, что чему предшествовало. Ведь даже среди тех, кто признает, что у тьмы есть своя сущность и природа, одни ставят день перед ночью, а другие – ночь перед днем. И те, кто ставит впереди день, утверждают, что Бог предоставил старшинство дню, ибо Он вначале сказал о его завершении (Быт. 1, 8), поскольку день уже завершился и прошел, и именно таким образом – в его завершении – обрела свое начало ночь. Ибо ночь (в силу того, что день ее уже предварил) наступает после дня – для облегчения от нашей дневной работы.

Действительно, то состояние мира, что предшествовало <сотворению> света, было не ночью, а тьмой. Ночь же – это та <часть времени>, что противоположна дню и была так названа, чтобы отличить ее ото дня. А вот слагающуюся из обоих сумму дня и ночи (ἡμερονύκτιον) <Моисей> не назвал днем и ночью – но днем, <взяв название> от лучшего. То же самое ты найдешь во всём Писании: ночи мыслятся вместе с теми днями, за которыми следуют. Ведь и Псалмопевец говорит: *Дни жизни нашей* (Пс. 89, 10); и Иаков: *малы и несчастны дни жизни моей...* (Быт. 47, 9). И еще: *все дни жизни моей* (Тов. 1, 2; Пс. 26, 4).

Итак, ясно, что «днем» и «ночью» <Моисей> называет определенный промежуток времени и такой-то его момент, а не само бытие того и другого. В самом деле, бытие их называется, соответственно, светом и тьмой, а временной промежуток – днем и ночью. Ибо день мыслится двояко – как временной промежуток и как сияние окружающего нас воздуха. И еще: *На третий день был брак в Кане Галилейской...* (Ин. 2, 1).

<Поэтому, когда упоминается тот или иной день,> указывается его количественная характеристика (τὸ ποσόν), то есть – число, а не то, был ли он светлым или хмурым. А вот если ты скажешь: «Сегодня день хмурый», то укажешь не его количественную характеристику, но его качество.

Таким образом, «днями» до <сотворения> солнца и светил обозначался определенный количественный интервал времени. Ведь солнце не творит день, но лишь обозначает его (σῆμαυτικός), подобно тому, как <тот или иной инструмент обозначает> то, что обрабатывается с его помощью...^{*} Так что не бессмысленно утверждать, что такой-то промежуток существовал до светил и появился прежде них, – пусть даже его пределы измеряются солнцем <и его движением>.

На то же, что день есть промежуток, <а не просто свет,> указывает: *День дню передает речь* (Пс. 18, 3), а не: *Свет свету передает речь*. Ибо свет <всех дней> – один и тот же, и тьма всех ночей – тоже одна и та же, а <«день» и «ночь»> обозначают разные их промежутки.

В самом деле, <дни и ночи,> чередуясь и сменяя друг друга, проповедают своего Создателя. И хотя день и ночь поочередно бывают <то> больше, <то меньше>, поскольку чередуются между собой, так что меняется и их длительность, – их

^{*} Повреждение текста.

схождение, называемое одним днем, на всём своем <протяжении> сохраняет одну и ту же длительность, состоящую из двадцати четырех часов.

Против утверждающих, что день предшествует ночи, <как бы> восстает время праздников, и особенно – тридневного погребения и Воскресения Спасителя. Действительно, все <священные> законодательства всегда ставят ночи перед днями. Так, мы начинаем <читать> об опресноках: *С четырнадцатого дня первого месяца, с вечера ешьте пресный хлеб до вечера двадцать первого дня того же месяца; семь дней не должно быть закваски в домах ваших...* (Исх. 12, 18-19). Таким образом, начало <вкушения> опресноков – пятнадцатый день, начиная с <предшествующего> вечера, а предел – двадцать первый; <Моисей> описывает праздник прежде вечера, поскольку первой <в данном стихе> упоминается ночь, которая уже ведет за собой данный праздник.

То же содержится и в законе о посте. В самом деле, не намекает ли Законодатель на тот переход от неустроенности к благоустроенности (εὐκοσμίαν), который уже совершился с появлением из темноты – дня, а в конце <времен> произойдет при будущем обновлении? Ведь <священное> законодательство и вправду является напоминанием о прошлом и сенью грядущего. Так же и суббота – <напоминание> об уже свершившемся почивании Бога от трудов Своих (Быт. 2, 2-3) и <предзнаменование> того отдохновения, что уготовано народу Божию в подражание только что упомянутому почиванию Божию. И праздник Кущей – не только напоминание о тех шатрах, которые евреи воздвигали в пустыне, но и указание на те вечные кущи, в которых будут пребывать святые.

Подобным образом и то, что праздники начинаются ночью, с одной стороны, напоминает, что день появился как бы из огромной предмирной ночи, а с другой – пророчествует о том истинном дне, который воссияет по скончании <времен> и по сравнению с которым нынешний день является ночью: *Ночь прошла, а день приблизился* (Рим. 13, 12), – как глаголет Апостол, истолковывая символ Закона. Ибо он прибавляет: *итак, отвергнем дела тьмы и облечемся в деяния света* (там же). Именно это мало-помалу и приоткрывает закон, который выводит совершающих праздники Богу из ночи в день.

И точно так же мы насчитываем три дня и три ночи Страстей Господних, прибавляя сам день, в который имели место Страсти, <то есть Страстную Пятницу> к ночи <с четверга на> пятницу, предварившей <собой> этот день, и прибавляя к третьей ночи, в которую произошло Воскресение, <то есть, к ночи с Великой Субботы на воскресенье>, и следующий за ней день Господень. Потому что прежде тех вещей, что продвигаются от тьмы к свету, необходимо исчислить саму ночную тьму, на смену которой <потом> приходит дневной свет.

<Тем не менее,> что касается творения, Богу подобало начать его с того, что по своей сущности более лучезарно, а не с чего-то темного и мрачного – такого, чему и бытие принадлежит не по сущности и о сотворении чего <в Писании> не говорится ни слова.

Да и как вообще что-то можно узнать о том, что возникло первым?

<В обычном языке> время, на <протяжении> которого отсутствовал свет, называется мраком и ночью; именно такое наименование дают <как чему-то> чер-

ному, <так> и <той части> прозрачного воздуха, что пребывает неосвещенной. Эти двое<, мрак и ночь,> сопутствуют сотворенному, как тень – предмету; как и они, она представляет собой лишь некое имя (λεγομένη), самостоятельным же бытием не обладает.

Если же где-то и говорится о них как о возникших, то понимать их возникновение (γυγονέναι) нужно по-разному, сообразно <с тем, что сказано> в псалме: *Ты простираешь тьму, и возникает (ἐγένετο)* ночь* (Пс. 103, 20). <Давид> не сказал, чьим действием возникла <ночь>, и *простираешь* не указывает, какой она оказалась. Не сказал ни <Давид>: «Ты сотворил тьму»; ни <Моисей>: «Да будет тьма» – и возникла тьма», как <это было> в случае <остальных> созданий. Но <как сказано?> *И сказал Бог: да будет свет* (Быт. 1, 3). Тьма же возникла после света, из затемнения земли. И первое Бог назвал светом, а второе, появляющееся из-за нехватки света, – ночью. И подобно тому, как мы говорим, что видим тьму, на самом деле не видя ее, поскольку она сама не дает нам себя видеть – так же мы скажем, что назвать <тьму тьмой> можно не <потому, что она обладает самостоятельным> бытием, но в силу того, что она сопровождает иное сущее...**

Итак, тьма есть и возникающее, и невозникшее (ἀγένητον). Невозникшее – не как...**, но как не воспринявшее <в себя> становление в качестве чего-то реально существующего. А возникающее – поскольку следует за возникающими вещами, наподобие теней, которые отбрасывают наши тела. Хотя появление теней...**** подтверждается нашими чувствами, тени мы сущностями не считаем – ведь они не обладают бытием. Они существуют не сами по себе, но берут подобие от другого, находящегося между <ними и светом>, тела (ἄφ' ἑτέρου μέσου σώματος).

В самом деле, воздух – не тьма, хоть и является по природе черным, как и она; но, обладая способностью окрашиваться в цвета от других предметов, принимает и их свет. Если же свет отсутствует, то неосвещенность воздуха, пребывая как бы черной сама по себе, называется тьмой, не будучи сущностью. И если Исайя и говорит: *Я – Бог – образую свет и творю тьму* (Ис. 45, 7а), то тут же прибавляет: *...делаю мир и произвожу бедствия* (Ис. 45, 7б), ведь бедствия также лишены сущности. Ибо тьма не есть нечто первозданное, но возникает, не приобретая самостоятельного бытия, благодаря тому, что сопутствует свету.

Итак, ночь не является первой <по отношению ко дню> – несмотря на то, что к праздникам Моисей прибавляет время для предварительного отдыха<, совершаемого> заранее, добавляя к покою субботы <время> из предшествующей ночи – словно предпразднество праздника. Тем самым он предписывает умное (ἐκ λόγου) отдохновение днем начинать с естественного (ἐκ φυσικῆς) отдыха в ночное время. Поэтому он и не говорит: *И стал вечер, и стало утро, ночь одна, но: день один.*

А *стал (ἐγένετο)* именно день, потому что те промежутки<, из которых состоят> утро и вечер, исчисляются сообразно с движением <солнечного> света. Ночь же не *стала*, поскольку тьма не была ее создательницей. Если же Моисей и говорит: *И стал вечер, и стало утро: день один*, так что на основании этого следует по-

* Синод.: и **бывает** ночь.

** Повреждение текста.

*** Повреждение текста.

**** Повреждение текста.

лагать, что ночь возникла раньше, чем вечер, – так ведь следовать порядку имен вовсе не необходимо.

В самом деле, поскольку вечер – это предел и утра, и всего дня, то ночь следует за днем. Может ли быть такое, чтобы наступил вечер, если ему не предшествовало утро? Так и Воскресение Спасителя нашего было трехдневным, поскольку, согласно Марку, распят Он был около третьего часа (Мк. 15, 25), а с шестого часа и до девятого мрак был по всей земле (Мк. 15, 33). Пусть все эти события, до девятого часа, образуют собой, словно в образе, один день. Второй пусть начнется с девятого часа, за которым уже последует долгая ночь. А третий начнем отсчитывать от субботы, к которой примкнет и вечер субботы, переходящий уже в зарю воскресенья. Если же первой была бы ночь, <и Моисей сказал бы только:> *Был вечер, и было утро*, то рассудок бы начал выяснять, появился ли вечер прежде, чем возник день – или <вечер был создан> тогда, когда день уже завершился. Однако в <стихе сказано>: *...и было утро: день один*: это утро – первого дня или <уже> начинающегося второго? Если первого, то – с учетом того, что к нему присоединяются и последующие <дни> – окажется, что человек был создан на пятый день, а Бог почил <от Своих трудов> на шестой день<, что неверно>.

Но это истинно лишь если мы будем понимать *утро* в широком смысле, как указывающее...* на <весь> день, <подразумеваемый> в нем; сходным образом можно думать и о *ночи*. Вот почему Иоанн сказав: *утро*, добавил: *когда было еще темно* (Ин. 20, 1), а Марк...** *при восходе солнца* (Мк. 16, 2); оба отталкиваются в своем описании от того, что происходило. А если бы они понимали утро как неделимый промежуток между ночью и днем, свободный от соприкосновения с тем и другим, – разве оно <в их описаниях> стало бы частью только дня, или только ночи, или того и другого? Оно, скорее, подобно некоей неделимой линии, которая выступает пределом по отношению как к тому, так и к другому, и оказывается в одном и том же отношении для дня – началом, а для ночи – концом. Таким образом, Моисей не говорит о них, <утре и вечере,> просто как о крайних частях временных промежутков <дня и ночи,> но включает в них (*λαβών*) и эти средние части.

А дни творения мира он перечисляет с тем, чтобы явно показать его сотворенность. Ибо Бог, созидая, не нуждается во времени, но и не творит возникающие вещи неупорядоченными. Число же устанавливает порядок, потому <Моисей> и не сказал: *день первый* (*πρώτη*) – но: *день один* (*μία*); ведь среди того, что происходит одновременно, не может быть «первого» и «второго».

Но поскольку повествование придерживается установленного порядка, то ради этого порядка, после «одного» и «второго» говорится <об общем числе дней> вплоть до шести. И, значит, всем этим дням предшествует и мыслимый прежде них первый, который Моисей назвал *одним*, показывая как одномоментность творения, так и то, что Бог упорядочил дни, когда их еще не было. Ведь Бог является Зиждителем и этих дней, а один из них Он сотворил как *день один* (*μίαν ἡμέραν*); *первым* (*πρώτη*) же его было называть несправедливо, поскольку еще не было других дней. Прочие же дни, следующие по порядку за первым, получили такие

* Повреждение текста.

** Повреждение текста.

наименования, в соответствии с которыми они следовали после первого согласно порядку отдаления от него.

Таким же образом Писание называет *одним* <днем> *месяца* (μίαν τοῦ μηνός) его первый день и *одной из суббот* <- первую его субботу>. Иначе говоря, <творение> света как по сущности, так и по порядку (εἶτε ὑπόστασιν εἶτε παράστασιν), именуется *день один*, а не *первый*. Ведь второй и третий уже меняют число. А <сотворенный> свет, оставаясь тем же самым и будучи назван <днем>, заставляет каждый <новый день>, который с него начинается, снова и снова называть днем. Ибо действие света во все дни – одно, и поэтому все дни – один день.

И в самом деле, после <описания> того, как Бог на седьмой день почил от трудов Своих, сообщается: *Вот происхождение неба и земли, при сотворении их, в тот день, когда Господь Бог создал землю и небо* (Быт. 2, 1). И так, и тот день, что после седьмого, <Моисей> назвал <одним>. И разве не о том же дне было некогда сказано в Псалмах: *Сей день сотворил Господь* (Пс. 117, 24)? По этой причине ему и предстояло получить наименование от Господа (ἀπὸ τοῦ κυρίου) и называться воскресением (κυριακή) <- то есть «Господним днем»> – ибо, будучи посвященным одному Господу, он и нарекается одним.

Кроме того, день, к чести сотворенного света, несет в себе образ нерасчлененной Единицы* (τῆς ἀδιακόπου μονάδος). Ибо Бог, будучи Светом, сочтя и первый сотворенный Им свет достойным того, чтобы воплотить в себе сущность Единицы, наименовал его: *день один*. Его же псалом нарек и *восьмым днем* (Пс. 11, 1), который указывает на грядущее состояние – ведь он лежит вне нынешнего седмеричного <круга> времени...** и, будучи *одним*, через один же должным образом и отображается: *день Господень*, – сказано, – *великий и страшный* (Иоиль 2, 31); и еще: *Горе желающим дня Господня!.. он тьма, а не свет* (Амос 5, 18) (ясно – что для недостойных). Ибо Слово ведает, что оный день – невечерний и нескончаемый, потому, как говорится, и зовет его восьмым, ибо он – иной по отношению к настоящему веку. Этим обозначаются один-единственный век в его <вневременной> целостности. Ибо слова Писания: *веки веков* указывает на различные <временные> состояния. Но об этом достаточно***.

Те же, кто полагает, что первой идет ночь, утверждают, что <в стихе: *И стал (ἐγένετο) вечер и стало (ἐγένετο) утро*> вместо *вечера* должна стоять «тьма», а вместо *утра* – «свет». Поэтому<, мол,> мы и называем вечер началом ночи, а утро – наоборот<, ее концом>. Сторонники этого мнения заявляют: так как <Моисей> сказал, что вначале возникла тьма, а потом уже свет, и коль скоро по этой причине тьма в общем порядке <творения> занимает место ночи, а свет – наполняет собой день, он и прибавил: *И стал вечер, и стало утро...*, словно поясняя, что промежуток, заполненный мраком, был ночью, которой свойственно начинаться с вечера. А когда появился свет, то стал, мол, видим и сотворенный <Богом> день, которому естественно начинаться с утренней поры. Так что не случайно он назвал утро и вечер одним днем, <отталкиваясь> от преобладающего ныне.

* То есть Бога-Отца.

** Повреждение текста.

*** Повреждение текста.

Свет ведь проделывал <тогда> тот же самый путь, который теперь <проходит> солнце.

Итак, по их утверждению, вначале Моисей сказал о тьме, а потом о преобладающем над ней свете. И даже если свет и лучше тьмы, он всё же не поставлен первым, ведь <Моисей> сохранил порядок их сотворения. И Писание<, утверждают они> исчисляет день с вечера, который начинается после захода солнца, а не с утренней зари, когда солнце обретает возможность подняться; так что сначала возникает тьма, в порядке <суток занимающая место> ночи, а уже затем <солнечный> свет, совершив собою день, приходит к закату.

В подтверждение своих слов они приводят и слова апостола: *ночь и день пробыл во глубине морской* (2 Кор. 11, 25). Но это не является надежным доказательством. В самом деле, апостол выделяет ту часть времени, в которую произошло с ним кораблекрушение, <говоря>, что его корабль разломило на части в начале ночи, а затем он провёл и весь следующий день в пучине – и что с того?

Далее, они приводят <в качестве доказательства> время праздников: что Господь воскрес ночью, как бы осуществляя Свое Воскресение в Его *день один*, и, подобно тому, как все первые <творения> были созданы ночью, так ночью же состоится и воссоздание всего. И если всё возникло во тьме, а потом уже распространился свет, так во тьме же Господь совершает и Свое Воскресение, и лишь делает Его явным с наступлением дня.

Иван МАРТЫНОВ

«Обнови в памяти моей дела МОИ...»

Автобиографические «Записки» Ивана Мартынова

Предисловие и примечания Евгения Абдуллаева

Имя Ивана Ивановича Мартынова (1771 – 20 октября 1833) не принадлежит к числу известных сегодня имен российской истории и культуры конца XVIII – первой трети XIX века. Вместе с тем, след, оставленный им, был значительным. Особенно это касалось сферы просвещения, в которой он был непосредственным проводником реформ первого десятилетия правления Александра I. При его участии создавались уставы новооткрытых Казанского и Харьковского университетов, Демидовского и Царскосельского лицеев. Деятельность чиновника Мартынов совмещал с преподаванием – в частности, он первым в России начал преподавать курс эстетики.

Немалую роль Мартынов играл и в литературной жизни России – был издателем журналов «Муза» (1796), «Северный вестник» (1804–1805) и «Лицей» (1806); сотрудничал со многими выдающимися литераторами того времени – Крыловым, Державиным, Гнедичем, Жуковским, Батюшковым... А в качестве одного из «отцов-основателей» Царскосельского Лицея одним из первых обратил внимание на литературный талант молодого Пушкина.

Наконец, он был одним из плодovitых переводчиков своего времени, – прежде всего древнегреческой классики.

Автобиографические «Записки» Мартынова, публикуемые ниже, были частично опубликованы в 1856 году в его первой биографии, подготовленной прозаиком, критиком и историком литературы (ныне тоже почти забытым) Елисеем Колбасиным «Иван Иванович Мартынов, переводчик “Греческих классиков”»*. Через пятнадцать лет, в 1871 году, они были изданы полностью в петербургском журнале «Заря» (1869–1872)**. Как сообщалось в примечании издателя журнала, Василия Кашпирёва: «Печатаются с рукописи, обязательно доставленной внуком И.И. Мартынова».

Десять лет назад я ознакомился с этой журнальной публикацией в Российской Государственной библиотеке и сделал из нее выписки. Позже она была отцифрована и стала доступной в Сети***.

* Колбасин Е.Я. Иван Иванович Мартынов, переводчик «Греческих классиков» // Колбасин Е.Я. Литературные деятели прежнего времени: Мартынов, Курганов и Воейков. – СПб.: Изд. книжного магазина А.И. Давыдова, 1859. (Также доступно на: az.lib.ru/k/kolbasin_e_j/text_1859_martynov_oldorfo.shtml).

** См.: Записки И.И. Мартынова // Заря, 1871. № 6. С. 73–110.

*** http://az.lib.ru/m/martynow_i_i/text_1821_zapiski_oldorfo.shtml

Тем не менее, являясь ценным мемуарным свидетельством, «Записки» Мартынова требуют комментированного издания: в нем упомянуто значительное количество персоналий, событий, изданий, которые мало что могут сказать современному читателю и информацию о которых далеко не всегда можно получить через простой интернет-поиск. Особенно это касается части записок, посвященной обучению Мартынова в Полтавской семинарии (1787) и Александро-Невской семинарии (1788–1792), а также его преподавания в последней (1793–1794). Этот период жизни описан Мартыновым наиболее подробно и живо и составляет большую часть записок; второй – хотя хронологически более значительный (1795–1833), описан более сжато и скупо. Впрочем, «Записки» дописывались уже в то время, когда Мартынов был тяжело болен; из-за его смерти они так и остались недописанными.

Несколько слов о принципах публикации «Записок». В угловых скобках указываются редакторские конъектуры. Орфографический и пунктуационный режимы, в целом, приближены к современной норме. Примечания самого Мартынова даны в постраничных сносках, публикатора – в концевых.

Уже минуло мне от роду пятьдесят лет. Благодарю Тебя, Всевышний, за сохранение дарованной Тобою жизни моей, в продолжение толикого времени. Благодарю, Всемогущий, за силы душевные и телесные, сделавшие меня способным к прохождению разных должностей и не лишившие меня счастья быть не вовсе бесполезным в сем мире. Благодарю, Премилосердый, за щедроты, невидимую десницу Твоею на меня излинные, за самые бедствия, премудростью Твоею мне в наставление служившие.

Но промыслу Твоему, может быть, угодно будет вскоре и меня воззвать с лица земли, да предстану пред суд Твой праведный; а я готов ли дать Тебе отчет в делах своих?

И так, молю Тебя, обнови в памяти моей дела мои с самого рождения моего, да за добрые прославлю имя Твое святое, а в худых принесу пред лицом Твоим и людей Твоих раскаяние.

Я родился в 1771 году, в Полтавской губернии, в м<естечке> Переволочне¹. Отец мой был священник Николаевской церкви, – которого, лишась в малолетстве, вовсе не помню. Мать моя, кажется, на пятом году от роду моего, отдала меня учиться русской грамоте к писарю коменданта тамошней крепости, у которого научился я порядочно читать и писать, пройдя букварь, часослов и псалтырь. Не имея никаких средств к дальнейшему учению, я оставался дома, до прибытия в Переволочну епархиального архиепископа Никифора². В это время мать моя подала ему просьбу, и он велел привезти меня, со старшим братом, в Полтавскую семинарию. И так, на девятом году от моего рождения, отвезли меня в Полтавскую семинарию, незадолго перед тем учрежденную знаменитейшим <своей> ученостью архиепископом Евгением Булгаром³, который тогда был уже, по желанию его, уволен от всех дел по управлению епархией. Приехав в Полтаву, мы явились к ректору соборному протоиерею Иоакиму Яновскому⁴, который через день объявил нам решение преосвященного, что мы приняты на казенное содержание в так называемую бурсу, при семинарии учрежденную для бедных сирот.

Обеспеченный в содержании, я обучался охотно всем предметам, которые в то время были преподаваемы в сем училище. Проходя ординарные классы от фа-

ры⁵ до богословия, по обыкновенному тогда в семинариях порядку, сверх главных предметов учения, коими почитаются латинская и российская грамматика, поэзия, риторика, философия и богословие, я научился тут греческому, несколько немецкому языку и арифметике; другим наукам и языкам в сей семинарии тогда не обучали.

Учители мои были все почти люди достойные мест, которые они занимали. Наименую, по крайней мере, одного из них, иеромонаха Гавриила, который в сем сане обучал философии и греческому языку, а потом, в сане архимандрита и звании ректора, обучал одному греческому языку. Сей почтеннейший учитель мой возведен после на первую степень иерарха и был экзархом – митрополитом Кишиневским и Хотинским⁶.

Проходя учение, я неоднократно в публичных собраниях, из рук преосвященного Никифора, получал за успехи, прилежание и благонравие награды; а особливо незабвенен для меня тот день, в который я, в присутствии молдавского господаря Маврокордато и знаменитой публики, получил от преосвященного несколько серебряных рублевиков и две книги: «Новый Завет, на греческом и латинском языках», за успехи в греческом языке, и Баумейстерову «Физику»⁷, на русском языке, за успехи в философии. Какое тогда было торжество для меня и нежно любившего меня брата, впрочем, отстававшего от меня, к сожалению, в науках, но радовавшегося моим успехам от всего сердца! С каким, бывало, удовольствием везу подарки сии, во время вакаций, к моей матери и бабушке! Из наград сих «Физика» и теперь хранится в моей библиотеке, не пышным переплетом, но воспоминанием золотой юности драгоценная. «Новый Завет» выпросил у меня брат для себя, при моем отъезде в Петербург.

Между тем как я обучался сам, еще будучи в риторическом классе, благодаря Бога, мог уже обучать других русской и латинской грамматике, а потом поэзии и риторике. Состоя на казенном содержании и живучи вместе со многими другими сиротами низших классов, я преважно обучал их всему, что сам знал, без всякой платы. Потом «вышел на кондицию», т.е. на квартиру, нанимаемую из платы, получаемой с учеников моих, которые или жили вместе со мною, или приходили ко мне с других квартир. Из таковых учеников моих известнейшими после сделались: 1) *Исидор Моисеев*, который, приехав в Петербург, для усовершенствования себя во врачебных науках, перевел с латинского на русский язык Пленковы «Начальные основания ботанического словоизъяснения и брачной системы растений», которые, за мою поправку и переводом технических терминов, заимствованных из греческого языка, по одобрению Медицинской коллегии, напечатаны в 1798 году. Этот молодой человек, по окончании курса медицинского, послан был врачом в армию, во время итальянского похода писал ко мне из чужих краев и присылал своеручные письма Пленка⁸, на латинском языке писанные, в которых сей ученый отдавал всю справедливость его дарованиям и сведениям; но с тех пор я не мог получить о нем ни от кого сведения, куда он девался⁹. 2) *Гавриил Петрович Попов*, коллежский советник, доктор медицины, при Московском отделении Медико-хирургической академии, ординарный профессор повивального искусства, судебной медицины и медицины полиции, Московский городо-

вой акушер и член Общества врачебных и физических наук, учрежденного при Московском университете¹⁰ и 3) *Семен Федорович Гаевский*, доктор, лейб-медик, статский советник и ученый секретарь медицинского совета, при министерстве внутренних дел¹¹. Не спорю, что не моими наставлениями достигли они столь почтенных мест и званий, но мне приятно вспоминать, что я положил краеугольный камень их учению.

Содержа себя кондицией, я кончил курс философии, т.е. логики, метафизики, физики и нравоучения и <был> переведен в класс богословский. В это время епархией, в которой состояла Полтавская семинария, управлял, уже знаменитый, архиепископ Амвросий, под именем Екатеринославского и Херсонесо-Таврического¹². Архипастырю сему сделался я лично известным, по случаю посвящения ему, в день его тезоименитства, сочиненной мной оды. Стихи мои, как я сам в последствии времени чувствовал, были плохи, но преосвященный, по свойству великих душ, принял их благосклонно, пожаловал мне 25 рублей, что тогда составляло большую сумму по моему состоянию, и «Риторику» на русском языке, им сочиненную в бытность его в Москве, примолвив: «Вот и я в свое время занимался сочинениями. Продолжай. Бог благословит твои труды».

Ободренный таковым снисхождением, я не щадил сил, чтоб успехами своими обратить на себя еще большее внимание архипастыря. Вскоре представился к тому случай. Ректор семинарии архимандрит Гавриил, по болезненным припадкам, отказался от преподавания греческого языка и на место свое представил меня. Преосвященный призвал меня к себе, объявил о том, и, благословя, велел вступить в должность, не оставляя продолжать и слушание богословия. «Я рад, – сказал он, – что такой ученый муж нашел тебя достойным заменить его». Это случилось в начале 1788 года.

Но в сем же году, в сентябре месяце, он опять присылает за мною, сказывает, что он получил высочайшее повеление отправить в Петербургскую Александроневскую семинарию трех или четырех студентов, для образования в учителя, и спрашивает меня, желаю ли я туда ехать. Вопрос сей произвел во мне такое восхищение, что не только слова мои, но и вся наружность моя показывала желание мое ехать в столицу. Преосвященный, заметив это, сказал с улыбкой: «Очень хорошо; но ты мне здесь нужен: ты занимаешь греческий класс». Неожиданное сие возражение после столь лестного предложения исторгло у меня слезы; я плакал и просил не лишить меня сего счастья. Убедясь моею усиленною просьбою, преосвященный согласился послать меня и спросил, кого бы я считал еще достойным такого назначения. «Товарищи, – сказал он, – лучше могут знать друг друга, как по дарованиям, так и по поведению». Я осмелился наименовать троих: Стефановского¹³, Котляревского^{14*} и Илличевского¹⁵. Преосвященный велел мне прийти с ними на другой день. Я, со Стефановским и Илличевским, явился в назначенное время; а Котляревского отыскать не могли, потому что его на тот раз в городе не было.

– Что ж вы не все? – спросил меня архипастырь. Я сказал причину, и он, расспрося, кто знает какие языки, кроме латинского, велел нам собраться в дорогу

* Иван Петрович Котляревский после сделался известен «Энеидой», перелицованною на малороссийское наречие. О других товарищах своих скажу в своем месте.

через два дня и, когда будем готовы, прямо приехать в монастырь, оттуда же и будем отправлены.

– Не берите с собою, – сказал он – ничего лишнего; там для вас будет все готово. Между тем, я велю префекту выдать вам денег.

Получив деньги и искупивши нужное на дорогу, мы наняли извозчиков, простились с учителями, с префектом, с приятелями, товарищами, а я и с братом, который перед тем лишь женился, – приехали в монастырь ввечеру, на третий день по объявлении нам приказания. Вскоре позвал нас преосвященный к себе. Первое слово его было:

– Со всеми ли вы простились?

Мы отвечаем, что простились.

– Были у ректора?

Мы остоленели.

– Нет, – говорит один из нас.

– Как! У первого своего начальника не были?

– Мы не смели его беспокоить, – отвечает другой из нас, – потому что он очень болен.

А я не смел сказать ни слова, потому что находил нас кругом виноватыми.

– Тем более обязаны вы были проститься с ним, для того, что, может быть, в последний раз его видите.

Мы бросились в ноги архипастырю, просить прощения.

– Нет! это поступок не простительный, – с гневом сказал он. – Сейчас поезжайте в моей карете к нему, велите доложить ему, что я вас послал, признайтесь ему в своем поступке против него, просите у него прощения и привезите мне письменное удостоверение, что он простил вас; если же он не простит, то не надейтесь и на мое прощение.

Каково было наше положение, всякий может себе представить, у кого не притупилось чувство стыда, благодарности, подчиненности и благоговения к начальническому мнению. Не болезнь ректора была причиной тому, что мы не ходили к нему проститься, но свойственная молодым людям расчетливость уважать только тех, кто больше имеет на них влияние, и терять из виду тех, которые оно не имеют. Ректор вовсе не мешался в дела семинарские; это настоящая причина нашей постыдной вины, которой, может быть, мы и не подвергли бы себя, если бы имели более времени для своих сборов. Мы уже отчаивались быть посланными в Петербург, зная крутой нрав ректора и гнусность нашего поступка.

Но делать было нечего. Мы пустились к ректору в город, упрекая дорогою один другого, что никому это в голову не пришло. Явившись к ректору, мы исполнили все, что нам было приказано.

– Бог вас простит, – сказал он, – я бы вас и не принял, по болезни своей, хотя бы вы пришли ко мне.

После сего вручил нам записку к преосвященному. Как камень свалился с нас, при сих словах; надежда на прощение архипастыря и на отправление в столицу вновь вошла в сердца наши, и мы отправились в монастырь. Преосвященный, прочитав записку, сказал:

– Благодарите великодушие ректора; без него не бывать бы вам в Петербурге. Теперь и я прощаю.

Мы бросились к нему в ноги.

– Удивляюсь, как вы могли забыть первого своего начальника, – продолжал он. – А ты, – обращаясь ко мне, – более всех виноват. Он был твой учитель, он рекомендовал тебя на свое место; он благодетель твой – и ты забыл его. Если вы благодетелей своих забываете, Бог вас забудет.

При сих наставлениях я рыдал как ребенок; плачу всякой раз, когда вспомню о сем поступке и ныне пишу о том со слезами. Святитель мог бы еще присовокупить к своему ко мне обращению, что он, по случаю назначения нас для отправления в столицу, удостоил меня особенного своего доверия, а я оказался столь недостойным оного! Но слезы мои, вероятно, убедили его от слов сих удержаться.

После сего преосвященный вынес из кабинета письма к разным особам, живущим в Петербурге и в городах, чрез которые мы должны проезжать, благословил нас в путь, сделав нам последнее наставление, чтобы жили честно, чтобы не всему следовали в столице, где увидим много и хороших, и худых примеров, а старались бы избирать, для подражания нравственности, образцы, отличные добродетелями; к чему присовокупил, чтобы мы в нуждах своих прямо относились к нему. И так, строгий за несколько пред тем минут начальник переменялся в отца чадолюбивого и простился с нами, как с детьми своими.

Мы пустились в дорогу ночью, на долгих. Дорога была так дурна, что в иные сутки мы не могли переехать и 30-ти верст. Кое-как, однако ж, добрались до Москвы. Поездка наша от Полтавы до Москвы описана мною в сочинении «Филон», напечатанном в «Музе», которую издавал я в 1796 году¹⁶.

В Москве мы пристали в Крестовоздвиженском монастыре, у игумена Мефодия, который после был архиепископом Псковским¹⁷. В столице сей нам позволено было пробыть до двух недель, чтоб могли осмотреть ее достопамятности и исправить некоторые поручения своего архипастыря. О сем объявил нам игумен, по прочтении письма, писанного к нему нашим преосвященным.

На другой день первым долгом нашим было – отправиться с гостинцем к митрополиту Платону¹⁸. С нетерпеливостью ожидали мы минуты видеть российского Златоуста. Увидели его и с какою жадностью ловили все черты лица его, все движения, каждое слово его! Он уже был сед, и седина умножала сановитость наружного вида его. Благословя нас и приняв письмо, немедленно прочел его при нас; потом, спрося о здоровье преосвященного, к каждому из нас обратил по несколько слов и заключил прием свой, пожелав нам хороших успехов в науках и поведении.

Мы имели письмо и к известному познаниями своими в греческой и латинской словесности Николаю Николаевичу Бантыш-Каменскому¹⁹. Почтенный муж сей принял нас весьма ласково и сказал нам, чтобы мы писали к нему о своих занятиях, особливо, когда будем иметь надобность в книгах, изданных в Москве и в чужих краях, чем я не замедлил воспользоваться впоследствии времени, выписав чрез него известное сочинение Лонгина «О высоком», изданное Поллием и Гедериком²⁰.

У игумена Мефодия познакомились мы с родным братом его – Гавриилом Смирновым, бывшим тогда учителем философии в тамошней Духовной академии,

известным переводами своими сочинений г-на Каракчиоли²¹. Он ходил с нами в Московский университет и два раза в театр. Не знаю, имели ли мои товарищи какое удовольствие при разыгрывании пьес, но я не имел тогда даже малого понятия о сем роде искусства.

Платона слышали мы проповедующего два раза: один раз в Благовещенском, а другой – в Архангельском соборах. Для проповедания слова Божия выходил он на средину церкви и, не взирая на толпу теснившегося около него народа, виден был с амвона и слышен в дальнем расстоянии. Содержание проповедей его не помню; только помню, что его произношение много походило на произношение французских трагических актеров. Сказывают, что он учился сему у знаменитого нашего актера Дмитревского²².

Исправив поручение своего архипастыря и за краткостью времени познакомься только с тенью Москвы, мы отправились в дальнейший путь. В Петербург приехали мы в последних числах октября. Здесь сперва пристали мы у архимандрита Иринаея, бывшего впоследствии архиепископом Псковским²³, жившего тогда в Невском монастыре, по Черной речке, против кладбища. Когда мы явились к нему, то, по прочтении письма от нашего владыки, первое слово его было:

– Кто из вас знает по-гречески? Кто Мартынов? – Ясно, что великодушный иерарх писал в мою пользу к архимандриту. По отклике моем, он спросил меня: – И *апла* вы говорите? (т.е. нынешним простым греческим языком).

– Могу объясняться, – отвечал я.

Видно, что тогда знание греческого языка, а особливо употребляемого ныне греками, было здесь в диковинку. Отец архимандрит поговорил со мною несколько на древнем греческом, но на новом не сказал ни слова.

– О, вы здесь будете очень нужны! – примолвил он с приятною улыбкой и отпустил нас.

После сего явились к ректору семинарии, архимандриту Иннокентию Дубравицкому²⁴. Мы удивились молодости и быстроте своего нового начальника. Дарования необыкновенные и суетность выказать оные вдруг сверкали в маленьких, полузакрытых очах его. Кажется, при первом свидании мы уже узнали его вполнину и радовались внутренне, что будем иметь такого любезного начальника. Я и от него встречен был почти таким же вопросом, в рассуждении греческого языка, как и от архимандрита Иринаея. Ректор приказал нам перебраться в семинарию и явиться к нему на другой день, для представления преосвященному митрополиту Гавриилу²⁵.

Мы увидели нового своего мецената в девять часов поутру. Мудрость и добродетель начертаны были на челе сего первосвященителя. Когда великий старец читал письмо, поданное нами от нашего архипастыря, я воображал, что мы предстоим Наставнику мира; столь достойным образом представлял он лице Его. Се тот светильник, думал я, от коего премудрейшая монархиня повелела возжечь свет для пролиания его в отдаленнейших пределах владычества своего!

По прочтении письма, он напомнил нам о цели, для которой мы призваны.

– Оправдайте добрым своим поведением и успехами в науках выбор, которого вы удостоены вашим владыкою.

С сими словами благословил нас и отпустил *на делание*.

Не успели мы возвратиться в семинарию, как в отведенную нам комнату пришел греческого языка учитель Жуков. Отрекомендовавшись в наше знакомство, тотчас спросил он, кто из нас знает по-гречески. Товарищи мои указали на меня, и он, после краткой нашей с ним беседы, пошел к себе за греческою книгою. Притворяясь, или действительно не понимая в ней некоторых мест, он спросил у меня, что они значат; потом, узнав, что я разумею и ромейский (т.е. нынешний греческий) язык, которого он не знал, спросил о значении нескольких слов на нем. К счастью, они были мне известны. Оставшись, как казалось, довольным моими ответами, он тут же сказал, что мне не для чего ходить в его класс, а напротив, он должен будет учиться у меня. И действительно, в скором времени он отказался от сего класса и на место свое рекомендовал меня.

До приезда нашего почти уже из всех семинарий прибыли студенты, вызванные для одной с нами цели, кроме сибирских. По духовному ведомству это был первый опыт – собрать изо всех духовных училищ по два, по три студента (филологических или богословских классов) в одну, здешнюю семинарию, преподавать им, по одинаковой методе, курс наук и языков, приличных духовному воспитанию, потом отправить их обратно в те же семинарии для занятия учительских мест, каких они признаны будут достойными. По светскому ведомству таковая премудрая мысль императрицы Екатерины Великой приведена была в действие несколько прежде, для учреждения народных училищ.

Нас было более тридцати студентов. Наименую тех из них, кои после занимали в государственной службе блистательнейшие места или отличились важными какими услугами отечеству. Простительная слабость, находить удовольствие в воспоминаниях, с кем мы в молодых годах дышали одним воздухом, делились одною пищею, образовались одними наставлениями и сливались в одно чувство, в одну душу.

Первое место, по всем отношениям, занимает Михаил Михайлович Сперанский, присланный из Владимирской семинарии. Его дарования, сведение в науках, сведение в государственных делах, заслуги отечеству <...> столь известны каждому, что мне, может быть, не прилично было бы здесь распространяться о том. Пусть другой кто будет его историком панегиристом; а я только скажу, что если бы наш курс и никого, кроме его, не образовал, то не нужно было бы других доказательств в полезности его.

Петр Андреевич Словцов²⁶, присланный из Тобольской семинарии, ныне с отличною похвалою занимает место визитатора училищ сибирских губерний, в чине статского советника; а до сего был директором Иркутской гимназии. Он, в кругу словесности, сделался известным прежде стихотворениями своими: «К Сибири» и «Китайцам в Петербург». Оба сии сочинения, и еще его же стихи «Материя» напечатаны в моих периодических изданиях. Потом, будучи уже на службе, издал он два, сочиненные им, похвальные слова: «Царю Иоанну Васильевичу» и «Пожарскому».

Николай Ильич Анненский, присланный из Рязанской семинарии, ныне в чине действительного статского советника, служит при департаменте министерства

юстиции юрисконсультотом. Он известен переводами с французского языка: «О уединении, соч. Циммермана» и романа «Лодоик»²⁷.

Михаил Степанович Сахаров, присланный из Ярославской семинарии, на службе своей учителем в Ярославле постригся в монахи, был после Оренбургским епископом, а ныне живет на покое в Ростове. В монашестве наречен он Августин²⁸.

Иван Дмитриевич Павинский, присланный из Олонецкой семинарии, ныне Иона, архиепископ Тверской²⁹.

Федор Иванович Русанов, бывший потом митрополитом и экзархом Грузии, хотя не для одной с нами цели, но с нами слушал курс наук. В монашестве принял он имя Феофилакта, которое толико прославил не токмо проповедями, но и делами по управлению епархиями, в коих был архиереем³⁰.

Преподавание нам учения начато с философского курса. Сперва преподавал его, по Винклеру, архимандрит Николай³¹, которого потом сменил вызванный из Ярославской семинарии иеромонах Павел, который был и префектом Невской семинарии³². Первый из них был большой схоластик и принадлежал к числу тех ученых, которые прикрывают незнание главного своего предмета знанием латинского языка и важностью сана; последний, по крайней мере сначала, усердно передавал нам сведения, каковые приобрел в Ярославской семинарии. Вероятно, предполагалось было, что в других семинариях нет и таких учителей.

По другим учебным предметам мы были в учителях счастливее. Учителем красноречия российского, а более латинского, сперва был у нас Иван Никитич Голубев, бывший потом у Владимирской церкви священником³³; место его заступил Иван Семенович Державин, ныне обер-священник³⁴, а его место занял Николай Иванович Знаменский, в монашестве переименованный Антонием, бывший потом архиепископом Ярославским³⁵. Для преподавания физики приглашен был, первоначально, адъютант Академии наук Алексей Кононович Кононов³⁶, но в скором времени заступил его место учитель Гаррах³⁷. Для математики взят был из учительской семинарии, недавно там окончивший курс наук, Никита Дмитриевич Максимов³⁸, который там был протоиереем в здешнем Воспитательном доме и законоучителем в здешней гимназии. Для немецкого и французского языка имели мы также учителей.

Проходя науки, преподаваемые нам в семинарии, мы не упустили из виду пользоваться и другими средствами, каковые столица представляет в изобилии. Для большего усовершенствования себя в греческом языке мне представился прекрасный случай с самого приезда нашего сюда. Бывший архиепископ Славенский и Херсонский Евгений³⁹ еще до нас вызван был из Херсона в столицу оканчивать в ней ученую и добродетельную жизнь свою. По праву воспитанников основанной им семинарии, мы осмелились, или, лучше, обязанностью поставили явиться к нему. Ветхий деньми перелагатель Вергилия и ученейший муж не отринул нашего благоговения к великим талантам, познаниям и заслугам его. Мы были приняты им благосклонно. С тех пор я не оставлял уже ходить к нему и пользовался как его, так и окружавших его греков, разговором на их языке; но что несравненно того важнее, я нередко наслаждался красноречивейшею беседою умнейшего старца и имел всегда в глазах живой пример исполненного добродетелей и трудолюбивейшего мужа.

При Академии наук в летнее время открываемы были публичные курсы: математики, химии и зоологии. Первую преподавал знаменитый академик Семен Кириллович Котельников⁴⁰; вторую – академик Никита Петрович Соколов⁴¹, а последнюю – академик Николай Яковлевич Озерецковский⁴². Как за отдаленностью Невского монастыря от мест, где сии курсы были читаны, равно и за малым временем, остававшимся от учения в семинарии, не можно было мне ходить на все означенные курсы, то я выбрал для себя химию, которую никогда не пропускал, несмотря на то, что она преподаваема была во 2-й линии, на Васильевском Острове, в Боновом, ныне Озерецковского, доме⁴³, притом в двенадцатом часу утра, между тем, как у нас учение по тем дням оканчивалось в десять часов. Такое рвение, впрочем, стоило мне двухмесячной горячки. Нередко также хаживал я и на лекции г-на Озерецковского. Физику ходил слушать в бывший тогда Медицинский институт⁴⁴, к г-ну профессору Василию Владимировичу Петрову⁴⁵ и в Казанское народное училище⁴⁶ к г-ну Тумскому⁴⁷. Что же касается до математических наук, мы весьма довольны были и своим учителем.

В это время славился красноречивым преподаванием ботаники профессор Медицинского института Мартын Матвеевич Тереховский⁴⁸. Но, к сожалению, я не мог, за дальним расстоянием от Невского монастыря, пользоваться его наставлениями; он читал на Аптекарском Острове. Я сберегал время и силы для наук, кои входили в курс наш, и откладывал слушание ботаники до свободнейшего времени, между тем как сей знаменитый муж скончался.

По окончании философского курса, мы вступили в класс богословский. Стронные, или экстраординарные, предметы продолжались своим порядком. Богословие преподавал нам ректор Иннокентий, по Турретину⁴⁹. В Полтаве обучались мы по «Богословию» Феофана Прокоповича⁵⁰, в трех больших томах, на латинском языке. Турретин избран ректором по краткости его; а о «Богословии» Феофана однажды сказал он, <что> «сие море великое и пространное, но тамо и гады, им же несть числа». Однако и Турретина не прошел он с нами как следовало, будучи во весь двухгодичный курс в классе не более десяти раз. К счастью, мы могли пользоваться богатою, особливо по наукам богословским, Александро-Невскою библиотекою, а некоторые из нас слушали уже богословие в своих семинариях.

Между тем, учреждена была очередь для нас, по которой через несколько недель каждому студенту должно было сказать проповедь своего сочинения в какой-либо церкви, не только из находящихся в Невском монастыре, но нередко и в городских церквях. Учреждение сие весьма поощряло нас отличиться перед слушателями, как в сочинении, так и в сказывании поучений. В сочинениях наших заметны были два главных тона: одни старались писать цветно, плодовито, блистательно; другие – просто, коротко, глубокомысленно. В произношении также господствовали два тона: одни подражали театральному, следуя Яковлеву⁵¹; другие – ближе подходили в произношении к обыкновенному разговору. Я держался последних тонов и не без успеха.

Два наипаче случая для меня были весьма лестны. Когда сказал я первую свою проповедь, то, по выходе из церкви, пришли ко мне в покой все студенты поздравить меня. Сперанский был впереди их; он поцеловал меня в голову и отдал мне

полную справедливость. Похвала уважаемого всеми товарища превосходит похвалу малочтимого учителя.

Другой несравненно приятнейший для моего самолюбия случай был, когда я сказал проповедь, начинавшуюся <...> словами: «Тако отличный жребием порок зачинает гибель» и т.д. Проповедь написана была довольно глубокомысленно, но отрывисто и несколько темно. Несмотря на то, ее тотчас после обедни выпросили у меня. Она пошла в городе по рукам; я остался без рукописи. Скоро ей стали подражать, не только студенты, священники, но и архимандрит Анастасий⁵², бывший потом архиепископом и прославившийся впоследствии своими проповедями. Однажды был я у него в 1-м кадетском корпусе, где он был законоучителем. Тут-то было торжество мое! При гостях он сказал мне, что у него есть список с этой моей проповеди, что он помнит ее почти всю наизусть, в доказательство чего тотчас прочел несколько периодов из оной, и что не стыдится подражать ей. И действительно, я нашел после в печатных проповедях его, подобные моим, обороты и выражения. Можно ли было малозначащему студенту ожидать такой признательности от проповедника, которого слава уже утвердилась?

В продолжение учения нашего, в 1792 году, поручено было мне обучать греческому языку, вместо учителя Жукова, о котором выше много сказано. В класс мой ходили не только ученики низших классов, но и товарищи мои. Сие заставило меня перевести на русский язык греческую грамматику Катифора⁵³, писанную на еллинском языке и привезенную мною из Полтавы. Перевод свой я представил ректору, но он не сделал из него никакого употребления и труд мой был по пустому.

Посредством греческого языка вскоре представился мне весьма важный случай сделаться короче известным митрополиту Гавриилу. О сем случае во всю жизнь я никому не сказывал, кроме одного из вернейших друзей моих, и то спустя уже лет двадцать после того. Я считал, что порученное нам за тайну и должно быть оставлено в тайне, ежели не навсегда, то, по крайней мере, на необходимое и сколько можно долгое время. Из Афонских гор приехал в столицу греческий монах, простой, неграмотный и имевший лет семьдесят от роду, если не более. Он привез с собою мощи тридцати семи угодников Божиих. По его объявлению, мощи сии выставлены были у него в келье в Невском монастыре; а народ начал приходить к ним на поклонение и ставил им свечи. Монах привез сии мощи для посвящения императрице и написал ей на простом греческом языке род акафиста. Митрополит, худо зная по-гречески, а простого греческого языка и вовсе не зная, спросил ректора, не знает ли кто из приехавших студентов сего последнего. Он отозвался обо мне. Митрополит призывает меня к себе и втайне отдает мне тетрадку в 12-ю долю, довольно толстую, в которой сей акафист был написан; приказывает мне идти к монаху в келью и при нем, без сторонних свидетелей, перевести сие сочинение на русский язык, а после представить ему. В акафисте, начинавшемся словом «Радуйся...», потом продолжающемся (так! – Е.А.) предсказанием, что от императрицы родится сын, по имени Константин*, который освободит греков от

* Его высочеству тогда было уже, помнится, семь лет, и притом, не сыну, но внуку императрицы. (Имеется в виду Великий князь Константин Павлович (1779–1831) – внук Екатерины II, второй сын Павла I. – Е.А.)

ига агарян и пр. Другое пророчество касалось самих мощей: что ее величество созиждет храм о 37 престолах, во имя святых, коих мощи привезены сим монахом и пр. Перевод сей, с подлинником, представил я митрополиту. Его высокопреосвященство, поблагодарив меня за труд, изволил еще раз наказать, чтоб я о сем деле никому не сказывал, и примолвил, что он меня не забудет. После сего через сутки монаха не стало.

Через несколько месяцев митрополит опять призвал меня к себе и поручил мне заняться сокращенным переводом «Византийской истории», писанной на простом греческом языке, выбранной из древних византийских писателей. Книги сей перевел я три части и представил перевод свой его высокопреосвященству.

Около сего же времени преосвященный архиепископ Евгений поручил мне перевести на русский язык свое сочинение «О веротерпимости», писанное на простом греческом языке, приближенном к еллинскому. Не зная по-русски, его высокопреосвященство посылал перевод мой на рассмотрение к преосвященному Иринею, который одобрил оный. Какое сделано из него употребление, мне неизвестно.

Начав в здешней семинарии учиться французскому языку и, по причине позднего времени и недостатка случаев, не надеясь быть на нем хорошим говоруном, я старался, по крайней мере, грамматически узнать оный, дабы свободно понимать французский разговор и книги, на нем писанные. К сему способствовало мне не столько школьное учение, сколько упражнение в переводах с сего языка. Я знал, что книгопродавцы и издатели книг не пренебрегают студентскими переводами, потому что они всяких других дешевле. Я обратился к Петру Ивановичу Богдановичу⁵⁴, занимавшемуся тогда более всех изданием книг на своем иждивении, и к книгопродавцу Миллеру⁵⁵. Для первого перевел я «Опыт об эпическом стихотворстве, господина Вольтера» и «Английские письма»⁵⁶. Для последнего: «Разговоры в царстве мертвых, г-на Литтлтона»⁵⁷. Хотя я получил от них плату неважную, но она послужила мне пособием к запасу полезных для себя книг. Это поощрило меня более заниматься переводами с французского языка.

Между тем, как курс учения нашего приближался к концу, в один день митрополит присылает за мною и объявляет мне, что императрице угодно послать в Голландию священника, который бы знал греческий язык, ибо там есть греческое купеческое общество.

– Хочешь ли ты ехать туда? – спросил он меня. – Жалованья будет тебе полторы тысячи рублей, место почетное, а в чужих краях побывать тебе не бесполезно.

Счастливым сие предложение принял я с несказанною благодарностью. Митрополит приказал мне прийти к себе на другой день за письмом, с которым я должен буду явиться к обер-прокурору Святейшего Синода Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину⁵⁸. С нетерпением ожидал я сего дня. Я наперед уже воображал себе все выгоды от путешествия в чужие края, от занятия столь важного поста. На другой день поутру явился я к его высокопреосвященству и, получив письмо, отправился к обер-прокурору. Алексей Иванович, прочитав письмо, принял меня очень ласково, вошел со мною в ученый разговор и отпустил с ответом на письмо митрополита. Не знаю, что было писано в ответе, но митрополит, прочитав его, велел мне приис-

* Графство пожаловано ему после.

кивать себе невесту и, по приисканию, явиться к нему. Имея весьма мало знакомых, <...> а особливо для такого случая, я бросился к учителю Владимирского народного училища Зубареву⁵⁹, как <единственному> женатому из моих знакомых, и мы, в тот же день, ночью пустились в Петергоф смотреть невесту у знакомого ему священника. Вот начало романа моей жизни!

Мы приехали к священнику в час за полночь. Разумеется, что все спали. Зубарев, конечно, весьма был знаком, что осмелился так беспокоить духовную особу. Без дальних околичностей он объявил хозяину о причине нашего приезда. Невеста, надобно знать, была не дочь, но родственница священника. Зубарев, расхвалив меня, как должно жениха, сказал о моем назначении, о жалованье. Священник все это принял очень хорошо, только сказал, что невеста уже сосватана.

– За кого?

– За назначенного, из семинаристов же, в Дрезден, Чудовского⁶⁰.

Зубарев спрашивает меня, кто такой Чудовский? Я, или лучше, сам священник сказал, что он из певчих.

– Сколько ему назначается жалованья?

– Пятьсот рублей.

– А ему, – смотря на меня, – полторы тысячи рублей! Вы сами теперь видите, – сказал Зубарев, – разницу между достоинствами женихов.

Сими и подобными сим словами мой сват уговорил священника выдать родственницу свою за меня, хотя я еще и не видал ее. Священник, извинясь, что невеста была больна горячкою, что не совсем еще выздоровела и что теперь спит, разбудил однако же ее, и невеста вышла к нам. Я смотрел на нее глазами моего свата, и следы, оставшиеся после горячки, для меня были неприметны. Мне нужна была невеста; ее мне хвалят. Священник преклонился на мою сторону, или на мои полторы тысячи рублей; сам я молод, неопытен, – как не быть невесте для меня красавицей! Она мне понравилась, и я ей не был противен. И так, невеста найдена! С сею мыслию я возвратился в Петербург.

Поутру, на другой день, являюсь к митрополиту: Чудовский уже тут. Вскоре выходит к нам его высокопреосвященство и обращает речь ко мне:

– Нашел ли невесту?

– Нашел, ваше преосвященство!

– Где?

– В Петергофе – у священника...

Чудовский, при сих словах, бросается митрополиту в ноги, плачет и говорит, что это его невеста, что она дала ему слово и что он не отстанет от нее.

Достопочтеннейший старец, рассмеявшись, велел мне рассказать, как я вздумал свататься на невесте, уже сосватанной. Я рассказал, и старец, насмеявшись вдоволь, сказал мне:

– Ну, уступи ему; а тебе сам найду невесту: в Кронштадте есть молодая девица, прекрасная. Я пошлю тебя посмотреть ее с Марком Афиногеновым (это был дворецкий митрополита); а не понравится она, найдем другую.

Слова сии примирили нас, соперников. Я не стал домогаться поединком решить спорное наше дело, как потому, что в семинариях, благодаря Бога, поедин-

ки не водятся, так и потому, что мне некогда было и влюбиться в смотренную девицу. Митрополит благословил Чудовского на вступление с нею в брак; а мне сказал, что прийдет за мною в тот день, когда можно будет дворецкому ехать со мною.

Проходит день – владыка не присылает за мною; проходит другой – таким же образом. На третий день зовут меня. Я полетел к его высокопреосвященству, в близкой надежде увидеть мою кронштадтскую невесту, но встречен был от него сими словами:

– Знаешь ли что? Императрица переменяла свое намерение в посылке бельца в Голландию и велела назначить иеромонаха, по причине местного неудобства жить в доме греческого купеческого общества семейному человеку. Хочешь ли в монахи? так поедешь в Голландию?

Предоставляю всякому представлять себя в моем положении при таком неожиданном вопросе. Извлекь молодого человека из уединенных его занятий, при которых ни о чем он более не думал, кроме усовершенствования себя в науках; предложить ему прекрасное место, прекрасный случай для распространения своих познаний; познакомить его с впечатлениями и чувствованиями, которых он дотоле старался избегать; приготовить его к выходу в свет и потом предложить отказать от него... Долго не мог я ничего отвечать на это предложение, не находя слов для выражения борющихся во мне чувствований. Митрополит, видя мое смущение, сказал:

– Я тебя не неволю. Подумай хорошенько.

– Ваше высокопреосвященство! – в слезах отвечал я. – Это дело так важно, что я в летах своих никак не могу на то решиться.

Тогда мне был всего двадцатый год от роду.

– Очень хорошо; так оставайся здесь. Я тебя не отдам вашему преосвященному, послужи у меня, а после получишь в Петербурге лучшее священническое место, если не захочешь идти в монахи.

И так, лестные мечты мои разрушились, надежды мои получить важное место, быть в чужих краях исчезли, как сновидение. Не знаю, действительно ли последовала такая перемена в назначении вместо бельца монаха, или были другие какие причины оставить меня здесь, только в скором времени туда был послан иеромонах, природный грек, находившийся при преосвященном Евгении.

Погрустив несколько времени об улетевшем, по тогдашнему моему мнению, счастье, я принялся опять за свои упражнения, предавшись промыслу Божию, устраивающему судьбу нашу неисповедимо. Впоследствии открылось, что счастье мое было бы кратковременно. Не более, как через три года, в Голландии возникла революция; иеромонаха, посланного туда, чернь чуть было не убила. Он принужден был оттуда возвратиться. И невеста моя прожила в Дрездене с моим соперником не более трех лет; прожила ли бы она долее на свете со мной, не известно. Только два эти обстоятельства для меня были весьма наставительны, чтоб никогда не предаваться отчаянию, при самых великих потерях.

Наступило время расставания с приехавшими со мною из Полтавы товарищами. Наш преосвященный писал к митрополиту, что в его семинарии настоит нужда

в учителях и чтобы мы возвратились. Итак, товарищи мои отправлены*, а я оставлен здесь.

Минута прощания с ними весьма памятна для меня одним обстоятельством. Товарищей моих провожал со мною до Знаменского моста и Михаил Михайлович Сперанский. Прощаясь с ними, он сказал, что удивляется моей к нему холодности, что все товарищи любят его и к нему привязаны, а обо мне одном он сомневается и просил их, чтобы хотя <бы> они его со мною сдружили. Эти слова удивили меня немало. Я не думал, чтобы товарищ, которого я внутренне уважал, так занимался наружными знаками моего чувствования к нему. Я склонен был к простоте и сопряженной с нею искренности, естественности и откровенности и равнодушен был ко всему противному. С сими свойствами неразлучна чувствительность, которая, как известно, питается уединением. Может быть, тут надобно искать причины моего равнодушия не к Сперанскому одному, но вообще ко всем, казавшимся мне не любящими простоты, не теряя, впрочем, нимало должного к их талантам и ко всем достоинствам уважения. Таковая расчетливость в незрелом уме и молодом сердце могла быть погрешительна; но, признаюсь, она была во мне. Сим-то чувствованием увлекаемый, я привязался больше всех из товарищей к М.С. Сахарову, как ни странным, впрочем, казался он в своем обращении. На сем-то расчете, по одному отзыву сего друга моего, немедленно списался я с Дмитрием Федоровичем Смирновым, ныне статским советником, бывшим тогда в Ярославле учителем⁶¹, и с тех пор остались мы друзьями на всю жизнь. Да простит Михаил Михайлович, сей почтенный муж, и настоящим откровенным строкам моим. Он лучше меня знает, сколь чувствование и склонности наши удобопеременны; сколько один и тот же человек не походит на себя в разных возрастах своих и сколько я сам впоследствии сделался к нему приверженным, не ослепляясь, впрочем, ни мало лучами славы, его окружавшими. Посредничество моих товарищей, для сдружения нас, оказалось излишним: довольно было одной искры откровенности, чтоб возжечь во мне пламень сего священного чувства.

Оставлен будучи здесь навсегда, я продолжал обучать греческому языку. Вскоре, сверх сей должности, поручен был мне надзор за поведением семинаристов; потом дан класс ординарной латинской грамматики, за сим поэзии и, наконец, риторики. Из учеников моих многие и ныне находятся при церквях в здешней столице и при других местах. Так, например, нынешний С.-Петербургский викарный преосвященный епископ Владимир обучался у меня грамматике⁶²; придворный протоиерей Григорий Мансветов был первым учеником моим в поэзии, риторике и в греческом языке. Он с отличною похвалою занимает место законоучителя при здешней гимназии; также сочинил и издал одну назидательную книгу в нескольких частях⁶³. Протоиерей Яков Воскресенский обучался у меня тем же предметам. Он прежде был законоучителем в Обществе благородных девиц и Екатерининском институте, а ныне находится при церкви Богоматери всех скорбящих. Он также сочинил и издал одну книгу⁶⁴. Протоиерей Алексей Менгошский⁶⁵ обучался

* Из них Дмитрий Степанович Стефановский был протоиереем в Полтаве и умер; а Демьян Васильевич Илличевский, вышедши в статскую службу, дослужился до чина действительного статского советника и ныне находится в Томске гражданским губернатором.

у меня тому же; находится при Благовещенской церкви, на Васильевском Острове, и пр. и пр.

В продолжение сего времени, угодно было митрополиту поручить мне перевести на еллинский язык свое сочинение, напечатанное в листе «О церковных обрядах». Всю эту книгу я перевел и представил Его Высокопреосвященству. В продолжение перевода моего, тетради оного рассматриваемы были, по соизволению Гавриила, преосвященным Евгением, который, кажется, был им доволен. Наме- рение митрополита было то, чтоб его книга переведена была и издана в свет на еллинском и на латинском языках. О последствии сего мне ничего не известно; но отрывки черных листов моего перевода остаются у меня и поныне. Обучая риторику, я вздумал перевести на русский язык сочинение греческого ритора Димитрия Фалерия «О словосложении»⁶⁶ и перевод свой представил ректору.

В 1793 году Александр Иванович Клушин и Иван Андреевич Крылов издавали здесь журнал, под названием «Санкт-Петербургский Меркурий»⁶⁷. Желая узнать, заслуживают ли мои сочинения внимания издателей, я послал к г-ну Клушину пару своих стихов: «К бардам»⁶⁸ и «Взор на протекшие лета», при письме, в котором просил его рассмотреть стихи мои со всею строгостью беспристрастного критика, и если стоят быть изданными в свет, напечатать их в своем журнале; в противном случае, предать забвению. В марте месяце этого же года я, к несказанному своему удовольствию, увидел напечатанными оба сии стихотворения, вместе с примечаниями издателей. Большая часть замечаний клонилась в мою похвалу. Справедливы ли они, или нет, довольно того, что они весьма ободрили меня к продолжению таковых занятий. Похвала их была для меня тем лестнее, что я первый из товарищей отважился выдти на поприще, так сказать, читающей публики в печатном наряде и не был посрамлен. Около половины сего года, Клушин, по желанию его, уволен в чужие края. Императрица Екатерина Великая пожаловала ему на сие путешествие жалованье за пять лет вперед, по 300 рублей, всего 1500 рублей, и с тех пор он, неизвестно мне, куда уехал, а Крылов также уехал к какому-то помещику в деревню. Таким образом, издание «Меркурия» легло на мне. Хорошие и дурные переводы и сочинения свои начал я помещать в нем, по своему произволению. Из числа первых, кажется, достойно только внимания сочинение г-на Попе «О человеческой жизни»⁶⁹; а из сочинений прозаических и стихотворческих почти ни одни не нравятся мне. Впрочем, предоставляю судить об них другим.

Это появление мое в свет издателей доставило мне знакомство с некоторыми стихотворцами, прозаиками и всеми книгопродавцами. По окончании «Меркурия», перевел я с французского языка поэму г-на Цахарие «Четыре части дня»⁷⁰ и продал В.А. Плавильщикову⁷¹.

Между тем, знакомство мое увеличивалось. Один из товарищей моих, Д.С. Стефановский, обучал детей у штаб-лекаря конно-гвардейского Х.П. Книппера. Отъезжая в Полтаву, он кондицию свою передал мне. Хотя она не так была завидна по плате, но полезна была для молодого человека, вступающего в свет. У него мог я видеть светскую компанию и знакомиться с людьми хорошего тона.

Тут-то я познакомился и с семейством почтенного И.И. Сазанова, который впоследствии любил меня, как родного своего сына. Он несколько раз приглашал

меня к себе, потом просил учить русской грамоте лифляндскую дворянку, девицу, оставшуюся в сиротстве, без отца и без матери, жившую у него по дружбе с управлявшею его домом женщиной, также лифляндкою. В непродолжительном времени присланное от Д.С. Стефановского к сему старику письмо заставило меня войти в сей дом, в который был столько раз и прежде приглашаем; но войти в оный удерживала меня стыдливость, ибо я видел эту девицу у Х.П. Книппера и думал, что мне надобно несколько поостеречься, чтоб из учителя не сделаться любовником, женихом, а потом и мужем ее. Но так Богу было угодно; все это сбылось со мною. Я учил ее русской грамоте, читал с нею русские книги, и вместе учился любить ее и читать в ее глазах и обращении со мною взаимное ко мне чувство. Чем более занимался я со своею ученицею, тем любовь моя, но какая-то почтительная любовь, усиливалась во мне. Я нашел в ней все достоинства и качества, которые считал необходимыми для сделания мужа счастливым, и, не смотря на бедность ее и свою, решился объяснить с нею: желает ли она выйти за меня, если я выйду в статскую службу и пристроюсь к месту. Получив на то ее согласие, я получил как бы крылья или исполинские силы преодолеть все препятствия, предлежавшие мне к переходу из Невского училища в другую службу.

Будучи уверен, что митрополит никак меня не выпустит из-под своего начальства, я не смел объяснить ему о своем положении и прибегнул к другому средству, открылся во всем преосвященному Евгению, который, войдя в мою участь, как отец, поехал к митрополиту просить, чтобы он позволил мне избрать род службы, какой пожелаю, а не принуждать идти в монахи или в попы. Гавриил чрезвычайно уважал преосвященного Евгения и не мог отказать ему в ходатайствуемом; почему призвав меня на другой день к себе, дал мне благословение вступить в светскую службу, впрочем, не без предостережения, чтобы я после не раскаивался. Он приводил мне несколько примеров вышедших в светское звание и служивших не слишком счастливо; а мне представлял блистательные виды в случае, когда бы я вошел в монахи. Тогда опоздало уже для меня наставление сего почтеннейшего мужа. Я восхищался тем, что хотя не охотно, но позволяет он переменить мне службу свою, и бросился с благодарностью к преосвященному Евгению за его обо мне ходатайство.

Но как найти место без покровительства, без случая, без денег? Не имея ничего этого, я решился сам прокладывать себе дорогу в статской службе.

Услышав, что в Заемном банке есть вакансия по бухгалтерской части, и приобрев порядочные сведения в чистой математике, я считал, что могу быть способным к занятию сего места, и решился искать его.

В то время управлял сим банком граф Петр Васильевич Завадовский⁷², который слыл вельможей ученым, достойным и благосклонным. Я написал к нему просительное письмо об определении меня в банк и в одно утро явился к нему. Подал ему письмо; прочитав его, он обратился к секретарю своему М. Ковалеву и велел ему справиться, есть ли там вакансия, а мне наведаться к нему. Г<осподин> Ковалев приказал побывать <к> себе через несколько дней, что я не замедлил исполнить, взяв с собою журнал «С.-Петербургский Меркурий», в котором довольно помещено моих переводов и сочинений в стихах и прозе, – в подарок секретарю и

между тем чтоб зарекомендовать ему себя, – обыкновенный способ, к которому наша братья прибегает. Книга и я приняты были им благосклонно; но о месте сказано мне, что сведение еще из банка не доставлено, и велено наведаться в другой раз. Второй прием не походил уже на первый; я принят был не как «муж, коего сочинения и переводы существуют в печати», не как «стихотворец и прозаик», не как «знающий несколько и древних и новых языков», – обо всем этом, думал я, секретарь мог удостовериться из моего «Меркурия», – но как обыкновенный, ничего не значащий, никем не представленный бедный проситель. После стояния, почти двухчасового, в прихожей, мне <было> сказано только, чтобы я наведывался. – Нет вакансии, ответствовано мне, когда я, пришедши в третий раз к секретарю, просил его сказать мне что-нибудь решительно. С сокрушенным сердцем я отнес сие известие к своей невесте и пролил несколько слез на жертвенник любви невинной. Не винил я секретаря за отказ; может быть, и в самом деле, не было вакансии, или и была, но вскоре занята. Может быть, разочтено, что место не по мне, т.е. не по моим сведениям, которые были у меня только теоретические, или не по моему званию, ибо я был только простой учитель, без всякого чина. Хорошо, по крайней мере, и то, что не питали меня пустою надеждою.

После сего неудачного опыта, думая, куда бы мне приличнее определиться по сведениям, приобретенным мною в училище, я расчел, что в Коллегии иностранных дел не бесполезен бы я был для переводов с греческого языка. Мысль счастливая! В один день сажусь за стол и пишу новое просительное письмо к вице-канцлеру графу Ивану Андреевичу Остерману⁷³. Вельможа сей жил тогда на даче, что на седьмой версте по Петергофской дороге, ныне принадлежащей князю Щербатову⁷⁴. Хотя шел изрядный дождь, однако я из Невского монастыря пустился к нему в башмаках и пешком. Кое-как добрел я до дачи графской, явился к секретарю его Николаю Игнатьевичу Калинину⁷⁵ и объявил ему причину своего прихода. Этот любезный человек принял меня весьма ласково и тотчас пошел доложить обо мне вице-канцлеру, который в скором времени и вышел ко мне, в зал. Я подал ему просьбу, с приложением собственноручного, на латинском языке писанного аттестата, данного мне архиепископом Евгением, в знании греческого языка. При подлиннике аттестата приложен был и российский перевод. Граф, прочитавши прошение и перевод с аттестата, сказал:

– Вы знакомы с преосвященным Евгением? Он рекомендует вас в знании греческого языка; на его рекомендацию можно положиться. Вы будете приняты.

Будете приняты! – внутренне повторил я с восхищением, которое обнаруживалось во всех моих чертах и движениях.

– Отошлите его с этими бумагами, – сказал он Николаю Игнатьевичу, – к Ивану Андреевичу Вейдемейеру⁷⁶, но прежде велите накормить обедом.

Вот что значит аттестат знаменитого мужа!

Но как я получил аттестат от преосвященного Евгения? Виноват, об этом следовало бы мне сказать до описания похода моего к вице-канцлеру. Как скоро пришло мне на мысль определиться в Коллегию иностранных дел, я тотчас открылся в том его преосвященству и просил дать мне аттестат в знании греческого языка. Преосвященный отвечал, что он, по моему с ним разговору, по переводам с грече-

ского на русский и с русского на греческий язык, коих опыты были ему известны, как я выше имел случай говорить о том, может судить о моих сведениях в греческом языке, но не знает, могу ли я писать на греческом языке, почему и велел мне написать на оном небольшое рассуждение, о том, что *во всякое состояние бывает Божие призвание, а призвание сие познается по внутреннему влечению к такому, а не к другому состоянию*. На другой день я принес преосвященному свое сочинение, которым, к счастью моему, он так был доволен, что к ободрению ли моему, или по другой какой причине, отозвался, будто не многим и природным грекам удастся так написать, и находил только две, простительные, впрочем, погрешности против свойства (идиотизма) сего языка. Почему тогда же написал и отдал мне аттестат, благословив меня на успех в том предприятии.

Аттестат действительно был для меня выгоден, и притом известно было всем, что преосвященный Евгений по-русски не знал и имевшим с ним знакомство не иначе можно было с ним объясняться, как на французском, латинском, греческом древнем или новом и турецком языках; следовательно, это служило другим одобрением в знании моем которого-нибудь из сих языков. Не говорю уже об отличной славе и уважении, каковое от всех приобрел сей ученейший и добродетельнейший архипастырь.

Между тем как я сидел за вице-канцлерским супом, соусами и жаркими, Николай Игнатьевич заготовил письмо к И.А. Вейдемейеру, который был тогда правителем канцелярии при вице-канцлере.

Конверт, в котором была запечатана и просьба моя с аттестатом, отдан мне, и я полетел с радостною вестью – куда? Не трудно отгадать: к невесте. Рассказал ей о своем походе на вице-канцлерскую дачу, о благосклонном его приеме, и мы наперед уже поздравляли себя со счастьем, ожидающим меня в Коллегии иностранных дел.

На другой день, поутру, явился я с конвертом к Ивану Андреевичу Вейдемейеру и вручил ему оный. Иван Андреевич, прочитав бумаги, которые были в нем запечатаны, объявил мне, что граф приказал принять меня в Коллегию иностранных дел, для переводов с греческого языка, и приказал мне явиться к обер-секретарю коллегии Ник. В. Яблонскому, к которому дал мне записку. Н.В., с своей стороны, приказал идти в коллегию и спросить там секретаря Арх<ива> М. Иванова, который написал бы мне просьбу, по форме, о принятии меня в оную. Этот добродушный секретарь советовал мне проситься прямо в переводчики, т.е. с чином коллежского секретаря. Он сказал мне, что у них нет деловых переводчиков с сего языка, и засвидетельствование преосвященного Евгения почитал как бы дипломом, или патентом на сие звание. В такой силе он и начернил мне просьбу, которую, переписав набело, в тот же день подал я обер-секретарю. Николай Васильевич, приняв ее от меня и прочитав, приказал наведываться к себе, как только часто мне можно будет, смотря по занимаемой мною должности в Александро-Невской семинарии. Я наведывался раза два, три в неделю, стоя у него в прихожей, что продолжалось несколько месяцев, и слышал от него разные отзывы: или что еще не всеми членами подписано определение, потому что они жили по дачам, или что остается определение у такого-то члена. Между тем, велено было мне явиться на экзамен к

статскому советнику Дузе, греку простому, неученому, знающему только нынешний греческий язык и по-русски разумеющему плохо. Этот добрый человек сказал мне на новом греческом языке, что после аттестата, какой дал мне преосвященный Евгений, он экзаменовать меня не смеет и что, притом, он знает только по-ромейски. Не знаю, как он после отозвался обо мне Николаю Васильевичу, только через несколько дней получил я от сего последнего в Коллегии рукописную купеческую книгу на простом греческом языке, в которой показано было мне перевести несколько листов. Греческое наречие сей книги было самое грубое, какое только могут употреблять корабельщики. По окончании перевода, я представил оный обер-секретарю, который объявил мне, чтоб я был спокоен, что буду определен и что когда определение подписано будет всеми членами, прислана будет мне повестка. Положась на слова его, я перестал навещать к нему, дожидаясь роковой повестки. Проходит месяц, другой, повестки нет. Это привело меня в крайнее уныние. Я не знал, чему приписать это, и решился наконец сходить к Ивану Андреевичу, чтоб узнать о своей участи.

– Что скажешь, любезный друг? – был его вопрос, как скоро я пришел к нему. Я рассказал ему о своем горе.

– Как! – с удивлением вскрикнул он. – Ты давно определен; а за то, что не кланялся обер-секретарю, определен не с чином переводчика, как ты просил, а с чином актуариуса и, притом, на 135-рублевое жалованье, не более.

Я отвечал ему, что я почти всякий день навещался к Николаю Васильевичу и, наконец, он уволил меня от этого.

– Как бы то ни было, – сказал Иван Андреевич, – дело уже сделано.

Он велел мне явиться к обер-секретарю и утешал меня в малом чине и жалованье тем, что он сам поступил в Коллегию студентом – всего на сто рублей и что, притом, в Коллегии есть и теперь переводчики, получающие меньше моего оклада. От Ивана Андреевича пошел я к обер-секретарю, который мне и объявил, что я определен в Коллегию, января 1 дня 1795 года, с вышеупомянутым чином и жалованьем, и приказал мне принести увольнительный аттестат из Невской семинарии и являться к должности.

Аттестат мне выдан, за подписанием митрополита Гавриила. Простясь со своими начальниками, товарищами и учениками, я не замедлил перебраться из монастыря на квартиру, в дом куп<ца> Жадимировского, у Конюшенного моста⁷⁷. В этом доме жил тогда придворный мундкох⁷⁸ И.Ю. Бальзер; у него был лишний покой, который он уступил мне за пять рублей в месяц. Этот добрый старик и все семейство его полюбили меня, и я приглашен был к их столу, при самом переходе моем на квартиру.

Не могу здесь пройти молчанием того приятнейшего и вместе печального для меня дня, в который все ученики мои, обучавшиеся тогда у меня риторике, пришли прощаться со мною и с плачем поднесли мне речи и стихи на этот случай. Первый из них по успехам, Григорий Мансветов (ныне в должности обер-священника)⁷⁹, написал белые стихи, коих пышные, мало заслуживаемые, но усердные выражения и теперь помню. Вот их начало:

Удалися, Аполлон!
Музы Невские, рыдайте;
Ветр унылый, тихо вея,
Разнеси печальный глас!
и пр.

Но как я слаб! Воспомяя о сем, я и теперь обливаюсь слезами. Ах! я в первый раз почувствовал тогда, сколь приятно оставить по себе добрую память у тех, с которыми проводишь жизнь и коих образование вверяется нашему попечению!

Итак, я в статской службе и имею чин; следовательно, первые и важнейшие препятствия к женитьбе преодолены. Но чем жить нам? У невесты моей нет никакого приданого. У меня жалованья сто тридцать <пять> рублей, из которых я должен платить и за квартиру. Обстоятельства умножили мои доходы. По ту сторону Конюшенного моста, по Мойке, есть и теперь дом покойного придворного метрдотеля Франца Ивановича Гебеля⁸⁰, который, вместе с супругою своею Анаст<асией> Семеновной, известен был всем, а особливо полтавским дворянам, своим хлебосольством. Как полтавский выходец, и я нашел случай бывать в сем доме, где видался со своими земляками и познакомился с дедушкою фельдмаршала князя Паскевича-Эриванского⁸¹, воспитывавшегося тогда в Пажеском корпусе, находившемся недалеко от моей квартиры. В Пажеском корпусе ученье было плоховато, да и надзор за поведением не лучше. Любя весьма нежно своего внука, почтенный старик просил меня взять его, вместе со старшим его братом, под свой надзор и занимать науками, какие сам знаю. Вот и прибавка доходов! Я с удовольствием принял на себя обучать их переводам с французского языка, сочинению на русском языке, истории, географии и арифметике. В Пажеском корпусе вскоре стало известно, что я живу в соседстве и что Паскевичи ходят ко мне учиться. Почему к моим ученикам не замедлили присоединиться пажи: Русанов⁸² и Бурнашев⁸³. Первый из них ныне в отставке генерал-майором; а где последний, мне неизвестно.

По моим расчетам показалось, что уже можно приступить к свадьбе и, как моя квартира состояла только в одном покое, впрочем, довольно большом, то я, заняв у сына Гебеля десять рублей, заказал сделать в ней перегородку. Приготовясь таким образом жить не один, я просил невесту и ее хозяев назначить день для обвенчания нас. Это последовало мая 8 дня 1795 года. От венца старики проводили нас на мою квартиру, где нас встретили с хлебом и солью мои хозяева, уставив стол конфетами и винами, а пол – окороками и другими съестными припасами в корзинах.

Вступив в новый род жизни, умноживший мои нужды, я на другой же год (1796) приступил к изданию журнала, под названием «Муза»⁸⁴. В журнал мой сообщали сочинения свои в прозе и стихах: Державин, Сперанский, Львовы – Николай Александрович и Федор Петрович, Словцов и другие. Журнал пошел недурно, судя по тогдашнему времени. Итак, моя служба, учительство и издание журнала доставили нам изрядные средства к содержанию.

Издание «Музы» познакомило меня не только с отличными писателями и публикою, но сделало известным даже при дворе. Великая княжна Александра Павловна⁸⁵ сделала мне честь помещением в оной двух своих переводов: «Бодрость

и благодеяние одного крестьянина» и «Долг человечества». Императрица Мария Феодоровна вскоре изволила повелеть предложить мне место учителя русской словесности, истории и географии в Воспитательном обществе благородных девиц⁸⁶, куда я и поступил, по увольнении меня из Коллегии иностранных дел с чином переводчика, 5 июля 1797 года. По открытии Училища ордена св. Екатерины, Императрице угодно было, чтобы я обучал тем же предметам и в оном, куда и определен был 25 мая 1798 года.

Во время службы моей при сих заведениях, по высочайшим повелениям, в 1799 г. февраля 8 дня произведен в коллежские асессоры, а в 1800 г. – в надворные советники.

Теперь я в той эпохе моей жизни, которой не было очаровательнее во все ее продолжение. Остановимся же в ней несколько подолее. На меня возложено было обучать в третьем отделении класса «белого», т.е. в слабейшем старшего; в первом, втором и третьем отделениях «голубого», или среднего, и первом и втором отделениях «кофейного», или меньшего. По влиянию на некоторых особ учителя, преподававшего мои предметы в первых высших отделениях белого класса, я не был допущен к разделению с ним чести их преподавания. Даже предположение учредить курс логики, с поручением мне обучать оной, по его проискам, не состоялось. Я нимало этим не трогался и обрабатывал ниву, мне вверенную. Императрица изволила посещать все классы и отделения, что меня утешало. Я с нетерпением ожидал первого ее посещения моего обучения. Время настало. Ее величество изволила присутствовать в оном довольно значительное время и оставила класс, сказав, что она за удовольствие поставит почаще бывать у меня. И действительно, я нередко был достаиваем сего счастья.

Вскоре я приобрел уважение к себе начальницы и привязанность детей, что немало способствовало успехам их в моих предметах⁸⁷. Успехи их одушевляли меня к усилиям приобрести новые познания, для передания им. Чувствования мои становились чище и чище; казалось, наконец, что я не в здешнем мире обитаю. Но ревностному моему наставлению вскоре изменила грудь моя: я часто начал страдать ею и принужденным нашелся облегчить себя, оставшись только при Училище (институте) ордена св. Екатерины, а на учительское место Общества благородных девиц обменял место в Государственном совете, куда я определен письмоводителем по духовному и гражданскому отделению, 1801 года 6 мая.

Наступил день прощальный. Откланявшись начальнице, я пошел проститься с моими ученицами. Никогда не забуду сих минут. Сколько пролито слез при совокупном их провожании меня по коридору. Сколько просьб, чтоб я хоть изредка посещал их! И как эти проводы шли мимо комнат начальницы, то она на вопль их вышла к ним. Я остановился, дети тоже. Начальница сказала мне: «Вот что вы наделали!». Эти слова еще более растрогали меня, и я дал полную свободу течению слез моих.

В бытность мою учителем в Обществе благородных девиц, я выискивал время и для переводов. Блаженная памяти государь император Александр I, бывший тогда наследником, тайный советник Павел Александрович Строганов⁸⁸ и действительный камергер Новосильцов⁸⁹ положили было издать на русском языке

нескольких политических иностранных писателей. По препоручению их, впрочем, заочному, за известную плату, я перевел три части Стюарта «Recherches sur l'Economie politique»⁹⁰, коего разбор, написанный мною, по их же поручению, напечатан в «Санкт-Петербургском Вестнике»⁹¹, шесть частей «Bibliothèque de l'homme publique», par Condorcet⁹², и «Economie politique», par Comte Verri⁹³, который, также почти весь, по частям, напечатан в упомянутом журнале. Стюарт и Кондорсе остаются ненапечатанными.

Получив более свободного времени, я напечатал переведенного мною белыми стихами Анакреона⁹⁴, Лонгина⁹⁵, повесть Шатобриана «Атала»⁹⁶, «Прогулки» Ж.Ж. Руссо, «Дух» Руссо⁹⁷, «Письма об Италии» г. дю-Пати⁹⁸, «Приданое Сюжетты»⁹⁹, «Сен-Жульен», роман Авг. Лафонтена¹⁰⁰, «Переписку Екатерины с Вольтером»¹⁰¹, выправил Юстия¹⁰² по поручению книгопродавца.

Когда-нибудь, может быть, сделают вопрос, почему я больше занимался переводами и составлением словарей, нежели сочинениями. Конечно, что-нибудь и я мог бы написать. Но, во-первых, я никогда не любил своих сочинений, не почитал их полезными столько, сколько переводы известных иностранных писателей; во вторых, занимаясь делами по должности, не находил столько свободного времени, чтоб произвести что-нибудь важное, а для произведения важного сколько требуется еще сведений, для приобретения <же> сведений – сколько досуга, средств, терпения!

На престол взошел Александр. В 1802 году, сентября 8 дня, последовал манифест об учреждении министерств. Начали думать о назначении министров, их товарищей, директоров департаментов и канцелярий. Александр тогда изволил присутствовать в комитете гг. министров и делал их участниками в образовании новых учреждений. Дошло дело до назначения директора по министерству просвещения, и положено было предложить это место мне, что исполнить возложено было на товарища министра просвещения, тайного советника Муравьева¹⁰³. С Михаилом Никитичем я не был знаком, но в канцелярии его, по званию статс-секретаря, служили товарищ мой по учению в Невской семинарии Николай Анненский и ученик мой, обучавшийся у меня греческому языку, Зиновьев¹⁰⁴. Михаил Никитич спрашивает у них, знают ли они меня? Ответствовано утвердительно.

– Где он живет?

На этот вопрос ни тот, ни другой не могли ничего сказать, ибо свидание наше, по разным причинам, было весьма редко.

Поручено было узнать о сем Анненскому и объявить мне, что если я хочу занять место директора департамента министерства просвещения, то <чтобы> явился к Михаилу Никитичу. Анненский, сверх должности у Михаила Никитича, служил еще во 2-м кадетском корпусе секретарем, где в то время был законоучителем приехавший на череду архимандрит Августин, о коем я говорил выше, и жил в корпусе. Архимандрит бывал у меня, по приезде своем сюда, несколько раз. Я жил тогда на наемной квартире, на которую, по случаю перестройки дома Екатерининского института и тамошней моей квартиры, государыня императрица Мария Феодоровна изволила, как сама выразилась, жаловать из своего кармана пятьсот рублей в год.

Архимандрит Августин уведомил меня запиской об открывающемся для меня поприще, и я на другой день явился к Михаилу Никитичу.

Он объявил мне волю государя и спросил, желаю ли я принять на себя сию должность. Я сказал, что за счастье поставляю такое мое взыскание; но, может быть, я не имею нужных для того познаний. Я знаю некоторые науки, греческий, латинский и французский языки, впрочем, на последнем говорю худо, научась оному самоучкою и поздно. «Государю и комитету, – сказал Михаил Никитич, – известно, что такое вы знаете, и чего не знаете. Нам нужно то, что вы знаете; для того, чего не знаете, у вас будут помощники. Правительство надеется иметь в вас хорошего начальника. Итак, согласны ли вы?» – промолвил он, смотря мне в глаза, которые были уже наполнены доказательствами согласия; я только поклонился. Сказав мне еще несколько приветов, он велел мне на другой день привезти к нему все мои издания и переводы напечатанные. «Мы поедем с ними, – сказал он, – к министру просвещения, которому я должен вас представить». В этот же день, как я был у Михаила Никитича, после обеда пошел я уведомить о сем происшествии Сперанского, бывшего тогда начальником (или экспедитором) экспедиции духовных и гражданских дел. Всегда принимая участие в моем состоянии, он весьма сему обрадовался и сказал, что он завтра же поедет к Михаилу Никитичу еще рекомендовать меня.

В назначенный день, я притащился к Михаилу Никитичу со своею ношею. Первое слово его было, что сегодня был у него Михаил Михайлович Сперанский и рекомендовал ему меня.

– Рекомендация не лишнее дело, – продолжал он, – но ваши достоинства нам всем известны и без того.

При этом он взял у меня книги и велел закладывать карету.

Карета подана, книги положены в нее, и мы поехали к графу Петру Васильевичу Завадовскому. Представляя меня министру, Михаил Никитич, указав на книги мои, на пол сложенные, сказал:

– Это всё его труды.

Граф приказал мне на другой день явиться к нему. По приходе моем, дал мне работу: написать письмо к одной знатной особе, кажется, не для испытания, а потому, что нужно было по службе.

С сего времени я получил от него приказание всякий день являться к нему для принятия поступающих бумаг и приискивать низших чиновников для составления канцелярии. Не зная канцелярского делопроизводства, я в необходимости был искать чиновника, знающего оное, и прибегнул к старинному моему другу Дмитрию Федоровичу Смирнову, прося его рекомендовать такового. Он рекомендовал служившего в канцелярии св. синода и управлявшего обер-прокурорскими делами титул<ярного> совет<ника> Александра Балемана¹⁰⁵, от которого узнал я канцелярское делопроизводство и который был хороший помощник. Мало по малу начали ко мне являться чиновники сами и, как не было еще штатов, то я ограничился самым малым числом оных. Наконец штаты министерствам вышли. Граф Петр Васильевич, получив в комитете гг. министров штат своего министерства, отдал мне, сказав: «Теперь по штату сему поместите чиновников наличных и приищите

недостающих». Я, не зная еще ничего решительного о себе, спросил его, кто назначается директором, ибо, по малому чину своему, когда по другим министерствам назначены уже были директорами действительные статские и тайные советники, не думал, чтобы меня назначили. «Как кто? – отвечал граф. – Вы директор. Теперь изберите чиновника, достойного заступить одно из двух мест начальников отделений; на другое я имею в виду чиновника».

За сим вскоре последовал Высочайший указ о бытии мне директором (1803, янв. 24); определены начальники отделений, выбраны другие чиновники и департамент образовался. 16 янв<аря> 1804 года, по именному высочайшему повелению, произведен я в коллежские советники. По высочайше утвержденным предварительным правилам народного просвещения, надлежало приступить к образованию здесь университета. Решились прежде учредить отделение университета, под названием С.-Петербургского педагогического института, которые были бы рассадником для профессоров будущего университета, для учителей гимназий и других училищ. Для сего, по высочайшему повелению, истребовано из разных семинарий сто студентов, приглашены для преподавания положенных в сем новом заведении предметов профессора. Я обременен был делами в звании директора; но бывший тогда попечителем действительный камергер Николай Николаевич Новосильцов непременно хотел, чтобы я принял на себя преподавать эстетику хотя два часа в неделю.

Наука сия в русских университетах начала преподаваться только с учреждением министерства просвещения. Руководств для оной на русском языке не было. Итак, надлежало самому составлять записки для своих лекций. Дело было довольно важное, тем более что слушать курсы наук в сем заведении позволено было кому угодно. Приготовясь на несколько чтений, я открыл преподавание эстетики и, к удивлению моему, с трудом пробрался до кафедры сквозь толпу сидевших и стоявших, не только в классе, но и в переднем покое, и на лестнице, ожидавших меня посетителей всякого состояния, возраста и чинов. Новость предмета, думал я, привела на первый урок столько слушателей; время их поубавит. Но я ошибся в заключении: почти все они постоянно посещали мои лекции. Доказательство, как охотно у нас пользуются случаями для своего образования. В справедливости моего показания могут удостовериться из журнала, издаваемого в то время академиком Шторхом, под заглавием: *Russland unter Alexander dem 1-ten* (стр. 141, кн. V. 1804 года)¹⁰⁶. Там, между прочим, сказано, что так много посещало мои чтения военных и гражданских чиновников, что прежний учебный зал стал уже слишком тесен для помещения. Это заставило начальство Института устроить зал с хорами в здании Коллегии.

В 1804 и 1805 годах издавал я журнал «Северный Вестник», получая для сего, от монарших щедрот, по три тысячи р<ублей> в оба года¹⁰⁷.

С 8 июня 1804 года к прежним моим занятиям прибавилась должность ученого секретаря конференции Педагогического института.

В 1803 году, октября 9 дня, последовало высочайшее повеление составить комиссию для рассмотрения проекта князя Зубова об учреждении губернских военных училищ¹⁰⁸, в которой я был делопроизводителем в продолжение сего и 1804

года. Для меня тем более было лестно сие поручение, что в сей комиссии изволил присутствовать блаженная памяти государь цесаревич и великий князь Константин Павлович, к которому по делам комиссии я имел счастье относиться непосредственно. На основании проекта князя Зубова, комиссия начертала план военного воспитания и поднесла на высочайшее усмотрение. План удостоен утверждения и, на основании оногo, открыт совет о военных училищах, в которых председательствующим назначен был его императорское высочество цесаревич, а мне высочайше повелено было быть правителем канцелярии совета, с оставлением при прежних должностях, апреля 8 дня 1803 года.

В 1804 же году, 9 сентября, именным высочайшим указом повелено мне быть правителем дел Главного правления училищ, с оставлением при прежних должностях.

8 февраля 1806 года я всемилостивейше пожалован кавалером ордена св. Анны 2 класса¹⁰⁹. Сей знак отличия тем для меня драгоценнее, что граф Петр Васильевич сам сочинял черновую записку, которую храню, как великодушный залог его ко мне признательности. Она заключается в следующих словах:

«Коллежский Советник Мартынов, правитель дел вверенного мне Департамента и вместе Канцелярии главного училища правления, и Совета военных училищ, неся также должность ученого Секретаря Конференции Педагогического Института, отличается пространним и неусыпным своим трудом, участвуя в начертании уставов всем вновь устроенным учебным заведениям. Во внимание на его необыкновенные труды и заслугу, убеждаюсь ходатайствовать о всемилостивейшем награждении его знаком ордена Святыя Анны».

Записка списана мною с правописанием сочиненьица. Подлинность и сила слова гр. Петра Васильевича видна из сего краткого сочиненьица.

Уставы, в начертании коих я в 1806 году участвовал, суть: уставы Дерптского, Московского, Казанского и Харьковского университетов, устав Демидовского высших наук училища. Но первоначально они написаны были: первый – Дерптским университетом, с которым, для совокупного рассмотрения оногo с Главным правлением училищ, присланы были депутатами профессора Паррот и Глинка¹¹⁰; второй, третий и четвертый – попечителями сих университетов; а пятый – жертвователем имущества своего, действительным статским советником Павлом Григорьевичем Демидовым¹¹¹. Правила для С.-Петербургского педагогического института написаны мною с мнений по учебным предметам профессоров сего института; устав для гимназий, уездных и приходских училищ составлен мною, кроме расписания учебных предметов, что поручено было члену главного правления училищ Н.И. Фуссу¹¹². Устав для цензуры книг¹¹³ написан весь мною и подписан министром и членами правления училищ почти без всякой перемены**.

В 1807 году, октября 17 д., я назначен членом в хозяйственный комитет, учрежденный при Главном правлении училищ.

В сем же году, государыне императрице Марии Феодоровне угодно было, чтобы я принял надзор за учебною частью в С.-Петербургском императорском воспитательном доме¹¹⁴ и учредил бы в нем латинские классы, для приготовления

* В 1806 году издал я «Лицей», в четырех частях.

нескольких воспитанников к обучению медицинским наукам. Статс-секретарь Вилламов¹¹⁵, в письме своем ко мне, изобразил волю ее величества самым лестным для меня образом. Он писал, что я никого не буду иметь начальником, кроме ее величества, к коей относиться буду непосредственно; что ее величеству известно, сколько я занят по министерству просвещения, но ее величество уверена, что часть сия будет в цветущем состоянии, если я *только взгляну* хотя два или один раз в неделю. Письмо сие показал я графу Петру Васильевичу, который, прочитав оное, сказал: «Нечего делать; отказать нельзя: отвечайте, что, при ваших занятиях, вы не можете посещать Воспитательный дом более одного раза в неделю».

Я занимался в нем 1807 и 1808 годы. В последнем просил тамошнее начальство, что я не могу быть так полезен, как бы того желал, что одного раза в неделю недостаточно для обозрения и поверки успехов во всех классах, что полезнее несравненно, чтобы надзиратель за учением жил в доме, не был занят другими должностями и мог бы посещать классы сколько можно чаще. Это было доведено до сведения ее величества, вследствие чего получен мною всемилостивейший рескрипт следующего содержания:

Господин Статский Советник Мартынов! При учинении ныне, как вам уже известно, нового распоряжения в рассуждении классов в Воспитательном Доме, понуждающего к определению особенного Инспектора, для безотлучного почти за ними присмотра, Я приятно поставила себе обязанностью изъявить вам совершенную Мою признательность за труды ваши, до ныне по сей части понесенные, и справедливость, Мною всегда отличному усердию вашему отдаваемую. Прилагая при сем особенный знак* таковых Моих к вам расположений, Я пребываю в прочем <к> вам всегда благосклонною.

На подл. подписано: Мария.

В 1807 году, сентября 7 дня, всемилостивейше произведен я в статские советники, со старшинством с 1800 <года> декабря 31 дня¹¹⁶. 15 сентября сего же года пожалован мне государем императором брильянтовый перстень за четырехлетнее образование студентов Педагогического института.

В 1809 году, 12 августа, всемилостивейше пожалована мне, в 12-тилетнее содержание, аренда. В сем году употреблен был делопроизводителем в комитете, составленном для начертания правил испытания медицинских чинов. Октября 7 сего же года назначен председателем комитета испытаний гражданских чиновников, учрежденного при С.-Петербургском педагогическом институте, и надзирателем курсов, предписанных указом <от> августа 6 дня 1809 года. В конце этого и в начале 1810 года был делопроизводителем в комитете, учрежденном для уменьшения расходов по всем министерствам и ведомствам на 1810 год.

Августа 11 дня 1811 года всемилостивейше произведен в действительные статские советники.

В 1812 и 1813 <годах> был употреблен делопроизводителем в комитете для начертания правил испытания гражданских чиновников. Правила сии, по представлении мною, комитетом были приняты без всякой перемены, подписаны членами и представлены в комитет гг. министров.

* Брильянтовый перстень.

Между тем как я проходил службу гражданскую, учебные общества и университеты не лишали меня своего внимания. 18 декабря 1804 года Московский университет почтил меня званием почетного своего члена; 23 февраля 1807 года Императорская российская Академия избрала в свои члены; октября 7 дня 1809 года бывший Виленский университет избрал своим почетным членом; 20 сентября 1810 года – в таковые же члены избрал Харьковский университет; 21 октября 1814 года в такие же члены – университет Казанский. 18 февраля 1814 года С.-Петербургское вольное экономическое общество приняло меня в действительные члены. 24 марта 1816 года императорская Медико-хирургическая академия удостоила меня звания почетного своего члена. Учреждавшимся в России, в разные времена, частным ученым обществам также не противно было считать меня в числе своих членов.

Из сих сословий¹¹⁷ приносил своими трудами пользу частную только Академии российской своими присутствиями, почти никогда не оставляемыми, и преимущественным, пред другими членами, доставлением в ее «Словарь»¹¹⁸ слов по разным наукам, искусствам, ремеслам и общеупотребительных, а также Вольно-экономическому обществу: своими мнениями, каких оно от меня требовало, и несколькими сочинениями по части ботаники, за которые получены мною в разное время золотые медали.

25 августа 1816 <года> всемилостивейше пожалован я кавалером ордена св. Владимира 3-й степени¹¹⁹. С окончанием сего года окончилась моя блистательная служба.

Будут ли говорить обо мне после моей смерти, кому знать. Но что говорили и писали обо мне во время моего директорства, о том мне приятно для детей моих и родственников сохранить следующее происшествие. В 1812 году, до вторжения в Россию Наполеона, в один день приходит ко мне действительный статский советник Александр Иванович Тургенев¹²⁰ и спрашивает меня, читал ли я, недавно вышедшую в чужих краях, книгу *Tableau de Pétersbourg ou lettres sur la Russie, écrites en 1810, 1811 et 1812 par D. Chrétien Müller et traduites de l'Allemand par C. Léger, professeur de Rhétorique au Lycée de Mayence*¹²¹. Она здесь есть, но не больше двух экземпляров.

– Не только не читал, но и не слышал об ней.

– Вы с сочинителем должны быть знакомы. Он жил здесь несколько лет, служил в Екатерининском институте учителем немецкого языка, где и вы служили, и хаживал к вам в департамент.

– При мне учителя Миллера не было, и ходил ли он в департамент, мне не известно. Впрочем, если бы то и было, что в том?

– Он описал всех министров, директоров и других начальников и коснулся даже царской фамилии.

– Что же?

– А то, что он почти обо всех отзывается худо. Одного тебя хвалит!

Эти слова нимало не польстили моему самолюбию. Такая исключительная похвала не может быть справедлива; а в тогдашнее время должна быть подозрительна и для меня опасна, что и было главною, кажется, причиною прихода ко мне г-на

Тургенева. В этот же день ввечеру приходит ко мне секретарь президента Медико-хирургической академии Якова Виллье¹²² с тем же известием. «Яков Васильевич, – сказал мне Михаил Дмитриевич Костогоров¹²³, – приказал мне сказать вам, что он видел у государя книгу на французском языке, в которой сочинитель всех бранит, кроме вас», и наименовал мне некоторые лица. Эта посылка имела совсем другой источник, нежели посещение Тургенева: она произошла от давнего благорасположения ко мне Якова Васильевича. Я просил Михаила Дмитриевича попросить эту книгу прислать ко мне на несколько только часов, и она была мне доставлена. Мне хотелось видеть, до какой степени должен я опасаться подозрений людей злонамеренных, и вот что в ней прочел.

«Le conseiller d'état *Martinow*, connu comme Philologue dans l'histoire littéraire de Russie, dirige les bureaux de ce Département; et le peu de bien solide qui s'y opère e'est à lui surtout qu'on le doit, quoique sans contredit il ne fasse pas dans sa sphère très-étendue tout ce qu'on y pourroit faire avec une volonté ardente et une conscience pure»¹²⁴. – Преувеличение самое невежественное; по нему судить можно и о справедливости прочего, что сказано о других.

6 января 1817 года я уволен из Педагогического института, с оставлением при мне жалованья, какое получал я оттуда. Февраля 17, того же года, уволен от должности директора департамента просвещения и правителя дел Главного правления училищ, с высочайшим повелением быть мне членом сего правления и оставлением при мне жалованья директора, правителя дел, казенной квартиры, дров и свечей. Сверх того, 8 ноября 1819 <года> высочайше повелено быть мне членом комитета для учреждения училища взаимного обучения¹²⁵. Между тем, именно в 1817 году подал я мысль учредить здесь Минералогическое общество и, составив вместе с коллежским советником Пансером и бароном Фитингофом¹²⁶ постановление оному, представил министру просвещения, который и исходатайствовал оному высочайшее утверждение.

12 марта 1820 <года> всемилостивейше пожалован мне, за службу по Совету о военных училищах, орден св. Анны 2-й степени с алмазными украшениями.

22 февраля 1822 года высочайше повелено составить комитет из главного директора Пажеского и кадетских корпусов генерала от инфантерии графа Коновницына, Оренбургского военного губернатора (ныне графа) генерала от инфантерии Эссена и меня для рассмотрения проекта устава Оренбургского Неплюевского военного училища¹²⁷ и штата оногo, которые, по рассмотрении, были представлены государю императору и удостоены высочайшего утверждения. В сем же году, октября 2 д., повелено было мне быть председателем в комитете, высочайше учрежденном для рассмотрения отчетов по Благородному пансиону, при Царскомельском лицее находившемся.

2 октября 1826 года министр народного просвещения назначил меня членом во временный комитет для составления проекта нового устава учебных заведений.

9 сентября 1825 года он же назначил меня председателем в комитет для исследования изветов и поступков бывших профессоров Казанского университета Жобара и Пальмина¹²⁸.

В сем же году сделан я членом в ученый комитет, высочайше утвержденный при Главном правлении училищ, с оставлением меня и членом хозяйственного комитета.

22 августа 1828 года всемилостивейше пожалован мне знак отличия беспорочной службы в классных чинах 30-ти лет.

17 января 1829 года государь император всемилостивейше пожаловал мне, за выслугу по министерству просвещения, брильянтовый перстень, с вензелевым его величества именованием.

10 июля 1829 года Санкт-Петербургский университет избрал меня в свои почетные члены.

31 августа 1832 года всемилостивейше пожалован мне знак отличия беспорочной службы в классных чинах 35-ти лет.

4 апреля 1833 года, по ходатайству его императорского высочества главного начальника Пажеского, всех сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка, всемилостивейше пожалован я кавалером ордена святого Станислава первой степени¹²⁹.

По увольнении меня от директорства и должностей правителя дел Главного правления училищ, ученого секретаря конференции Педагогического института и от преподавания эстетики, я много получил времени к занятиям по моему произволению и не замедлил тем воспользоваться. Купив на часть денег, полученных мною за пожалованную мне аренду, дом с садом и оранжереями на Васильевском Острове, еще в 1811 году, я посвятил себя садоводству и ботанике¹³⁰. Я старался, сколько можно, при моих средствах, всё узнать на деле. Видя, что существующие по ботанике технические словари на иностранных языках устарели, а на русском языке и вовсе нет, я составил «Техно-ботанический алфавитный словарь», с объяснением каждого латинского слова на русском языке и, при пособии российской Академии, напечатал его в 1820 году¹³¹.

Между тем поручено мне было для училищ министерства просвещения издать *Sinopsis plantarum Personii*, который был напечатан под именем *Species plantarum*¹³². Это мне весьма много способствовало к составлению другого <словаря:> «Словаря родов растений, по системе Персона»¹³³. В сем «Словаре», начинающемся также с латинского, я перевел на русский язык каждое латинское название растения, показал, из какого языка взято, как составлено, от чего названо, как переведено на русский язык, сколько пород каждого растения известно по синопсису Персонову и к которому классу относится.

В одно почти время с последним словарем, издал я сокращение трех ботанических систем: Линнея, Турнефорта и Жюсье, под названием «Три Ботаника»¹³⁴.

Оканчивая ботаническую работу, я приступил к труду огромнейшему, в надежде на помощь российской Академии, которой отпускается на то значительная сумма. Я предпринял издать свой перевод, с примечаниями, с оригиналом на <другой> стороне и без оригинала «Греческих Классиков»¹³⁵: 1) «Басни Езопа»¹³⁶; 2) «Гимны Каллимаха»¹³⁷; 3) Трагедии Софокла: «Эдипа-царя», «Эдипа в Колоне», «Антигону», «Трахинянки», «Аякса Неистового», «Филоктета» и «Электру»¹³⁸; 4) Омирову «Илиаду», в 4 частях; его же «Одиссею», в 4 частях¹³⁹; 5) Иродотову «Историю», в

5 частях, с картою¹⁴⁰; 6) «Пиндаровы Оды», в 2 ч<астях>¹⁴¹; 7) Лонгина «О высоком», втор<ым> изд<анием>; Анакреона, вторым изданием¹⁴².

Представил первую трагедию в Академию, читал; кажется, все трудом сим были довольны, желали видеть оной напечатанным на счет Академии, но на том кончилось. Я принужден был прибегнуть к министерству просвещения, не подпшется ли оно на сколько-нибудь экземпляров для училищ. Оно подписалось на 100 экземпляров, для духовных училищ. Подписка сделана по числу оных. Академия взяла у меня только восемь экземпляров. Как ни сомнителен был сбыт сих книг, я решился издать оные, что и исполнил в 1823, 1824, 1825, 1826, 1827, 1828 и 1829 годах. Мне казалось, что я неблагодарен буду против отечества, если, приобрев в нем сведение в еллинском языке и зная свой основательно, не воздам за его обо мне попечения. Между тем издал две небольшие книжки Плутарха: «О слушании» и «Добродетельные женщины в древности»¹⁴³.

Я не мог сносить равнодушно, что профессор С.-Петербургского университета Грефе вводит в Россию произношение некоторых греческих букв Эразмово, между тем как у нас издавна принято соответственное древнему и новому¹⁴⁴; и потому написал небольшое о сем рассуждение, которое напечатано в 1818 году на счет департамента народного просвещения и разослано по училищам гражданским¹⁴⁵. Оно разослано и по училищам духовным.

В 1828 году эконом вселенского патриаршеского престола и проповедник Константинопольский пресвитер Константин Экономид предпринял издать книгу свою, в трех частях, на греческом языке с русским переводом «Опыт о ближайшем сродстве языка славяно-российского с греческим»¹⁴⁶. Он просил меня, чтобы я имел надзор за изданием сей книги и за исправлением русского перевода, как то он сам говорит в предисловии к 1-й части сего сочинения, стр. CLXXV. Издание сие подало мне повод сделать из него краткое извлечение, под именем «Наставление об истинном произношении некоторых греческих букв»¹⁴⁷. Я все хлопотал, не успею ли, чтобы начальство убедилось к введению правильного произношения, но тщетно.

В 1832 году в совете о военно-учебных заведениях возникло недоумение, Гречеву ли «Грамматику» ввести в сии заведения, в коих она уже и преподавалась, или Востокову, принятую министерством просвещения¹⁴⁸. Это заставило меня сделать им свод, дабы всякий мог видеть, что у кого лучше предложено, что надобно исправить, что излишне и чего недостает¹⁴⁹. По напечатании сей рукописи, я имел счастье, чрез его императорское высочество главного начальника Пажеского, всех сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка¹⁵⁰, поднести печатный экземпляр оной государю императору, с представлением экземпляра и его высочеству. Его величество, приняв книгу с благосклонностью, всемиловитейше пожаловать мне соизволил брильянтовый перстень по чину (в 2000 р.); а его высочество предложить изволил совету рассмотреть, может ли сия книга с пользою быть употребляема при преподавании русского языка в военно-учебных заведениях. Совет предложил главному директору Пажеского и сухопутных кадетских корпусов составить для сего комитет из инспекторов и учителей, который бы и представил о том свое мнение. Комитет дал мнение утвердительное, по представ-

лении коего великому князю, его высочество предписал совету ввести книгу мою в военно-учебные заведения. Министр же народного просвещения по записке, при коей препроводил я к нему экземпляр оной, никакого распоряжения не сделал, а сделали попечители, т.е. предписали начальникам подведомых им училищ приобрести для них потребное число экземпляров.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Поселок, располагавшийся недалеко от впадения в Днепр реки Ворсклы; в 1964 г. при создании Днепро-дзержинского водохранилища был затоплен.

² *Никифор (Феотоки, 1731–1800)* – церковный деятель, богослов и ученый. Образование получил в греческой гимназии в Патавии и Болонской академии (Италия). По приглашению своего соотечественника Евгения Булгара (см. сноску 3) в 1776 г. прибыл в Россию. В 1779–1786 гг. – архиепископ Славянский и Херсонский, в 1786–1792 гг. – Астраханский и Ставропольский; в 1792–1800 гг. – настоятель Данилова монастыря в Москве. Автор учебников по физике и математике, богословских трудов.

³ *Евгений (Булгар, или Вулгарис, 1715–1806)* – церковный деятель, богослов, философ, ученый. Родился на о. Корфу в семье болгарского происхождения. Принял монашество. В Падуанском университете изучал иностранные языки, математику, в зрелом возрасте посещал Лейпцигский университет. Проповедовал в Венеции, преподавал в разных городах, в том числе в Константинополе. Его сочинения по основам веры, логике, математике служили учебниками в греческих училищах. В 1767 г. – референдарий вселенского апостольского престола. Своими научными трудами привлек внимание Екатерины II, поручившей ему перевести с французского на новогреческий «Наказ комиссии о сочинении проекта нового уложения». Приняв российское подданство, на протяжении четырех лет был личным библиотекарем Екатерины. В 1775–1779 гг. – архиепископ Славянский и Херсонский. Уйдя на покой, продолжал писать труды по богословию, педагогике, истории и философии.

⁴ *Иоаким Яновский* (в монашестве – Иероним; 1736–1814). В 1796 г. окончил Киевскую духовную академию и рукоположен во иерея. С 1778 г. – протоиерей. В 1779–1786 гг. – ректор Полтавской семинарии. В 1786 г. принял монашество. С 1792 г. – начальник Киево-Печерской типографии, с 1795 г. – наместник Киево-Печерской лавры. В 1799 г. – архимандрит киевского Златоверхо-Михайловского монастыря, с 1800 г. – Спасо-Преображенского монастыря в Новгороде-Северском.

⁵ 1-й класс семинарии назывался *фара* (или *аналогия*), где учились склонять и спрягать по-латыни и по-русски и писать под диктовку.

⁶ *Гавриил (Бэнулеску-Бодони, 1746–1821)* – церковный деятель, ученый. Обучался в Киевской академии и духовных школах Молдавии и Греции. Принял монаше-

ство; в 1781 году был рукоположен во диакона, затем во иерея; служил в Ясской митрополии. В 1782–1784 гг. был инспектором и преподавателем философии в Славянской духовной семинарии. С 1784 г. – архимандрит, в 1788–1789 гг. – ректор Екатеринославской духовной семинарии. В 1791–1793 гг. – епископ Болоградский, викарий Молдо-Влахийской епархии. В 1793–1799 гг. возглавлял Екатеринославскую, в 1799–1803 гг. – Киевскую кафедру. В 1808–1813 гг. – экзарх Молдавии, Валахии и Бессарабии. В 1813–1821 гг. – митрополит Кишиневский и Хотинский. В 2016 г. канонизирован как местночтимый святой Молдавской митрополии.

⁷ *Фридрих Христиан Баумейстер* (Baumeister; 1709–1785) – немецкий философ школы Лейбница и Вольфа, автор ряда учебников по логике, философии и физике на латинском языке.

⁸ *Йозеф Якоб Пленк* (Plenck; 1735–1807) – австрийский ученый-медик, преподаватель.

⁹ Никаких дополнительных сведений об этой личности обнаружить не удалось.

¹⁰ *Гавриил Петрович Попов* (1773 – ок. 1820) – медик, врач-акушер, доктор медицины, профессор Московской медико-хирургической академии.

¹¹ *Семен Федорович Гаевский* (1778–1862) – врач, почетный лейб-медик, гражданский генерал-штаб-доктор.

¹² *Амеросий* (Серебренников, 1754–1792) – церковный деятель, переводчик. Обучался в Вятской семинарии и Славяно-греко-латинской академии. Преподавал в Вятской и Троицкой лаврской семинариях и Славяно-греко-латинской академии; в 1782–1783 гг. – архимандрит новгородского Антониева монастыря и ректор Новгородской семинарии. В 1783–1786 гг. – епископ Олонецкий и Каргопольский. В 1786–1792 гг. – архиепископ Екатеринославский и Херсоно-Таврический. Член Императорской академии наук (за участие в составлении этимологического словаря).

¹³ *Дмитрий Степанович Стефановский* (ум. 1811) – с 1795 г. – протоиерей Полтавской Сретенской церкви; был также благочинным и членом Полтавского духовного правления.

¹⁴ *Иван Петрович Котляревский* (1769–1838) – украинский поэт, переводчик и драматург; автор «Энеиды» (1791) – первой поэмы, написанной на украинском языке. В 1780–1789 гг. учился в Екатеринославской духовной семинарии.

¹⁵ *Демьян Васильевич Илличевский* (?–1837) – государственный деятель. Учился в Александро-Невской се-

минарии и Киевской духовной академии. Некоторое время преподавал в Полтавской семинарии. В 1812–1822 гг. – губернатор Томской губернии. Отец Алексея Илличевского, товарища А.С. Пушкина по Царскосельскому лицей.

¹⁶ «Филон» представлял собой беллетризованное изложение этого путешествия, написанное в духе «Сентиментального путешествия» Л. Стерна; Мартынов вывел себя в нем под именем Филона. (См.: Муза: ежемесячное издание на 1796 г. – СПб. Ч. I. С. 74–88; Ч. II. С. 52–72; Ч. III. С. 57–77; Ч. IV. С. 144–171). «Муза» – ежемесячное издание, выпускавшееся Мартыновым в 1796 г. в Петербурге. Вышли четыре части. В журнале публиковались сочинения Н.М. Карамзина, А.А. Шаховского, Г.Р. Державина, В.А. Жуковского, И.И. Дмитриева и др.

¹⁷ По-видимому, неточность мемуариста. *Мефодий* (Смирнов, 1761–1815), будущий архиепископ Тверской и Кашинский (1803–1814), в описываемое время был архимандритом не Крестовоздвиженского монастыря (в Москве, в Белом городе, на ул. Воздвиженке; упразднен в 1814 г.), а Заиконоспасского. В нем, скорее всего, и остановились Мартынов и его товарищи, поскольку там располагалась Славяно-греко-латинская академия, ректором которой был архимандрит Мефодий.

¹⁸ *Платон* (Левшин, 1737–1812) – придворный проповедник, член Святейшего синода, митрополит Московский и Коломенский (1775–1811).

¹⁹ *Николай Николаевич Бантыш-Каменский* (1737–1814) – историк, археограф и издатель.

²⁰ Анонимный трактат I в. н.э., приписываемый знаменитому ритору III в. н.э. Дионисию Кассию Лонгину, в эпоху классицизма считался, наряду с «Поэтикой» Аристотеля, одним из образцовых античных сочинений по теории поэзии. См.: Дионисий Лонгин. О высоком или величественном. Перевод с Греческого [Ивана Мартынова], с примечаниями переводчика. СПб., в Императорской типографии, 1803. Второе издание: СПб.: В тип. Иос. Иоаннесова, 1826.

²¹ *Гавриил Смирнов* (годы жизни неизвестны) – переводчик, преподаватель Московской духовной семинарии. *Луи-Антуан Караччиоли*, или *Каракчиоли* (Caraccioli; 1719–1803) – французский литератор, писавший на моральные темы. Г. Смирнов подготовил и выпустил перевод его сочинения «Глас разума, творение г-на Каракчиоли, с французского» (М., 1786).

²² *Иван Афанасьевич Дмитриевский* (1734–1821) – актер, педагог, драматург.

²³ *Ириней* (Клементьевский, 1753–1818) – церковный деятель. Обучался во Владимирской духовной семинарии и Московской духовной академии. В 1784 г. возведен в сан архимандрита Ростовского Борисоглебского монастыря и назначен ректором Ярославской духовной семинарии. С 1788 года – член Святейшего Синода, архимандрит Новгородского Юрьева монастыря. В 1792–1798 гг. возглавлял Тверскую епархию, в 1798–1814 гг. – Псковскую епархию. Член Российской Академии наук, занимался литературной деятельностью, переводил отцов Церкви.

²⁴ *Иннокентий* (Дубравицкий, ок. 1769 – 1800) – церковный деятель. Обучался в Новгородской семинарии. В 1788–1795 гг. – ректор Александровской семинарии. В те же годы был архимандритом (последовательно) новгородского Вяжицкого, Антоньева и Иверского монастырей.

²⁵ *Гавриил* (Петров-Шапошников, 1730–1801) – церковный деятель. Обучался в Славяно-греко-латинской академии. В 1759 г. принял монашеский постриг; в 1760 г. произведен в архимандриты. В 1760–1763 гг. – ректор Московской духовной академии. В 1763–1770 гг. – епископ Тверской. В 1770–1775 гг. – архиепископ Санкт-Петербургский и Ревельский. В 1775–1799 гг. – архиепископ Новгородский и Санкт-Петербургский (с 1775 г. – митрополит). Член Императорской Академии наук и художеств, участвовал в составлении Словаря Академии Российской.

²⁶ *Петр Андреевич Словоц* (1767–1843) – историк Сибири и поэт. В 1792 г. был назначен в Тобольскую семинарию преподавателем философии и риторики. После чтения проповеди на бракосочетание наследника 10 ноября 1793 г. в кафедральном Софийско-Успенском соборе Тобольска был арестован и отправлен на следствие в Петербург, а затем на исправление в Валаамский монастырь. В 1795 г. возвращен в Петербург и назначен преподавателем риторики. С 1797 г. – на светской службе в Санкт-Петербурге. В 1808 г. арестован по ложному доносу и выслан в Сибирь. В 1815–1820 гг. – директор гимназии и училищ Иркутска. В 1821–1829 гг. – визитатор (инспектор) сибирских училищ. Последние годы жизни провел в Тобольске, получая пенсию, назначенную при содействии М. Сперанского.

²⁷ *Николай Ильич Анненский* (1773–1845) – государственный служащий, переводчик, писатель. Дед поэта Иннокентия Анненского.

²⁸ *Августин* (Сахаров, 1768–1841) – церковный деятель, писатель. В 1806–1819 гг. – епископ Оренбургский и Уфимский. Составитель «Систематического сборника русских церковных законов и постановлений», автор многочисленных исторических и богословских трудов.

²⁹ *Иона* (Павинский; 1773–1828) – церковный деятель. В 1813 г. был пострижен в монашество; архимандрит Ново-Иерусалимского монастыря. В 1817–1821 гг. – епископ Орловский и Севский; в 1821–1826 гг. – архиепископ Тверской и Кашинский; в 1826–1828 гг. – архиепископ Казанский.

³⁰ *Феофилакт* (Русанов, 1765–1821) – церковный деятель, писатель. В 1809–1817 гг. – архиепископ Рязанский и Зарайский. В 1817–1821 гг. – экзарх Грузии.

³¹ *Николай* (Киждобрянский), архимандрит, родом из «австрийской Сербии». Получил образование в европейских университетах, служил в Молдавии. В 1781 г. принял русское подданство, преподавал в Новгородской семинарии (в 1788–1791 гг. был ее ректором). Одновременно в 1782–1791 гг. периодически преподавал в Санкт-Петербургской семинарии.

³² Личность установить не удалось. *Префект* – в Синодальный период – инспектор духовных семинарий в России.

³³ *Иван (Иоанн) Никитич Голубев* – в 1808–1810 гг. – протоиерей Владимирского собора Санкт-Петербурга.

³⁴ *Иван (Иоанн) Семенович Державин* (1756–1826) – протоиерей, член Святейшего синода; в 1807–1826 гг. – обер-священник русской армии и флота. Член Вольного экономического общества. В описываемое время (1790–1798 гг.) – священник Вознесенской церкви Санкт-Петербурга и законоучитель в Маринском и родильном институтах и в немецком Петропавловском училище.

³⁵ *Антоний* (Знаменский, 1765–1824) – церковный деятель. Обучался в Новгородской и Александро-Невской семинариях, в 1788–1792 гг. преподавал в последней. В 1792 г. пострижен в монахи, рукоположен во иеромонахи. В 1794–1799 гг. – архимандрит новгородского Вяжицкого, затем валдайского Иверского монастырей. В 1795–1799 гг. – ректор Санкт-Петербургской главной семинарии (переименованной при нем в академию). В 1799–1802 гг. – епископ Старорусский, викарий Новгородской епархии. В 1802–1803 гг. – епископ Вологодский, в 1803–1806 гг. – архиепископ Тобольский, в 1806–1820 гг. – архиепископ Ростовский.

³⁶ *Алексей Кононович Кононов* (1766–1795) – физик, академик Императорской академии наук.

³⁷ Дополнительных сведений об этой личности обнаружить не удалось.

³⁸ Дополнительных сведений об этой личности обнаружить не удалось.

³⁹ Архиепископ Евгений Булгар – см. сноску 3.

⁴⁰ *Семен (Симеон) Кириллович Котельников* (1723–1806) – физик, математик, историк, академик Академии наук (с 1797 – почетный член).

⁴¹ *Никита Петрович Соколов* (1748–1795) – химик, медик, ординарный академик химии.

⁴² *Николай Яковлевич Озерецковский* (1750–1827) – естествоиспытатель, филолог, просветитель, путешественник. Академик Академии наук и Российской академии.

⁴³ «Дворовый участок между 2-й и 3-й линиями у Малою проспекта Васильевского острова в течение всего XVIII в. назывался, по имени своего первого владельца, генерала Германа Иоганна фон-Бона (J. Von Bohn), “Боновым домом”, хотя уже с 1735 г. он перешел к приемному сыну генерала Карлу фон Бреверну (K. von Brevern), будущему президенту Академии наук. На “Боновом дворе” находился большой деревянный, рубленый, на каменных погребках, жилой дом, который выходил фасадом на 2-ю линию и в переулок. <...> С 1732 г. Академия наук арендовала “Бонов двор” под жилье для своих служащих и под ботанический огород. <...> В 1793 г. ... участок, выходящий на 2-ю линию, включавший “Бонов дом” и химическую лабораторию, купил академик Н.Я. Озерецковский <...>. В дальнейшем этот участок находился во владении разных лиц. Во время II Мировой войны ветхий деревянный “Бонов дом” и здание, перестроенное из бывшей химической лаборатории, были разрушены» (*Басаргина Е.Ю.* «Бонов дом» (по документам СПФ АРАН) (URL: <http://ranar.spb.ru/rus/books6/id/584/>)).

⁴⁴ Как такового Медицинского института в описываемое

время в Петербурге еще не было; скорее всего, имеется в виду Главное врачебное училище, открытое в 1786 г. при Военно-сухопутном госпитале, располагавшемся на Выборгской стороне (Большой Сампсониевский проспект).

⁴⁵ *Василий Владимирович Петров* (1761–1834) – русский физик-экспериментатор, электротехник-самоучка, академик Петербургской академии наук (с 1809 года, член-корреспондент с 1801 года). Основатель русской электротехники.

⁴⁶ Идентифицировать это учебное заведение не удалось; возможно, имеется в виду Высшее училище, находившееся на Казанской улице. Однако в описываемое время его еще не существовало (губернская гимназия была открыта на Казанской улице в 1805 г., а в училище была переименована в 1822-м). Возможно, какое-то учебное заведение находилось на Казанской улице и в начале 1790-х, но упоминаний о нем обнаружить не удалось.

⁴⁷ Никаких дополнительных сведений об этой личности обнаружить не удалось.

⁴⁸ *Мартин (Мартын) Матвеевич Тереховский* (1740–1796) – врач и натуралист, писатель. Первый в России протистолог (специалист по одноклеточным организмам). Профессор химии, ботаники и анатомии Петербургского генерального госпиталя и ботанического сада.

⁴⁹ *Франсуа Турреттини* (также *Франсис Турреттин*; 1623–1687) – кальвинистский богослов.

⁵⁰ *Феофан Прокопович* (1681–1736) – государственный и церковный деятель, богослов, писатель, сподвижник Петра I. Находился под сильным влиянием протестантского богословия.

⁵¹ *Алексей Семенович Яковлев* (1773–1817) – актер, поэт.

⁵² *Анастасий* (Братановский-Романенко; 1761–1806) – церковный деятель, духовный писатель. Обучался в Переяславской, Севской, Вологодской и Кирилло-Белозерской семинариях. В 1790 г. принял монашество; в 1790–1792 гг. – учитель красноречия в Александро-Невской семинарии. С 1792 г. исполнял обязанности катехизатора, а затем законоучителя кадетского шляхетского корпуса. В 1793 г. назначен придворным проповедником. В 1792–1803 гг. – епископ Могилевский и Белорусский; в 1803–1805 гг. – архиепископ Могилевский и Витебский; в 1805–1806 гг. – архиепископ Астраханский и Моздокский. Член Российской академии.

⁵³ *Антоний* (Катифорос, или Катиборо; 1685–1763) – греческий церковный деятель, писатель и просветитель. Обучался в Греческой коллегии св. Афанасия в Риме. Архимандрит, клирик греческо-православной общины в Венеции. В 1716–1720 гг. преподавал в Греческой коллегии Флангиниса в Венеции. Автор «Жития Петра Великого, императора и самодержца Всероссийского» (на итал. яз., 1736); Мартынов упоминает его «Точнейшую греческую грамматику» (на греч. яз., 1734).

⁵⁴ *Петр Иванович Богданович* (кон. 1740-х или нач. 1750-х гг. – 1803) – издатель, переводчик, писатель.

- ⁵⁵ *Карл Вильгельм Миллер* – переплетчик и книгопродавец, издатель «Санкт-Петербургских ученых ведомостей».
- ⁵⁶ Сочинения *Вольтера* (Voltaire, 1694–1778) «Опыт об эпической поэзии» (Essai sur la poésie épique, 1728) и «Письма об английской нации» (Lettres sur les Anglais, 1733).
- ⁵⁷ Сочинение «Разговоры мертвых» (Dialogues of the Dead, 1760) английского писателя *Джорджа Литтлтона* (Lytelton, 1709–1773).
- ⁵⁸ *Алексей Иванович Мусин-Пушкин* (1744–1817) – граф (с 1798 г.), государственный деятель, археограф, историк, собиратель рукописей и русских древностей. Член Российской академии, третий президент Академии художеств, обер-прокурор Святейшего Синода.
- ⁵⁹ Никаких дополнительных сведений об этой личности обнаружить не удалось.
- ⁶⁰ *Иоанн Борисович Чудовский*, протоиерей, в 1791–1800 гг. служил в российской миссии в Дрездене, позже – в берлинской посольской церкви.
- ⁶¹ Никаких дополнительных сведений об этой личности обнаружить не удалось.
- ⁶² *Владимир* (Ужинский; 1777–1855) – церковный деятель. Обучался в Новгородской и Александро-Невской семинариях. В 1801 г. пострижен в монашество; рукоположен во иеромонаха. В 1809–1811 гг. – ректор новгородских духовных училищ; в 1812–1816 гг. – ректор Новгородской семинарии. В 1819–1822 гг. – епископ Ревельский, викарий С.-Петербургской епархии. В 1822–1831 гг. – епископ Курский и Белгородский; в 1831–1836 гг. – Черниговский и Нежинский; в 1836–1848 гг. – архиепископ Казанский и Свяяжский.
- ⁶³ *Григорий Иванович Мансветов* (1777–1832) – богослов, духовный писатель. Обучался в Тобольской семинарии и Санкт-Петербургской Александро-Невской Академии. Обер-священник русской армии и флота (1827–1832), Член Императорской Российской Академии, придворный протоиерей. «Назидательная книга в нескольких частях», упоминаемая Мартыновым, – «Училище благочестия, или Примеры христианских добродетелей, выбранные из житий святых» (1813–1818) – сборник литературно обработанных Мансветовым житий в 6 частях, выдержавший более 15 изданий.
- ⁶⁴ *Яков Иванович Воскресенский* (в публикации ошибочно – Вознесенский; ум. в 1836 г.) – духовный писатель. Обучался в Александро-Невской академии; в 1806 г. определен законоучителем в Екатерининский институт; в 1812 г. назначен благочинным над законоучителями. Служил протоиереем в Скорбященской церкви, затем в Исаакиевском соборе. Был автором нескольких книг: «Нравоучение для воспитанниц общества благородных девиц и института ордена св. Екатерины» (4 ч., СПб., 1813); «Краткое толкование на литургию» (СПб., 1815); «О церкви, утварях, службах и облачениях церковных с изъяснением таинственного знаменования оных» (2 ч., СПб., 1821). Какую именно имеет в виду Мартынов, сказать сложно.
- ⁶⁵ Дополнительных сведений об этой личности обнаружить не удалось.
- ⁶⁶ Сочинение древнегреческого философа и государственного деятеля *Деметрия Фалерского* (350–283 гг. до Р.Х.) «О риторике».
- ⁶⁷ «Санкт-Петербургский Меркурий» – ежемесячный журнал, издававшийся литераторами *Иваном Андреевичем Крыловым* (1769–1844) и *Александром Ивановичем Клушиным* (1763–1804) с февраля 1793 г. по апрель 1794 г.
- ⁶⁸ В этом стихотворении был впервые употреблен созданный Мартыновым неологизм «небосклон» («Под ясным небосклоном...»), который быстро вошел в поэтический словарь, а затем и повседневную речь.
- ⁶⁹ Опыт о человеческой жизни г. Попе. Перевел М<артынов> // С.-Петербургский Меркурий, 1793, ч. III, август, с. 151–176; сентябрь, с. 177–190. Перевод с французского перевода «Essai sur la vie humaine», включавшегося в некоторые французские издания сочинений *Александра Поупа* (Pope; 1688–1744), *Томаса Кейтсби Пэджета* (Paget; 1689–1742), которому ошибочно приписывалась эта поэма, являющаяся подражанием поуповскому «Опыту о человеке».
- ⁷⁰ *Юст Фридрих Вильгельм Цахариэ* (Zachariä; 1726–1777) – немецкий поэт, переводчик, издатель и композитор. Известны два русских перевода его прозаической поэмы «Четыре части дня» (1755): выполненный с немецкого Б. Бланком (1805) и с французского – А. Лукницким (1806); издание перевода Мартынова обнаружить не удалось.
- ⁷¹ *Василий Алексеевич Плавильщиков* (1768–1823) – издатель, библиотекарь и книготорговец.
- ⁷² *Петр Васильевич Завадовский* (1739–1812) – граф (с 1797 г.), государственный деятель, кабинет-секретарь. Управляющий Санкт-Петербургским Дворянским Земным банком (1781–1797), первый министр народного просвещения (1802–1810).
- ⁷³ *Иван Андреевич Остерман* (1725–1811) – граф, дипломат; вице-канцлер (с 1775 г.), канцлер Российской империи (1796–1797).
- ⁷⁴ Современный адрес: Санкт-Петербург, проспект Стачек, 158.
- ⁷⁵ *Николай Игнатъевич Калинин* (1763–1829) – тайный советник, сенатор.
- ⁷⁶ *Иван Андреевич Вейдемейер* (1752–1820) – тайный советник, управляющий Коллегией иностранных дел.
- ⁷⁷ Дом сохранился в перестроенном виде. Современный адрес: ул. Конюшенная, 7.
- ⁷⁸ *Мундкох* (нем.) – придворный служитель, заведующий кухней.
- ⁷⁹ *Григорий Мансветов* (в публикации ошибочно «Манвешов») (см. сноску 63).
- ⁸⁰ *Франц Иванович Гебель* (1746–1823) – камер-фурьер императрицы Марии Феодоровны при воспитании великих князей, затем воспитатель в Шляхетном Кадетском Корпусе.
- ⁸¹ *Иван Федорович Паскевич-Эриванский* (1782–1856) – полководец, государственный деятель и дипломат. Как и Мартынов, был родом из Полтавы. В 1793 г.

дед Паскевича, Григорий Иванович, живший в Петербурге, привез его туда вместе с братом Иваном и поместил в Пажеский корпус. «Случайно дедушке повезло: нашелся учитель, каких тогда, как и теперь, было очень мало. Иван Иванович Мартынов, в то время чиновник коллегии иностранных дел, а затем переводчик греческих классиков, академик и профессор, своим знанием иностранных языков и русской литературы и глубоким научным образованием стяжал в начале текущего столетия почетную известность. Ему-то и поручил Григорий Иванович своих внуков. <...> Обаятельная эта личность оставила глубокий след в жизни фельдмаршала. Мартынову обязан был князь Иван Федорович прочным научным образованием, привычкой к труду и, вероятно, он же развил природную способность князя верно оценивать людей и поощрять даровитое трудолюбие» (Генерал-фельдмаршал князь Паскевич: Его жизнь и деятельность / По неизданным источникам составил Генеральный штаба генерал-майор князь Щербатов. Т. 1. СПб.: Типография, литография Р. Голике, 1888. С. 7–8). Уже находясь на вершине власти, граф не забывал своего педагога, переписывался с ним, а после смерти Мартынова, по ходатайству графа, его вдова получила пожизненную пенсию в 5000 рублей и единовременное пособие для уплаты долгов покойного мужа (Там же, с. 9).

⁸² *Василий Акимович Русанов* (1779–1861) – генерал-майор, участник Наполеоновских войн.

⁸³ Дополнительных сведений об этой личности обнаружить не удалось.

⁸⁴ См. сноску 15.

⁸⁵ *Александра Павловна* (1783–1801) – великая княжна, дочь императора Павла I и его супруги Марии Федоровны; супруга Иосифа, эрцгерцога австрийского; умерла от родов. Переводы с французского (источник не указан): «Бодрость и благодеяние одного крестьянина» (№ 3. С. 24–25), без подписи; «Долг человечества» (№ 7. С. 187–188), подписанный криптонимом «А.».

⁸⁶ *Мария Федоровна* (1759–1828) – императрица, супруга императора Павла I, мать императоров Александра I и Николая I. О покровительстве Марии Федоровны Мартынов вспоминал в другом своем сочинении – «Поездка в Царское Село и в Павловск 27 июня 1829 года»: «Государыня Мария Федоровна изволила представлять меня государю Павлу Петровичу, когда Его Величество удостоил присутствия своего мое преподавание воспитанникам в Екатерининском институте. Граф П.В. Завадовский, в бытность мою директором департамента просвещения, не один раз сказывал мне: “Вчера за столом у государя императора, или в другое время, государыня Мария Федоровна говорила об вас”, и тому подобное» (*Мартынов И.И.* Поездка в Царское Село и в Павловск 27 июня 1829 года // Памятники новой русской истории. Сб. исторических статей и материалов, издаваемых В. Кашпирёвым. – Т. II. II отдел. – СПб.: В. Кашпирёв, 1872. – С. 177). *Воспитательное общество благородных девиц* – первое в России женское учебное заведение и первое в Европе государственное учебное заведение для обучения

девушек; создано по указу Екатерины II в 1764 г.; с 1796 г. – под патронажем Марии Федоровны.

⁸⁷ В своих воспоминаниях литературный критик и историк литературы А.Н. Никитенко (1804–1877), в целом не расположенный к Мартынову, приводит отзыв одной из учениц Мартынова по институту как об «общем любимце» («Повесть о самом себе». Посмертные записки профессора Александра Васильевича Никитенко // «Русская Старина», 1888. Т. LX, ноябрь. С. 291).

⁸⁸ *Павел Александрович Строганов* (1774–1817) – граф, генерал-лейтенант; член Негласного комитета (круга советников Александра I в начале его правления).

⁸⁹ *Николай Николаевич Новосильцев* (или Новосильцов; 1761–1838) – граф (с 1833 г.), государственный деятель. Член Негласного комитета, президент Императорской Академии наук (1803–1810), председатель Комитета министров (1832–1838), председатель Государственного совета (1834–1838).

⁹⁰ *Джеймс Денем-Стюарт* (Denham-Steuart) (1712–1780) – британский экономист. Имеется в виду его главный труд «Исследования о принципах политической экономии» (An Inquiry into the Principles of Political Economy, 1767).

⁹¹ «Санкт-Петербургский вестник» – ежемесячный журнал, выходивший в течение трех с половиной лет, с января 1778 по июнь 1781 гг. Издателем журнала был Г.Л. Брайко. В «Вестнике» печатались Г.Р. Державин, В.В. Капнист, Я.Б. Княжнин, И.И. Хемницер и др.

⁹² *Николя де Кондорсе* (Condorcet, 1743–1794) – философ, математик, политический деятель. «Библиотека общественного человека» (полное название этого издания: «Библиотека общественного человека, или систематический анализ важнейших сочинений, французских и иностранных, о политике вообще: законодательстве, финансах, полиции, сельском хозяйстве и торговле в частности, а также о естественном и публичном праве») – многотомное издание, выходившее в Париже в 1790–1792 гг., одним из редакторов которого был Кондорсе.

⁹³ *Пьетро Верри* (Verri; 1728–1797) – граф, итальянский просветитель, философ, экономист, юрист; был связан с французскими энциклопедистами. «Размышления о политической экономии», (Meditazioni sulla economia politica, 1771; в переводе Мартынова: «Рассуждение о государственном хозяйстве») – главный труд Верри, в свое время широко известный.

⁹⁴ *Анакреонт, или Анакреон* (570/559–485/478 до н.э.) – древнегреческий лирический поэт. См.: Анакреоновы стихотворения, с присовокуплением краткого описания его жизни. Перевел Ив. Мартынов. СПб.: В Императорской тип., 1801. Второе издание: Стихотворения Анакреонта Теосского, переведенные с греческого языка Ив. Мартыновым. СПб.: Типография Императ. Рос. Академии, 1829.

⁹⁵ См. сноску 20.

⁹⁶ «Атала, или Любовь двух дикарей в пустыне» (Atala, ou les Amours de deux sauvages dans le désert, 1801) – повесть (у Мартынова ошибочно «поэма») французского писателя и политического деятеля *Франсуа Рене*

de Шатобриана (de Chateaubriand; 1768–1848). См.: Атала, или Любовь двух диких в пустыне, сочинение Франциска Августа Шатобриона (так! – Е.А.). Перевод с французского Н.Р. М.: В Унив. тип., 1801.

⁹⁷ Сочинения Жан-Жака Руссо «Прогулки одинокого мечтателя» (*Les Rêveries du promeneur solitaire*, 1782) и «Дух, или Избранные мысли Жан-Жака-Руссо» (*Les pensées de J.J. Rousseau, citoyen de Geneve*, 1766), представляющие собой извлечения из различных его сочинений, а также приписанные ему мысли. См.: Философские уединенные прогулки Жан Жака Руссо, или Последняя его исповедь, писанная им самим. С приложением писем Руссо к Мальзербу, в которых изображен истинный характер и подлинные причины поступков данного женеvского философа. Перевод с французского Ивана Мартынова: [в 2 ч.]. СПб.: В Императорской тип., 1801; Дух, или Избранные мысли Ж.-Ж. Руссо. Перевел с французского Иван Мартынов. СПб.: В Императорской тип., 1801.

⁹⁸ «Письма об Италии» (*Lettres sur l'Italie*, 1788) – сочинение французского юриста и писателя *Жана-Батиста Мерсье Дюпати* (*Dupaty*; 1744–1788). См.: Путешествие г. Дю Пати в Италию в письмах. Перев. с франц. Иван Мартынов. 2 части. СПб., 1801.

⁹⁹ «Приданое Сюзетты» (*La Dot de Suzette*, 1798) – роман французского публициста и писателя *Жозефа Фьеве* (*Fiévée*; 1767–1839). См.: Приданое Сюзетты, или Записки госпожи де Сеннетер. СПб., 1801.

¹⁰⁰ «Сен-Жульен» (*Saint Julien*, 1798) – роман плодотворного немецкого писателя Августа Генриха Юлия Лафонтена (*Lafontaine*, 1758–1831). См.: Сен-Жульен, или Записки некоторого отца семейства, А. Лафонтена. В 2 ч. М.: В Универ. тип., 1802.

¹⁰¹ См.: Философическая и политическая переписка императрицы Екатерины II с г. Волтером с 1763 по 1778 год. СПб., 1802.

¹⁰² Имеется в виду книга немецкого экономиста и минералогa *Иоганна Генриха Готлиба фон Юсти* (*von Justi*; 1717–1771) «Государственная экономика, или Систематический трактат по всем экономическим и административным наукам» (*Staatswirtschaft oder systematische Abhandlung aller ökonomischen und Cameralwissenschaft*, 1755), изданный в 1772 году в переводе Ивана Богаевского (Основание силы и благосостояния царств, или Подробное начертание всех знаний, касающихся до государственного благочиния / Соч. И.Г.Г. Юстий; С нем. на российский язык пер. Иван Богаевский. – СПб.: Б. и., 1772).

¹⁰³ *Михаил Никитич Муравьев* (1757–1807) – государственный деятель, литератор. В 1802–1807 гг. – товарищ министра народного просвещения. Академик Российской академии (1804).

¹⁰⁴ Дополнительных сведений об этой личности обнаружить не удалось.

¹⁰⁵ Дополнительных сведений об этой личности обнаружить не удалось.

¹⁰⁶ «*Russland unter Alexander dem Ersten*» («Россия при Александре Первом») – журнал, издававшийся в Санкт-Петербурге и Лейпциге в 1804–1809 гг. экономистом, статистиком и историком, академиком (с

1804 г.) *Андреем Карловичем Шторхом* (1766–1835); всего вышло девять книг. Мартынов имеет в виду следующее сообщение: «Господин гофрат Мартынов, редактор “Северного альманаха”, <...> читает публичные лекции на русском языке по эстетике для Педагогического института, однако их может посетить каждый, у кого есть билет от директора данного учреждения. Помимо учащихся, их посещают многие военные и гражданские чины, так что аудитория стала слишком мала. Говорят, что список слушателей был передан императору как доказательство того, с какой радостью публика пользуется такими возможностями для образования и обучения. Лекция проходит один раз в неделю и длится два часа. Первый час посвящен теории, а второй – объяснению классиков» (перевод мой. – Е.А.).

¹⁰⁷ В этом журнале, отражавшем либеральный курс первых лет правления Александра I, печатались произведения К.Н. Батюшкова, Н.И. Гнедича, С.Н. Глинки, а также статьи самого Мартынова по литературе и эстетике. В 1806 г. журнал был переименован в «Лицей», который просуществовал в течение одного года.

¹⁰⁸ Проект светлейшего князя Платона Александровича Зубова (1767–1822) об устройстве в губерниях военных корпусов для подготовки в них детей дворян, посредством начального общего образования, к поступлению в столичные кадетские корпуса, а также в университеты.

¹⁰⁹ Императорский орден Святой Анны был учрежден в 1735 г. как династическая награда герцогства Гольштейн-Готторпского; в 1797 г. введен указом императора Павла I в наградную систему Российской империи для отличия духовных лиц, военных, гражданских и придворных чинов, а также иностранцев. Имел четыре степени; ордена 1-й и 2-й степеней украшались бриллиантами или алмазами.

¹¹⁰ *Георг Фридрих (Егор Иванович) Паррот* (*von Parrot*; 1767–1852) – физик-изобретатель, организатор восстановления и первый ректор Императорского Дерптского (ныне – Тартуского) университета. *Григорий Андреевич Глинка* (1776–1818) – филолог, поэт, прозаик, переводчик; в 1803–1810 гг. – профессор русского языка и русской словесности в Дерптском университете.

¹¹¹ *Павел Григорьевич Демидов* (1738–1821) – натуралист, меценат, основатель Ярославского училища высших наук.

¹¹² *Николай Иванович Фусс* (1755–1826) – русский математик швейцарского происхождения, академик Санкт-Петербургской Академии наук (с 1753 г.). В 1803–1825 гг. – член Главного правления училищ.

¹¹³ Первый устав о цензуре в Российской империи, утвержденный Александром 9 (21) июля 1804 г. В соответствии с ним все издания должны были проходить цензуру в специально создававшихся цензурных комитетах при существовавших тогда университетах. Устав отражал либеральный характер начала правления Александра I; в частности, цензорам вменялось в обязанность трактовать в пользу сочинителя те места в тексте, которые будут сочтены ими «двойными по смыслу».

¹¹⁴ *Воспитательный дом* в Санкт-Петербурге – учреждение для призрения незаконнорожденных детей, сирот и детей бедняков, учрежденное в 1770 г. (упразднен в 1918 г.)

¹¹⁵ *Григорий Иванович Вилламов* (1773–1842) – статс-секретарь по IV отделению собственной Его Императорского Величества канцелярии; член Государственного Совета.

¹¹⁶ Произведение в чин «со старшинством» с какой-либо даты означало, что производимый в этот чин служил в должности, соответствующей этому чину, с этой даты (например, в войсках – полковник в генеральской должности).

¹¹⁷ Здесь: в значении «группа лиц, объединенных профессиональными интересами».

¹¹⁸ «Словарь Академии Российской» (1783–1804) – первый толковый словарь русского языка в шести частях.

¹¹⁹ Императорский орден Святого равноапостольного князя Владимира был учрежден Екатериной II в 1782 г. к 20-летию своего царствования для награждения как военных чинов, так и гражданских служащих. Имел четыре степени; кавалеры ордена 3-й степени получали 150 руб. ежегодной пенсии.

¹²⁰ *Александр Иванович Тургенев* (1784–1845) – историк и литератор, близкий друг Н.М. Карамзина, В.А. Жуковского, П.А. Вяземского, брат декабриста Н.И. Тургенева. В описываемое время – директор департамента Главного управления духовных дел иностранных исповеданий (с 1810 г.); помощник статс-секретаря Государственного совета и член Совета Комиссии составления законов.

¹²¹ «Картина Петербурга, или письма о России, написанные в 1810, 1811 и 1812 годах Доктором Христианом Мюллером и переведенные с немецкого К. Леже, профессором риторики Майнцского лицея». Книга была издана в Майнце и Вене в 1814 году.

¹²² *Яков (Джеймс) Васильевич Виллье* (Wylie, 1768–1854) – баронет, военный врач шотландского происхождения, лейб-хирург российского императорского двора, организатор военно-медицинского дела в российской армии. В 1808–1838 гг. – президент Медико-хирургической академии.

¹²³ *Михаил Дмитриевич Костогоров* (1782–1834) – переводчик, секретарь президента Медико-хирургической академии.

¹²⁴ «Статский советник Мартынов, известный в истории русской литературы как филолог, руководит делами этого департамента; и то немного основательное, что там есть, прежде всего, является его заслугой; хотя, несомненно, что, обладая горячей волей и ясным сознанием, в этой обширной сфере можно было бы сделать гораздо больше» (С. 537, перевод мой. – Е.А.)

¹²⁵ Белл-Ланкастерская система (Система взаимного обучения) – форма учебной работы, состоявшая в обучении старшими и более знающими учениками учеников младшего возраста. Возникла в 1798 г. в Великобритании; ее разработчиками стали независимо друг от друга доктор Эндрю Белл и Джозеф Ланкастер.

Использовалась в России в ряде учебных заведений в 1818–1820 гг.

¹²⁶ Российское минералогическое общество было создано в январе 1817 г. и утверждено указом Александра I в июне того же года; действует по сей день, являясь старейшим минералогическим обществом в мире. *Лаврентий Иванович Панснер* (1777–1851) – российский минералог немецкого происхождения; ординарный профессор С.-Петербургского университета (1818–1822); вдохновитель создания Русского Минералогического Общества и первый его председатель (1817–1824). *Борис Иванович Фитингоф-Шель* (1767–1828) – ботаник, почетный член С.-Петербургской академии наук (с 1802 г.).

¹²⁷ *Петр Петрович Коновницын* (1764–1822) – граф (с 1819 г.), военачальник, генерал от инфантерии (1817), военный министр (1815–1819). *Петр Кириллович Эссен* (1772–1844) – граф, государственный и военный деятель, генерал от инфантерии; санкт-петербургский генерал-губернатор (1830–1842). *Оренбургское Неплюевское военное училище* было создано администрацией Оренбургской губернии для предоставления среднего образования дворянским детям и подготовки специалистов из коренных жителей края; названо в честь первого губернатора Оренбургской губернии *Ивана Ивановича Неплюева* (1693–1773).

¹²⁸ Речь идет о расследовании жалоб, поступавших на профессора французской, латинской и греческой словесности Казанского университета *Альфонса Жобара* (1792–1861) и ординарного профессора философии и политической экономии, декана отделения нравственно-политических наук, секретаря Совета того же университета *Михаила Архиповича Пальмина* (1784–1852).

¹²⁹ Орден Святого Станислава был учрежден в 1765 году как награда Речи Посполитой, Варшавского герцогства, Царства Польского; в 1831 г. был введен в наградную систему Российской империи, главным образом для отличия чиновников. Орден давал право на потомственное дворянство.

¹³⁰ Мартынов приобрел обширный участок с парком и оранжереями между 11-й и 12-й линиями Васильевского острова (участок современного дома № 30/56 по Малому проспекту).

¹³¹ Техно-ботанический словарь, на латинском и русском языках / Составленный Иваном Мартыновым. СПб.: В тип. Имп. Рос. Академии, 1820.

¹³² «Sinopsis plantarum» (полное название «Sinopsis plantarum, seu enchiridium botanicum» – «Список растений, или Ботанический справочник», 1805–1807) – вышедший в Париже двухтомный труд немецкого и голландского ботаника *Христиана Генриха (Кристиана Хендрика) Персона* (Persoon, 1761–1836). Был переиздан в Петербурге в типографии Академии наук в пяти томах под названием «Species Plantarum seu enchiridium botanicum, complectens enumerationem systematicam specierum hucusque cognitarum» («Виды растений, или Ботанический справочник, включающий систематическое перечисление видов, доселе известных», 1817–1821).

¹³³ Словарь родовых имен растений, с переводом на Российский язык и проч., составленный И. Мартыновым. СПб.: в тип. Деп. народного просвещения, 1826.

¹³⁴ См.: Три ботаника: или сокращение систем Турнефорта, Линнея и Жюссье, с кратким описанием жизни каждого, показанием прочих систематиков и ботаников, и начертанием ботаники, каковую желательнее бы иметь, выбранное из иностранных писателей Иваном Мартыновым. СПб.: в тип. Деп. народного просвещения, 1826. *Жозеф Питтон де Турнефор* (de Tournefort; 1656–1708) – французский ботаник и путешественник. *Карл Линней* (Linnaeus, 1707–1778) – шведский ботаник, зоолог, минералог и медик, создатель единой системы классификации растительного и животного мира. *Антуан Лоран де Жюссье*, или *Жюссье* (de Jussieu; 1748–1836) – французский ботаник; создатель первой естественной системы классификации растений.

¹³⁵ См.: Греческие классики, переведенные с греческого Иваном Мартыновым, с прим. переводчика. СПб.: В тип. Иос. Иоаннесова, 1823–1829.

¹³⁶ См.: Басни Езоповы, переведенные с греческого Иваном Мартыновым, с прим. переводчика. СПб.: В тип. Иос. Иоаннесова, 1823. В предисловии к изданию «Басен», с которого Мартынов начал свою серию «Греческих классиков», он писал: «У нас доньше никто еще не предпринимал издания греческих классиков в совокупности. Может быть, это было бы и бесполезно; в чужих краях напечатаны они как порознь, так и в полных собраниях многими и прекрасными изданиями. <...> Но иностранные издания, как известно, бывают без перевода или с переводом латинским, французским и проч. Ужели еще рано видеть их с русским? Ужели для чтения перевода классиков у нас пора еще не наступила? Я часто слышал на сие жалобы. Но пора никогда не придет, если мы не приступим к делу. Без сомнения, перевод их требует великого труда; но страшиться одного значило бы малодушие и беспечность к пользе нашей словесности. <...> Я старался сделать издание свое, сколько можно, полезнейшим для любителей древней словесности, а особливо для нашего обучающегося юношества. В переводе за правило поставил я не удаляться, без дальней надобности, от подлинника, не нарушая, однако ж, свойств нашего языка. <...> Впрочем, русский язык столь гибок, столь удобен принимать, в важнейших отношениях, образ языка греческого, что нельзя отчаиваться быть непротивну и близким переводом» (Там же. С. I–IV).

¹³⁷ См.: Гимны Каллимаха Киринейского. Перевел с греческого языка и составил примечания на оные Иван Мартынов. В 2-х книгах. СПб.: В тип. Иос. Иоаннесова, 1823.

¹³⁸ См.: Трагедии Софокла, переведенные с греческого языка Иваном Мартыновым, с прим. переводчика. СПб.: В тип. Иос. Иоаннесова, 1823–1825. О переводе И. Мартынова: «Первого полного Софокла русский читатель получил благодаря труду И.И. Мартынова, выпустившего с 1823 по 1825 г. все семь трагедий отдельными книжками. Мартынов перевел с древнегреческого (все трагедии вышли даже с параллель-

ным греческим текстом) и снабдил каждую трагедию примечаниями, объясняющими отчасти ход действия в ней, отчасти – его перевод. В хоровых партиях были выделены составляющие их структурные элементы – строфы, антистрофы, эподы, но получить представление об их ритмическом своеобразии в отличие от разговорных партий было нельзя, так как перевод был выполнен прозой» (*Ярхо В.Н.* Ф.Ф. Зелинский – переводчик Софокла // Софокл. Драмы. В переводе Ф.Ф. Зелинского, О.В. Смыки и В.Н. Ярхо под ред. М.Л. Гаспарова и В.Н. Ярхо. Издание подгот. М.Л. Гаспаров и В.Н. Ярхо. – М.: Наука, 1990. С. 513).

¹³⁹ См.: Оморова Илиада, переведенная с греческого языка Иваном Мартыновым, с примечаниями переводчика. В 4 ч. СПб.: В Тип. Департ. Народн. Просвещ., 1825; Оморова Одиссея, переведенная с греческого языка Иваном Мартыновым, с примечаниями переводчика. В 4 ч. СПб.: В Тип. Департ. Народн. Просвещ., 1826–1828. «Омир» – принятое в XVIII – начале XIX веков название имени Гомер.

¹⁴⁰ См.: История Иродотова, переведенная с греческого языка Иваном Мартыновым, с примечаниями переводчика. В 4 ч. СПб.: В Тип. Иос. Иоаннесова, 1826–1828. «Иродот» – Геродот.

¹⁴¹ См.: Пиндар, переведенный с греческого языка Иваном Мартыновым, с примечаниями переводчика. В 4 ч. СПб.: В Тип. Департ. народ. просвещ., 1827.

¹⁴² См. сноски 20 и 94.

¹⁴³ См.: О слушании. Сочинение Плутарха. Пер. с греч. И. Мартынова. СПб.: В Тип. Импер. Воспит. Дома, 1822; Добродетельные женщины в древности. Сочинение Плутарха. Пер. с греч. И. Мартынова. СПб.: Тип. Департ. народ. просвещ., 1829.

¹⁴⁴ *Федор Богданович Грефе* (1780–1851) – академик и заслуженный профессор Санкт-Петербургского университета по кафедре греческой словесности. «...Произношение некоторых греческих букв Эразмово...» – произношение греческих звуков на основе их латинской транслитерации, введенное Эразмом Роттердамским (1469–1536) и принятое в учебном и научном обиходе Западной Европы. В России приблизительно до второй трети XIX века было принято произношение, основанное на византийской традиции и систематизированное Иоганном Рейхлином (1455–1522); оно до сих пор принято в Русской Православной Церкви и преподается в духовных школах.

¹⁴⁵ Сведений об этом издании обнаружить не удалось.

¹⁴⁶ Опыт о ближайшем сродстве языка славяно-русского с греческим, сочиненный <...> Константином Экономидом. Часть первая, том I, г. СПб.: Тип. Импер. Акад. Наук, 1828. *Константин Экономид*, или *Экономос* (1780–1857) – греческий церковный писатель, пресвитер, родом из Фессалии. Был учителем в Смирнской гимназии; во время греческого восстания бежал в Россию. В указанном труде сравнением русского и других славянских языков с греческим пытался доказать, что славянские языки возникли из одного из диалектов до-гомеровского греческого языка.

¹⁴⁷ См.: Наставление об истинном произношении некоторых греческих букв, извлеченное из книги о сем

же предмете греческого священника Экономоса Иваном Мартыновым. СПб.: Тип. Деп. нар. прос., 1831. В действительности эта книга была кратким изложением другого сочинения Экономида, «Περὶ τῆς γνησίας προφορᾶς τῆς Ἑλληνικῆς γλώσσης βιβλίον» («Книжка об истинной передаче греческого языка», СПб., 1830). В ней автор пытался доказать, что греческий язык и в древности произносился так, как это известно по византийской традиции, а не так, как стал он звучать в Западной Европе, начиная с XVI века, в эразмовом произношении, которое Экономос критиковал как искусственное порождение германской филологии.

¹⁴⁸ Имеются в виду «Пространная русская грамматика» литератора, филолога и публициста Николая Ивановича Греча (1787–1867), опубликованная в 1827 г. (вышел только первый том), и «Сокращенная русская

грамматика для употребления в низших учебных заведениях» литератора и филолога Александра Христофоровича Востокова (1781–1864), опубликованная в 1831 г.

¹⁴⁹ Свод сокращенной русской грамматики г-на Востокова и начальных правил русской грамматики г-на Греча, сделанный Иваном Мартыновым, с присовокуплением его сочинений: 1) О словорасположении вообще и свойственном русскому языку в частности; 2) Игра согласных букв в словопроизводстве; 3) Опыт разбора грамматического и 4) Опыт разбора стихотворческого и риторического. СПб.: Тип. Деп. народ. прос., 1832.

¹⁵⁰ Имеется в виду великий князь *Михаил Павлович* (1798–1749), занимавший эти должности.

Роман ДОРОФЕЕВ, Екатерина ОЗМИТЕЛЬ

«...Вместе с Богом переживать все тяжести»

Епископ Мелхиседек (Аверченко) и его служение в Туркестанской епархии

Жизненный путь епископа Мелхиседека (Аверченко) долгое время оставался малоизученным.

Его архиерейское служение пришлось на 1926–1933 годы – один из самых недокументированных периодов церковной истории. Нет точных сведений о том, какие кафедры он занимал. Епископ «общин Туркестанской епархии», «андреевский», Уразовский, Пишпекский и Семиреченский, Троицкий, Челябинский, Курганский... Практически каждый из этих титулов вызывает вопросы. Епископская хиротония в то время могла опередить назначение на кафедру, епархии часто преобразовывались, а епископы подвергались арестам, ссылкам и административным наказаниям и не могли даже добраться до своих кафедр.

На кафедрах владыка Мелхиседек, как и большинство архиереев в то время, долго не задерживался. Дольше всего – три года – занимал Пишпекскую викарную кафедру. По своему смирению и сообразно обстоятельствам времени, он незаметно совершал архиерейское служение, оставаясь на вторых ролях – викарием, заместителем, порой – за штатом. Всегда храня верность Святейшему Патриарху Тихону и канонической Церкви, епископ Мелхиседек, несомненно, пострадал за веру. И лишь отсутствие данных о его кончине не дает возможности поднимать вопрос о канонизации.

В течение последних двадцати лет сведения о епископе Мелхиседеке постепенно накапливались; появилось несколько специально посвященных ему публикаций¹. И хоть в его биографии еще остаются значительные пробелы, настало время собрать воедино, проанализировать, согласовать друг с другом и обобщить все доступные сведения об этом замечательном архиерее. Он принимал активное участие в ключевых событиях истории Туркестанской епархии того времени, и потому без его жизнеописания история православия в Средней Азии остается неполной.

Начальный период (1875–1905)

Михаил Ефимиевич Аверченко родился 11 января 1875 года в семье крестьянина в селе Усохская Буда Краснобудской волости Гомельского уезда Могилевской губернии (ныне Добрушский район Гомельской области Белоруссии).

Источники дают противоречивые сведения о его образовании. Сам епископ Мелхиседек на допросе 3 февраля 1933 года рассказал:

До 15-летнего возраста я жил в хозяйстве своего отца. В 1890 году поступил в Гомельское духовное училище. Окончив училище в 1897 году, призвался на военную службу, но по болезни был освобожден².

То, что духовное училище он окончил, указывает и каталог митрополита Мануила (Лемешевского)³. Однако в ведомостях Свято-Троицкого Иссyk-Кульского монастыря, в котором будущий епископ Мелхиседек провел тринадцать лет, нет сведений о наличии у него духовного образования. В послужном списке братии за 1907 год в графе «Где и чему обучался» о нем лаконично сказано: «Читать и писать может»⁴. Ведомость за 1914 год содержит больше информации: «Домашнее образование, имеет свидетельство на звание учителя-практика»⁵.

Сравнивая эти сведения об иеромонахе Мелхиседеке с записями в той же графе у других иссык-кульских монахов, можно сделать вывод, что если бы у него было духовное образование, то на это было бы прямое указание, как, например, в случае с иеромонахом Рафаилом, запись о котором гласит: «окончил курс в Александрo-Свирском духовном училище»⁶. Запись о грамотности иеромонаха Мелхиседека в ведомости 1907 года следует понимать в том же плане, что и запись в послужном списке монастырского казначея иеромонаха Арсения: «Обучался читать и писать в доме родителей»⁷. Изменения в графе об образовании в двух процитированных выше послужных списках могут свидетельствовать о том, что в период между 1907 и 1914 годами о. Мелхиседек окончил какие-то педагогические курсы или же сдал экзамен, предоставивший ему право преподавать в церковно-приходских школах. Возможно, проучившись какое-то время в Гомельском духовном училище, он покинул его без аттестата⁸. Причиной увольнения могла стать болезнь, о чем косвенно свидетельствуют слова владыки, что он «призвался на военную службу, но по болезни был освобожден».

Согласно тем же послужным спискам братии Иссyk-Кульского монастыря, в 1899 году Михаил Аверченко поступил послушником в Рождество-Богородицкую Глинскую пустынь Курской епархии. Через шесть лет, 25 августа 1905 года, он был перемещен «по прошению» в уже упомянутый Свято-Троицкий Иссyk-Кульский мужской миссионерский монастырь Туркестанской епархии, находившийся в Курментинской волости Пржевальского уезда Семиреченской области (ныне Тюпский район Иссyk-Кульской области Киргизии).

Иссык-Кульский монастырь (1905–1918?)

Какие причины побудили тридцатилетнего послушника переехать в Туркестан?

Как показывает ведомость монастыря за 1907 год, выходцами из Глинской пустыни, кроме Аверченко, были несколько человек⁹. Большинство из них поступили в Иссык-Кульский монастырь в августе 1905 года, что трудно объяснить случайным совпадением. Об одном из них, архимандрите Порфирии (Муковозове) известно, что любовь к хорошему уставному пению заставила его при назначении на Иссык-Куль настоятелем «взять с собой из Глинской пустыни и хор певчих, которых он привез с собой за свой собственный счет»¹⁰. Скорее всего, послушник Михаил Аверченко был в числе певчих этого хора.

19 июля 1906 года в Иссык-Кульском монастыре Михаила постригли в монашество с именем Мелхиседек (в некоторых источниках встречается вариант «Мельхиседек»). На следующий день новопостриженный монах был рукоположен епископом Туркестанским Димитрием (Абашидзе) во иеродиакона в Казанско-Богородичной церкви соседнего с монастырем села Преображенское (ныне Тюп). Во иеромонаха о. Мелхиседек был рукоположен через год, 15 августа 1907 года, также владыкой Димитрием; на этот раз – в Крестовой церкви Архиерейского дома в городе Верном¹¹.

В 1908 году началось приходское служение иеромонаха Мелхиседека. Он окормлял приходы в непосредственной близости от монастыря – в селе Теплоключенское (ныне Ак-Суу) и в станице Николаевской (ныне – Тогуз-Булак) Пржевальского уезда. К этим послушаниям в 1910 году прибавилось служение в церкви села Преображенское псаломщиком и преподавание Закона Божьего в одноклассной приходской школе в Николаевской станице.

В 1911 году последовало новое назначение – настоятелем молитвенных домов сразу трех переселенческих приходов Пржевальского уезда: в Липинском, Богатырском и Иваницком (ныне сёла Джети-Огузского района: Липенка, Богатыровка и Тилекмат). Проживал он, скорее всего, в Пржевальске (ныне – Каракол), так как в 1912 году был назначен запасным священником Пржевальского благочиния, а с 1 августа того же года преподавал Закон Божий в пржевальских мужском и женском одноклассных училищах.

30 июля 1913 года о. Мелхиседек был освобожден от приходских обязанностей и возвращен в монастырь на постоянное жительство.

31 января 1914 года его назначили ризничим монастыря, проходил он также послушания уставщика и в чередном священнослужении¹². К этому времени он уже был награжден набедренником, а также получил в награду обязательные для духовенства памятный крест и медаль по случаю торжеств в честь 300-летия династии Романовых в 1913 году.

В начале 1915 года о. Мелхиседек снова стал учительствовать, на этот раз – в монастырской школе¹³. Может быть, в это время он также окормлял мирян из окрестных сел, так как на допросе в 1933 году сказал, что «с 1914 по 1918 год служил в разных селах вблизи монастыря»¹⁴.

Дополнительные сведения о пребывании иеромонаха Мелхиседека в Иссык-Кульском монастыре дает «Дневник настоятеля Иссык-Кульского монастыря о восстании киргизов» архимандрита Иринарха (Шемановского). Этот документ – подробное и жесткое повествование очевидца о ходе киргизского восстания 1916 года на Иссык-Кульском побережье, а также о том, какую трагическую роль эти события сыграли в судьбе монастыря и окрестных сел.

О. Мелхиседек упоминается на страницах «Дневника» Шемановского несколько раз. Впервые – в записях от 11 августа, где рассказывается о тревогах монахов и жителей соседних с монастырем хуторов, спрятавшихся от восставших на одном из островов близ обители:

Кругом нашего острова за два дня нашего здесь пребывания уже стали образовываться пепелища. Скоро должен настать и наш черед борьбы. Но мы почти не вооружены. Два дробовика и несколько доставленных нам сегодня разведчиками кос и вил – вот все наше орудие. А нам еще надо научиться владеть им. Если вернется из села Преображенского Стародубов, то мы увеличим свое вооружение дробовиком. На предстоящую ночь у нас был установлен караул. Мы сделали сегодня подсчет островитян, переписав всех поименно. Вот этот список: архимандрит Иринарх, иеромонах Арсений <...> иеромонах Мельхиседек¹⁵.

Второе упоминание – в записях от 12 августа, в эпизоде с поездкой за лодкой погибшего хуторянина Кирилла Катилевского:

Обсудили, между прочим, вопрос о необходимости уничтожения лодок, находящихся не-вдалеке от нашего острова. Было высказано предположение, что вблизи нас имеется только одна лодка, на острове, занимаемом «дедушкой» Кириллом Катилевским. О нем уже циркулировал слух как о погибшем. Его же лодку кто-то из островитян видел на берегу его острова. В целях захвата этой лодки и были командированы отец Мельхиседек и А. Стародубов, вчера вернувшийся из села Преображенского <...> Вернулась разведочная партия отца Мельхиседека с захваченной с островка «дедушки» Кирилла Катилевского лодкой. Отец Мельхиседек на берег не сходил и оставался караульным в лодке. В домик Катилевского проникал Алексей Стародубов. По его утверждению, он обегал весь островок, кричал и звал «дедушку» Кирилла, но на его зов никто не отозвался. Забегал Стародубов и в выкопанную пещеру – молельню, но и там никого не нашел. Домик же Кирилла оказался разграбленным, а лодка, к немалому удивлению обоих разведчиков, была тщательно спрятана в камышах на островке¹⁶.

Третье упоминание имени о. Мелхиседека – в записях от 16 августа. Здесь вновь всплывает история с лодкой, причем открываются неприглядные подробности поведения его спутника – крестьянина А. Стародубова:

Наумовы выбрались бы и раньше, но их лодка была кем-то уведена с островка. Одновременно с уводом этой лодки был ограблен и домишко Катилевского. Случайность это или нет? Ведь лодку «дедушки» Катилевского забрали на монастырский остров мы, командировав для этой цели отца Мельхиседека с крест[ьянином] А. Стародубовым. Отец Мельхиседек, как известно, на берег островка не сходил и оставался в лодке для ее окарауливания, островок был обшарен <...> Стародубовым, который уверился в отсутствии на нем людей¹⁷.

Таким образом, во время Туркестанского антироссийского восстания 1916 года, Иссык-Кульские события которого оказались самыми трагическими, иеромонах Мелхиседек укрывался от погромщиков на острове с другими насельниками монастыря, принимал участие в спасении пострадавших монахов и монастырского имущества, оказывал помощь переселенцам. После прекращения бунта он вернулся в разоренную обитель. За помощь пострадавшим и за участие в восстановлении монастыря указом Св. Синода от 26 июня 1917 года его в числе некоторых других иеромонахов наградили наперсным крестом¹⁸.

Участие в архиерейской хиротонии святителя Луки. Служение в Черняевке (1919? – 1925)

Далее в документальных свидетельствах о жизни о. Мелхиседека следует более чем пятилетний пробел. О том, что революцию он встретил в Пржевальском уезде, сказано в одной из статей все того же Ириарха Шемановского. Архимандрит-рenegат, отказавшийся в 1918 году от сана и вступивший в ряды ВКП(б), в своей статье так охарактеризовал о. Мелхиседека: «<...> после переворота кричавший о наступлении антихристовых времен»¹⁹. Примечательно, что автор статьи, агитируя за закрытие монастыря и всячески очерняя всю вверенную ему братию, для о. Мелхиседека не нашел большего обличения, чем упрек в апокалиптических настроениях.

Согласно показаниям самого владыки Мелхиседека на допросе в 1933 году, он был «в 1918 году переведен в монастырь, где служил до его ликвидации. В 1918 году переведен священником в г. Ташкент»²⁰. Противоречивые данные, внесенные в этот протокол, заставляют усомниться в достоверности некоторых дат из этого источника. Иссык-Кульский монастырь был закрыт в марте 1919 года, так что о. Мелхиседек, скорее всего, покинул Пржевальский уезд не ранее 1919-го или в начале 1920-х годов.

Первые упоминания о нем в этот период встречаются в воспоминаниях святителя Луки (Войно-Ясенецкого) и в некоторых связанных с ним документах. О своей архиерейской хиротонии, состоявшейся в городе Пенджикенте в ночь с 30 на 31 мая 1923 года, владыка Лука рассказал следующее:

Мой отъезд в Самарканд должен был быть тайным, и потому я назначил на следующий день четыре операции, а сам вечером уехал на поезде в Самарканд в сопровождении одного иеромонаха, диакона и своего старшего сына – шестнадцатилетнего Михаила <...> [В Пенджикенте – Р.Д., Е.О.] на вечерне и литургии читали и пели мои спутники и протоиерей Свенцицкий²¹.

Имена спутников владыки Луки выясняются из протокола допроса протоиерея Михаила Андреева от 25 октября 1937 года:

На второй день Войно-Ясенецкий Андреем Ухтомским был пострижен в монахи и через некоторое время ему устраивается фиктивная командировка под видом оказания помощи

больному в г. Самарканд и там по предложению Андрея Ухтомского тайно «посвящают» Войно-Ясенецкого в сан архиепископа Барнаульского два ссыльных епископа. Фамилий которых не помню. В Самарканд его сопровождал <нынешний> епископ Мелхиседек и дьякон Иосиф Староженко²².

Картину восполняет дополнительный протокол допроса владыки Луки от 11 марта 1939 года:

Я с его [Андрея (Ухтомского) – *Р.Д., Е.О.*] предложением согласился и в том же году <...> в кишлаке Пянджикент [так! – *Р.Д., Е.О.*] (в 90 километрах от г. Самарканда) был посвящен в сан епископа двумя ссыльными епископами, Даниилом Путицким и Василием (фамилии не знаю), ныне оба умерли, в присутствии иеромонаха Мелхиседека и дьякона Иосифа Староженко [так! – *Р.Д., Е.О.*]²³.

Следующий блок документальных свидетельств о жизни епископа Мелхиседека связан почти исключительно с деятельностью первого обновленческого туркестанского епископа Николая Коблова. Прибыв в Ташкент в июле 1923 года, Коблов развернул широкую деятельность, пытаясь подчинить среднеазиатские приходы власти обновленческого Высшего церковного управления (ВЦУ), а затем – обновленческого Синода. Коблов управлял епархией при активном содействии местных сотрудников НКВД и ГПУ, не брезгуя составлением доносов для этих органов. 22 июля 1923 года он отправил в ГПУ документ, в котором заявил о политической неблагонадежности девятнадцати священнослужителей-староцерковников и двух мирян. В списке «контрреволюционных» приходов и священников значилось: «МИХАИЛО-АРХАНГЕЛЬСК[АЯ] церковь села Черняевского, Ташкентского у[езда]. Иеромонах АВЕРЧЕНКО Мельхиседек»²⁴.

На должность настоятеля прихода в поселке Черняевском (ныне Жибек Жолы Туркестанской области Казахстана) о. Мелхиседека мог назначить архиепископ Туркестанский Иннокентий (Пустынский) в период от 1919 до 1922 гг. Что же касается Коблова, то уже в следующем известном доносе в НКВД от 21 января 1924 года он сообщал:

Иеромонах Мелхиседек Аверченко, уволенный от должности священника Черняевского поселка и запрещенный в священнослужении, имея антиминос (не сданный им Туркестанскому Епархиальному Управлению [обновленческому – *Р.Д., Е.О.*]), продолжает служить и в Ташкенте, и в Черняевском поселке, причем около него, по слухам, группируются иоаннитки, считавшие ранее антихристом Льва Толстого, а теперь Ленина и Троцкого и Власть Советскую – вообще антихристовой (часть иоанниток проживают в самом Ташкенте и его уезде, а главные наезжают сюда, особенно к большим праздникам, из Петербурга). Все это сообщество пропагандирует тихоновщину, волнуя народ и поддерживая в нем недовольство законной как церковной, так и Советской Властью. Особенный вред церковно-обновленческому движению монах Мелхиседек нанес своим торжественным служением в праздник Крещения по старому стилю, с торжественным крестным ходом на воду в поселке Черняевском²⁵.

Увольнение от должности было обычной для обновленческих функционеров

мерой, которую они применяли к священнослужителям, отказавшимся признать ВЦУ. Священники, остававшиеся верными Святейшему Патриарху Тихону, такого рода прещенния игнорировали.

Коблов в своих донесениях зачастую сгущал краски. Возможно, почти неизвестные в Туркестане, но хорошо знакомые ему по Петрограду иоанниты (обожествлявшие святого праведного Иоанна Кронштадтского и активно противостоявшие обновленцам²⁶) появились в доносе с целью усилить «контрреволюционную вину» о. Мелхиседека.

После этого имя о. Мелхиседека вместе с именем о. Иосифа Стороженко стало фигурировать в переписке ГПУ и НКВД Туркеспублики:

...о регистрации и утверждении их уставов – отказано. Предполагая, что на почве отказа будет усиленно вестись скрытая антисоветская агитация, НКВД просит установить разведкой: 1) Деятельность Мелхиседека Аверченко вблизи Черняево, на заимке, а также в Ташкенте, где около него группируются контрреволюционные элементы (иоаннитки) и куда по имеющимся данным он приезжает для совершения служб в районе вокзального и Ольгинского приходов. <...> О последующем сообщите для дальнейшего административного надзора за названными группами²⁷.

Последний раз имя о. Мелхиседека значится в обновленческих документах в связи с предпринятой епископом Николаем Кобловым 27 января 1924 года громкой акцией – панихидой по недавно скончавшемуся Владимиру Ленину, совершенной им в рамках траурных мероприятий в день похорон «вождя мирового пролетариата». Обновленческий епископ задумывал эту акцию не только как верноподданническую, но и как провокационную. Посланный в этот же день «на разведку в народ» священник Симеон Ювеналиев (уполномоченный обновленческого Синода и одновременно выдвиженец Коблова) в числе прочего докладывал:

Исполняя задания Вашего Преосвященства выяснить и установить точно церковно-политическое здоровье своих (обновленцев) и чужих (тихоновцев), и секретно по Вашему совету переодевшись в светский костюм, потолкался всюду и в грандиозной патриотической процессии и вне ее, и вот результаты: 1) Позволивший [осудить Вас] по поводу проявления Вами патриотических чувств в речи и пропетой вечной памяти после нее в Соборе товарищу В.И. Ленину гр[аждаинин] Георгий Артамонов, уже сидевший под арестом в ГПУ, из партии Луки-Андрея Ухтомского, возглавляемой открыто иеромонахами Серафимом²⁸ и Мелхиседеком. Мелхиседек служит и в Черняевском поселке, и в Ташкенте, а Серафим в Ташкенте, имея по слухам молитвенный не зарегистрированный дом и в качестве регента диакона Рузанова²⁹, производящего спевки в Соборной квартире, откуда по суду до сих пор Собор не может его выдворить³⁰.

Архиерейская хиротония (1925)

Архиерейская хиротония Мелхиседека была совершена епископом Андреем (Ухтомским) и епископом Нижне-Тагильским Львом (Черепановым). В некоторых биографиях владыки Мелхиседека пишут, что произошло это 13 июня 1925 года³¹.

Близкую к этому дату – 15 июня 1925 года – указывает «Каталог обновленческих архиереев» митрополита Мануила (Лемешевского)³². Сообщение этого источника о том, что владыка Мелхиседек, став епископом Андреевским, уклонился в обновленческий раскол, убедительно опроверг Владимир Заславский³³. Нет подтверждений также некоторым другим сведениям из этого каталога: «1926 – еп. Глазовский <...> С 1931 – еп. Курганский»³⁴; Пишпекская кафедра в нем названа «Пришпекской». Так что есть основания с сомнением отнести и к приводимой митрополитом Мануилом дате хиротонии.

Главным источником, который позволяет реконструировать обстоятельства этого очень важного для владыки Мелхиседека периода жизни, является доклад епископа Луки (Войно-Ясенецкого) о положении дел в Туркестанской епархии заместителю Патриаршего местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому) от 2 марта 1926 года. Об архиерейской хиротонии епископа Мелхиседека в этом докладе сообщалось в связи с делом о запрещении в служении епископом Сергием (Лавровым) самого Мелхиседека и еще нескольких монашествующих, отказавшихся признавать Лаврова в качестве временного управляющего делами Ташкентской епархии.

Итак, епископ Лука докладывал:

При проезде моем через Москву Преосвященный Филипп передал мне прошение архимандрита Мелхиседека и [и]еромонаха Александра, живущих в моей епархии, о снятии с них запрещени[й], наложенны[х] Преосвященным Сергием, временно управлявшим Туркестанской епархией. Надписи Вашего Высокопреосвященства на этих прошениях «Преосвященному Епископу Филиппу» преосв[ященный] Петр, Архиепископ Воронежский толковал, как полномочие на снятие запрещения, однако ни я, ни некоторые епископы, с которыми я говорил об этом, не могли согласиться с его мнением и полагаем, что Ваша резолюция уполномочивает лишь на расследование дела и доклад вашему Высокопреосвященству <...>

Было весьма важно снять запрещения со священников, наложенные преосв[ященным] Сергием за непризнание его, ибо этих священников считают наиболее стойкими в православии, поэтому я [в]скоре по приезде добился свидания с преосв[ященным] Сергием, находившимся под арестом уже около двух месяцев, и просил его снять запрещение, но он категорически отказался заявив, что иеромонахи Александр и Аристарх должны остаться запрещенными в течение года, а архимандрит[ы] Вениамин и Мелхиседек [-] до освобождения его из-под ареста, или возвращения из возможной ссылки; мотивировать свое решение преосв[ященный] Сергей не счел возможным в присутствии чекистов. Я объявил об этом народу и запрещенным <...> Запрещение архим[андрита] Мелхиседека не может иметь силы, т.к. в это время он уже был рукоположен во епископа, о чем преосв[ященный] Сергей, очевидно, не знал. Вина запрещенных в значительной мере уменьшается тем важным обстоятельством, что они получили от епископов Андрея (Уфимского) и Петра (ныне Архиепископа Воронежского) наставление о непризнании преосв[ященного] Сергия <...>

Что касается архимандрита Мелхиседека, рукоположенного во епископа православных общин Туркестанской епархии епископами Андреем Уфимским и Львом Нижне-Тагильским в мое отсутствие, то я посоветовал ему ехать к Вашему Высокопреосвященству для получения утверждения его хиротонии и назначения на какую-нибудь кафедру³⁵.

Сравнивая приведенные в этом документе сведения с данными из других ис-

точников, можно заключить, что епископ Мелхиседек в 1924 году продолжал служить в Черняевском и в Ташкенте, общаясь с епископом Андреем (Ухтомским), с которым познакомился еще весной 1923 года перед рукоположением владыки Луки, и с епископом Петром (Зверевым), находившимся тогда в туркестанской ссылке. В ноябре 1924 года епископ Андрей «был затребован в Москву телеграммой ОГПУ, оттуда отправлен в ссылку в Полторацк (Ашхабад)»³⁶. В самом конце 1924-го или в начале 1925 года епископа Андрея вернули в ссылку в Теджен, где он пробыл до лета этого года. Затем в Полторацке 25 августа (10 сентября по н. ст.) 1925 года он осуществил так называемое воссоединение с беглопоповцами, совершив над собой миропомазание «старобрядческим» миром. За эти действия и незаконные хиротонии 13/26 апреля 1926 года епископ Андрей был подвергнут Патриаршим местоблюстителем митрополитом Сергием запрещению в служении³⁷.

Второй рукополагавший Мелхиседека архиерей – епископ Лев (Черепанов) – с осени 1924-го до осени 1925 года находился в ссылке в Теджене.

Таким образом, архиерейская хиротония владыки Мелхиседека могла состояться не ранее декабря 1924-го и не позднее августа 1925 года. Возможно – в мае 1925 года, как и прочие тайные хиротонии, совершенные епископами Андреем и Львом в Теджене³⁸, так как в Полторацке их пути кардинально разошлись. Об этом в 1926 году сообщал уфимский священник, состоявший в переписке с владыкой Львом: «О переходе в раскол еп. Андрея и о прекращении с ним молитвенного общения пишет в Уфу и епископ Асхабадский Лев, бывший его приятель»³⁹.

Неизвестно, имела ли хиротония иеромонаха Мелхиседека (Аверченко) во «епископа православных общин Туркестанской епархии» какое-либо влияние на положение староцерковников в Средней Азии. Скорее всего, такого влияния не было – у новопоставленного епископа появились какие-то причины скрыть свое архиерейство.

Проясним события туркестанской церковной жизни, на фоне которых совершалась эта хиротония. Летом 1924 года ташкентским сторонникам Патриаршей Церкви, оставшимся к этому моменту без единого храма, были возвращены Сергиевская и Благовещенская церкви. В январе 1925 года патриарх Тихон назначил владыку Сергия (Лаврова) епископом Семиреченским и Верненским с поручением временно управлять Туркестанской епархией. Во главе епархии Лавров находился вплоть до ареста 6 января 1926 года. О епископе Сергии ходили диаметрально противоположные мнения, с которыми пришлось разбираться епископу Луке, вернувшемуся из ссылки в феврале того же года. С одной стороны, епископ Сергей содействовал возвращению в лоно Патриаршей Церкви некоторых отошедших в обновленчество священнослужителей. С другой стороны, ему вменяли в вину слишком либеральное поведение и заигрывание с обновленцами в 1923 году⁴⁰.

Как видно из доклада владыки Луки, часть туркестанских священнослужителей, в том числе и о. Мелхиседек, отказалась признавать епископа Сергия, за это он и подверг их запрещению в священнослужении. В какой именно период его почти годового пребывания на кафедре это произошло – неизвестно.

Можно предполагать, что в такой смутной обстановке епископ Андрей (Ухтомский), вообще склонный вольно трактовать канонические нормы, решил поста-

вить альтернативного староцерковного Туркестанского архиерея для всех недовольных личностью епископа Сергия клириков и мирян, которых в епархии было немало. Эта гипотеза позволяет объяснить, зачем надо было тайно рукополагать епископа для Туркестанской епархии при действующем временно управляющем архиерее, назначенном высшей церковной властью в лице патриарха Тихона. По каким-то причинам выбор епископа Андрея пал на иеромонаха Мелхиседека, который, как и положено, был сначала им же возведен в архимандриты, а затем, вместе с епископом Львом (Черепановым), тайно рукоположен.

Выход альтернативного Туркестанского епископа на открытое служение так и не состоялся. Возможно, официальное служение владыки Мелхиседека в 1925 году и не планировалось – его могли рукополагать для тайных общин. Версия эта основана на показаниях ташкентской монахини Екатерины Головановой, бывшей в начале 1920-х годов псаломщицей и регентом в церкви с. Суплатово Чимкентского уезда, где служил настоятелем иеромонах Серафим (Черствов). В показаниях матушки Екатерины, которые в изложении следователя были внесены в материалы следственного дела 1945 года об «антисоветском подполье» в Кировской области и Марийской АССР, иеромонах Мелхиседек упоминается без фамилии, но из контекста следует, что речь идет именно о нем:

В 1925–1927 годах наша антисоветская деятельность выражалась в том, что мы организованно проводили нелегальные сборища, на которых обсуждали вопросы создания тайных церквей, причем ставился вопрос так, что если это не удастся сделать в городе, то организовать тайную церковь в горах. С целью руководства тайными церквями одного из участников организации Мелхиседека было решено нелегально посвятить в сан епископа⁴¹.

Надо полагать, что неожиданное появление нового туркестанского архиерея, не получившего подтверждения от высшей церковной власти, не прекратило, а напротив, усилило бы ташкентскую смуту. У многих, в том числе и у самого епископа Мелхиседека, были веские основания сомневаться в легитимности этой хиротонии.

Тайные хиротонии совершались епископом Андреем и ранее. Особенно много – в 1922–1923 годах, когда патриарх Тихон был под арестом. Освободившись из заключения, Святейший одобрил работу епископа Андрея и утвердил все хиротонии, которые он совершил для своей Уфимской епархии. Более того, Патриарх утвердил тайную хиротонию епископа Туркестанского Луки (Войно-Ясенецкого), образование новой кафедры и хиротонию епископа Макарьевского/Любанского Макария (Васильева), совершенные по поручению епископа Андрея (Ухтомского). Эти деяния, хоть и состоявшиеся в результате его вмешательства в дела чужих епархий, были признаны законными как совершенные во время тюремного заключения патриарха Тихона, в соответствии с его указом от 7/20 ноября 1920 года за № 362 (во время прекращения деятельности центрального руководства архиереи могли заниматься по просьбе клира и мирян делами другой епархии в случае отсутствия там архиерея).

Однако весной-летом 1925 года ситуация была совсем иной. Митрополит Петр, признанный собором архиереев после смерти Святейшего как местоблюститель

Патриаршего престола, был на свободе, управлял Церковью, связь с Ташкентом поддерживал. А значит, епископская хиротония, совершенная архиереями за пределами их канонической ответственности без его благословения, выглядела неуместной. Епископ Андрей, продолжая совершать тайные рукоположения, тем самым игнорировал вступление в должность местоблюстителя. Об этом в 1926 году писал митрополит Сергей (Страгородский), обращаясь к уфимским верующим:

О непризнании местоблюстителя говорит и совершение еп. Андреем нескольких хиротоний архиерейских без благословения, хотя, конечно, он знает, что такие поставления не имеют силы (Антиохийского собора пр[авило] 19). Не может быть оправдано это совершение и какою-нибудь гнетущею нуждою, потому что в самых хиротониях не было ни экстренной, ни даже вообще никакой нужды (что видно хотя бы из того, что еп. Мельхиседек, поставленный еп. Андреем для Туркестанской епархии, в ней, однако же, не остался). Не оправдывает и ссылка на словесное благословение, распространяемое только на те хиротонии, которые совершены были при его жизни и которые были потом утверждены. С кончиной же святейшего патриаршие права и власть полностью перешли к местоблюстителю⁴².

Так называемые «андреевские» хиротонии 1920-х годов, как правило, вызывали большие сомнения, и с каждым таким случаем приходилось разбираться особо. Скорее всего, в документах, которыми, составляя свои каталоги, пользовался митрополит Мануил (Лемешевский), возле имени епископа Мелхиседека была такая пометка – «андреевский», то есть – поставленный епископом Андреем (Ухтомским). Это примечание исследователи могли ошибочно принять за указание о назначении владыки на обновленческую Андреевскую кафедру и несправедливо обвинить его в уклонении в раскол. Но именно в этом, в обновленчестве, сомнений не могло быть – епископы Андрей и Лев никого никогда не рукополагали на обновленческие кафедры.

Первый ташкентский период в жизни владыки Мелхиседека закончился поездкой в Нижний Новгород к заместителю патриаршего местоблюстителя митрополиту Сергию. Отправляя епископа Мелхиседека за подтверждением хиротонии, епископ Лука дал ему следующую характеристику:

Хотя еп[ископ] Мелхиседек не имеет даже среднего образования, но знающие его весьма высоко отзываются о его благочестии, верности, смирени[и] и примерной жизни, о с[а]мом похвальном отношении к пастырским обязанностям и бескорыстии. По смирению своему он хочет «служить под моим руководством», и я рад был бы иметь его своим викарием, ибо епархия Туркестанская весьма обширна. Правда, можно ожидать, что здешнее духовенство отнесется к нему высокомерно, но об уместности назначения преосв. Мелхиседека в Туркестанскую епархию предоставляю судить Вашему Высокопреосвященству. Всего более нуждается в викарном епископе Полторацк (Асхабад), но там трудно пришлось бы преосв[ященному] Мелхиседеку, ибо обновленчество пустило там корни весьма широко; там нужен был бы более авторитетный епископ. Думаю, что легче и лучше было бы еп[ископу] Мелхиседеку в Аулиэ-Ата (ныне г. Тараз в Казахстане – Р.Д., Е.А.), хотя настоятельной надобности в удержании там викариата не вижу⁴³.

Поездка в Нижний Новгород завершилась для владыки Мелхиседека благопо-

лучно. Сначала резолюцией митрополита Сергия от 21 мая 1926 года с него было снято запрещение:

Ввиду того, что запрещенные Еп[ископом] Сергием ар[химандрит] Мелхиседек, [иеромонах] Александр и др. не признавали его не из любоначала, а по искреннему опасению потерять чистоту православия, при чем Еп[ископ] Сергий, произведший смущение совести православных[,] не принял с своей стороны мер к успокоению их, признать запрещение наложенным неправильно и потому отменить (I Всел[енского Собора правило] 5; Антиох[ийского Собора правило] 6)⁴⁴.

Затем было признано архиерейство владыки Мелхиседека. Примерно в это же время он получил назначение на Уразовскую викарную кафедру Воронежской епархии⁴⁵. Судя по тому, что его кафедра должна была находиться в слободе Уразово Валуйского уезда Воронежской губернии, владыка стал архиереем небольшого сельского викариатства в Центральной России. Сведений о его вступлении в управление Уразовской епархией нет.

Викарный епископ Пишпекский и Семиреченский (1926–1929)

30 октября 1926 года владыка Мелхиседек был переведен в Среднюю Азию и назначен епископом Пишпекским и Семиреченским, викарием Ташкентской епархии⁴⁶. Пишпекским викариатством он управлял до 1929 года. Где проживал владыка в течение этих трех лет – в Пишпеке (с 1926 года – Фрунзе), в Ташкенте или еще где-то – точно выяснить не удалось. Первое известное свидетельство о посещении епископом Мелхиседеком своего кафедрального города оставил обновленческий митрополит Александр Введенский, объехавший весной–осенью 1927 года почти весь Среднеазиатский регион в рамках «благовестнического» и отчасти инспекционного турне. В том же году, выступая перед московской обновленческой аудиторией, Введенский подробно рассказал о своем посещении города Фрунзе. Основное повествование он посвятил переходу в ведение обновленческого Синода общины городского Никольского собора во главе с настоятелем священником Пономаревым. Завершая повествование об этом событии, Введенский упомянул епископа Мелхиседека:

Интересно здесь то, что с тем же поездом, с которым приехал [во Фрунзе – Р.Д., Е.О.] и я, прибыл тихоновский епископ Мельхиседек, поставленный бродячими тихоновскими архиереями. Сюда он приехал для того, чтобы сделать священника Пономарева полномочным благочинным всей северной Азии. И он видит дикое зрелище. Тот, которому он хотел вернуть все бразды правления, переходит в ведение Св. Синода⁴⁷.

Если доверять информации Введенского, то надо признать, что весной–летом 1927 года в первый или в очередной раз посетив свой кафедральный город, епископ Мелхиседек не только обнаружил здесь вояжирующего обновленческого митрополита, но и стал свидетелем перехода к раскольникам кого-то из духовенства, а возможно, и всей общины Никольского храма.

Назначение епископа Мелхиседека на должность епископа Семиреченского предполагало значительную зону канонической ответственности, включавшую в себя бывшую Семиреченскую область, разделенную в начале 1920-х годов между Казахской автономной республикой (Семиреченская область с 1922 года именовалась «Джетысуйская») и Кара-Киргизской автономной республикой. Скорее всего, уездный Фрунзе, получивший статус республиканской столицы, был избран для нового Семиреченского викариата в качестве кафедрального города взамен Верного/Алма-Аты, куда с осени 1918-го до 1927 года ни один из епископов Семиреченских не прибыл. Последний архиерей, который носил этот титул, – епископ Сергей Лавров, возглавил викариатство, находясь в Ташкенте. В 1926 году он был запрещен в служении и Алма-Ату так и не посетил. За эти годы обновленчество здесь так же широко пустило корни, как и в прикаспийском Ашхабаде. Еще в августе 1923 года в Алма-Ате прошел съезд, на котором городское и пригородное духовенство полным составом признало над собой власть обновленческого Временного церковного управления; в том же году здесь была учреждена обновленческая Джетысуйская кафедра. К 1925 году, как сообщается в сводке ГПУ, в Джетысуйской области было 80 обновленческих и всего 5 староцерковных приходов⁴⁸. У тех, кто сохранил верность Патриарху Тихону, в Алма-Ате не осталось ни одной церкви. Поэтому, видимо, викариатскую кафедру пришлось разместить в Пишпекке. Но к середине 1927 года, с переходом клира Никольского храма в обновленчество, не осталось «тихоновских» церквей и во Фрунзе, и староцерковное духовенство было вынуждено служить по частным домам вплоть до середины 1940-х годов.

1 сентября 1927 года на Алма-Атинскую кафедру, бывшую до тех пор викариатом, митрополит Сергей (Страгородский) назначил епископа Льва (Черепанова), которому был присвоен титул «Алма-Атинский и Семиреченский». Вслед за этим произошло выделение Алма-Атинской епархии из Ташкентской, в связи с чем Пишпекское викариатство не позднее 12 октября того же года перешло в ведение самостоятельной Алма-Атинской епархии. Территория викариатства при этом сократилась до Чуйской и Иссык-Кульской долин Киргизии.

В целях организации легального управления Пишпекским викариатством 10 февраля 1928 года епископ Лев обратился в областной комиссариат НКВД Киргизской АССР⁴⁹ с заявлением:

Указом и<сполняющего> д<олжность> Местоблюстителя Патриаршего Престола, Митрополита Нижегородского Сергия, от 1 Сентября 1927 года за № 137, я назначен Епископом Алма-Атинским и Семиреченским <...> В ведении моем <...> находятся уезды (Пишпекский) Фрунзенский и Кара-Кольский Кара-Киргизской республики, поэтому считаю нужным просить Адм[инистративный] отдел Обл[астного] Нарком[ата] Вну[тренних] дел Кара-Киргизской республики зарегистрировать меня, как епархиального епископа Семиреченского (Джетысуйского) и моего викария, Епископа Мелхиседека Аверченко, как Епископа Пишпекского. Епископ Мелхиседек назначен указом и<сполняющего> д<олжность> местоблюстителя, митрополита Сергия Нижегородского от 12 октября 1927 г. за № 502.

О результате настоящего заявления моего прошу уведомить меня через вышеупомянутого епископа Мелхиседека Аверченко.

Копию указа моего в случае надобности могу прислать из г. Алма-Ата. Копию указа епископа Мелхиседека последний предоставит особо при своем заявлении⁵⁰.

В регистрации на территории Киргизии епископу Льву отказали, передав его заявление из Фрунзе в Жетысуйский административный отдел НКВД с просьбой «объяснить ему, что Нарком внут[ренних] дел Киргизской АССР регистрировать его не может»⁵¹. На этом документе есть резолюция от 25 апреля 1928 года, предписывающая объявить епископу Льву, что он, «как адм[инистративно] ссыльный, не имеет права выезжать за пределы г. Алма-Ата и, следовательно, регистрация на предмет распространения [его] деятельности за пределы А[лма]-Аты отпадает»⁵².

Неизвестно, удалось ли епископу Мелхиседеку легализовать свою деятельность на территории Фрунзенского и Каракольского кантонов. Ясно только, что раз он мог представить свое заявление в областной комиссариат НКВД лично, значит, в 1928 году проживал в пределах своего викариатства – во Фрунзе или где-то рядом. Известно также, что управлял владыка своей епархией усердно, так как его активность в тот год не осталась незамеченной.

9 сентября 1928 года из Секретариата ВКП(б) Фрунзенского кантонного комитета был отправлен циркуляр по волостным комитетам и партийным ячейкам. В этом документе сообщалось об усилении религиозной работы, «проводимой попами», и приводилось несколько фактов такой работы, на которые «партийные организации не обратили внимания и не приняли нужных мер к предотвращению»⁵³.

Из перечисленных в циркуляре событий церковной жизни для нас важны два. Во-первых, партийные функционеры сообщали, что «в ряде селений в августе месяце проезжал архиерей и всюду, где он проезжал, устраивались торжественные встречи и собирали с крестьян яйца, масло, мясо и др. продукты»⁵⁴. Сообщение это относится к представителю староцерковного духовенства, а значит, к епископу Мелхиседеку. Никто из фрунзенских викариев обновленческой Жетысуйской епархии⁵⁵ не мог пользоваться у верующих большим уважением. Приезд обновленческих ставленников не вызвал бы такого энтузиазма со стороны верующих и такой отрицательной реакции областных партийных властей. О том же, что епископ Мелхиседек действительно объезжал приходы своего викариатства, свидетельствует фотография 1928 года, на которой на фоне сельского пейзажа изображен архиерей с певчими Семиречья⁵⁶. Имя архиерея в архивном описании этой фотографии не указано, но внешнее сходство его с епископом Мелхиседеком, изображенным на тюремной фотографии 1933 года⁵⁷, не вызывает сомнений.

О втором событии, которое можно связать с деятельностью епископа Мелхиседека, сообщается тем же кантонным секретариатом в таком же негативном контексте:

В селении Алексеевка попами проведен торжественный съезд попов, где постановлено усиленно развивать религиозную работу среди населения⁵⁸.

Этот съезд был собранием староцерковного духовенства, поскольку обновленческие благочиннические съезды проходили в республике достаточно регулярно. Как и повсюду, они собирались с ведома властей и потому не могли расцениваться ими как факты, к предотвращению которых надо было принимать меры.

Для проведения организационных мероприятий вроде этого собрания сто-

ронникам Патриаршей Церкви в то время нужна была большая смелость, которой владыка Мелхиседек, несомненно, обладал. Это следует из его отношения к вопросу о созыве Всероссийского православного собора. На допросе в 1933 году владыка рассказывал:

На запрос митрополита Сергия о созыве Всероссийского Собора в 1928 году я написал доклад, в котором высказал свое соображение о приглашении на собор всех священнослужителей, находящихся в ссылке, в концлагерях и отбывающих наказание за антисоветскую и контрреволюционную деятельность. Эту мысль меня заставили высказать те обстоятельства, что в то время большинство лучших, преданных делу православной церкви епископов и священников староцерковной ориентации советской властью были репрессированы... Ввиду этого я опасался, что полного кворума нам на Собор не собрать⁵⁹.

В декабре 1928 года епископ Мелхиседек рукоположил во иеродиакона Успенской церкви ташкентского Свято-Никольского женского монастыря Антония (Кищенко)⁶⁰.

Активность Пишпекского епископа вызвала раздражение и туркестанских обновленцев. На их епархиальном съезде, проходившем в Ташкенте примерно в декабре 1928 года, владыку Мелхиседека упомянул в своей речи обновленческий митрополит Иоанн (Звёздкин):

Беловодский Округ. Необходимо разделение на 2 благочиния. Одному благочинному трудно. 18 церквей, из них 11 сгруппированы, а 7 – на большом протяжении (500 в[ерст]). Кроме того, там шумит еп[ископ] Мелхиседек (Тихоновщина). Прошу съезд подтвердить о скорейшем разделении Округа Беловодского на 2 благочиния до 1 января с[его] г[ода] о чем уведомить обоих священников – Севицкого и Алексеева⁶¹.

Беловодский округ, где «шумел» епископ Мелхиседек, – это благочиние на территории северной Киргизии и, возможно, южного Казахстана, находившееся в подчинении ташкентских обновленческих архиереев.

Речь обновленческого митрополита Иоанна является последним доступным документом за «пишпекский» период служения епископа Мелхиседека.

Служение в Ташкенте (1929–1931)

В 1929 году владыке пришлось по каким-то причинам покинуть свое викариатство. В октябре этого года на заседании Временного Патриаршего Синода был заслушан доклад митрополита Туркестанского Никандра (Феноменова), в котором сообщалось:

Преосвященный Пишпекский Мелхиседек находится в пределах Туркестано-Ташкентской митрополии и уже долгое время отсутствует в своей епархии, почему митрополит Никандр полагал бы полезным как для блага Церкви, так и самого Преосвященного Пишпекского освободить последнего от управления Пишпекской кафедрой и назначить его в распоряжение Митрополита Туркестанского, которому надлежит дать Преосвященному Мелхиседеку соответствующее назначение по своему усмотрению⁶².

30 октября 1929 года постановлением Синода епископ Мелхиседек, «преосвященный Пишпекский, викарий Алма-Атинской (Верненской) епархии», был освобожден от управления викариатством и направлен в распоряжение Ташкентского митрополита⁶³.

Причины, по которым владыка Мелхиседек оказался за штатом, в ведении архиерея чужой епархии, неизвестны. Во всех опубликованных его биографиях указывается без ссылки на источник, что с 17 октября 1929 года он находился в заключении. Но в анкете, заполненной 12 июня 1933 года Уполномоченным ОГПУ Шапошниковым, в графе 12 «Сведения о судимости, о нахождении под следствием (до Октябрьской революции)» указано, что прежде епископ «не арестовывался» и судимостей не имел⁶⁴.

Возможно, в 1929 году не было ни ареста, ни судимости – его могли просто выслать из Фрунзе как административно-ссылного с предписанием проживать в Ташкенте, из-за чего он вынужденно находился вне пределов своей епархии. Сам епископ Мелхиседек во время допроса от 3 февраля 1933 года об аресте не упомянул, сообщив: «с 1929 до 1931 года в связи с отсутствием вакантных должностей я находился за штатом и жил в Ташкенте»⁶⁵.

На том же допросе он рассказал:

По моей инициативе церковным советом и верующими моего прихода в Ташкенте было написано прошение об освобождении епископа Войно-Ясенецкого... все приходы писали прошения и собирали подписи о его освобождении, такую же инициативу в своем приходе и я проявил. <...> По приглашению мне очень часто приходилось ходить по дворам верующих, совершать религиозные обряды, я вел с ними частные беседы и индивидуальную обработку, убеждал их в том, чтобы они не забывали [Б]ога, ходили в церковь, молились [Б]огу и не слушали атеистов-безбожников, <...> к которым отношу членов союза воинствующих безбожников, ведущих борьбу с религией и православной церковью, с методами их борьбы я не согласен и рассматриваю эти методы как кощунство и гонение на православную церковь⁶⁶.

Опубликованные в книге Анатолия Лобашева выдержки из протокола допроса владыки Мелхиседека не дают точного представления, о каком времени и о каком аресте епископа Луки идет речь. Их можно отнести к событиям 1923 года, когда епископ (тогда еще иеромонах) Мелхиседек, хоть и служил постоянно в церкви Черняевского поселка, но окормлял и ташкентских верующих. Ничто не препятствует также датировать 1930 годом эпизод с ходатайством об освобождении владыки Луки из-под ареста, так как, проживая в это время в Ташкенте как заштатный архиерей, епископ Мелхиседек действительно служил на приходе. Это следует из сообщения Надежды Григорьевны Тремсиной (Козулиной), которое включил в свою неопубликованную книгу Владимир Заславский. Надежда Григорьевна рассказала Заславскому об Успенской церкви ликвидированного в 1923 году Ташкентского Никольского монастыря по Куйлюкскому шоссе, которая сохранилась до начала 1930-х годов в качестве приходского храма (пунктуация и стилистика оригинала сохранены):

Я прочла Вашу статью в журнале и про владыку Мелхиседека. Он ведь жил во времянке двора храма и служил в церкви, а еще была времянка, где жили очень старые монахини: Паисия, Анна, Амвросия и Иоанникия. Матушка Иоанникия пекла просфоры, звонила и сторожила. По праздникам служить приезжал владыка Лука. Вот как его люди встречали, никогда не забыть. Из фаэтона он спускался у моста, и люди по двум сторонам стояли до храма, очень любили и почитали владыку. Народ с города приходили молиться, говорят, храм всегда был полон.

Храм еще действовал, в котором служил епископ Лука, его посадили, стал служить епископ Мелхиседек, живя несколько лет при храме во дворе в сакле, можно назвать мазанкой. Когда Мелхиседека арестовали с этой церкви, храм еще действовал и там служил о. Филипп Кальченко. После закрытия храма старых монахинь забрали в город добрые люди и досмотрели-докормили и похоронили⁶⁷.

Действительно, хотя епископ Лука находился тогда за штатом, он нередко служил в этой церкви с лета 1929 года. Прихожане Куйлюкского храма владыку Луку хорошо знали и очень любили. Именно здесь, после его ареста 6 мая 1930 года, по инициативе епископа Мелхиседека могло быть написано прошение о его освобождении.

Епископ Челябинский (1931–1932)

Летом 1931 года епископ Мелхиседек вернулся к архиерейскому служению. Сведения о его новом титуле противоречивы. Согласно одним источникам, он был назначен на Троицкую викарную кафедру в город Троицк Челябинской области⁶⁸, по другим – «управляющим Челябинской епархией»⁶⁹, и 11 августа того же года стал епископом Челябинским и Троицким.

События из истории Троицкой епархии этого времени делают факт назначения на викарную Троицкую кафедру невозможным.

Троицкое викариатство было закрыто 27 апреля 1928 года определением Св. Патриаршего Синода с целью «лучшей постановки дел в епархии и для объединения ее», предполагалось «сосредоточить управление в руках одного епископа». Челябинскому архиерею присваивался титул «Челябинского и Троицкого» с правом, «по усмотрению местной пользы, проживать в Троицке, но с обязательством посещать Челябинск для служения, по крайней мере, один раз в месяц». Арестованного в сентябре 1928 года епископа Назария, обвиненного в контрреволюционной деятельности, сменил епископ Мелхиседек⁷⁰.

Без епископа Мелхиседека в истории Челябинской епархии в списке архиереев возникает лакуна. Епископ Челябинский Павел (Павловский) был арестован 11 августа 1931 года, а следующий за ним епископ Фостирий (Максимовский) был назначен на Челябинскую кафедру в 1933 году и в том же году отказался от нее. Пробел в хронологии полностью совпадает с периодом пребывания владыки Мелхиседека в городе Троицке. Так что титул Челябинского архиерея кажется наиболее вероятным. Именно так именует его Лобашев, а это значит, что с этим титулом владыка упоминается в материалах следственного дела 1933 года.

Тем не менее, надо учитывать сообщение некоторых биографов, что владыка Мелхиседек, проживая «по-прежнему в Троицке, с конца 1931 года носил титул епископа Курганского»⁷¹, а значит, стал викарием Tobольской и Сибирской епархии. Назначение это могло состояться не ранее октября 1931 года, так как с августа 1930-го до 23 октября 1931 года эту кафедру занимал епископ Иоанн (Братолюбов). В принципе, возможны оба варианта: с титулом Курганского викария владыка мог быть временным управляющим Челябинской епархией. Его слова на допросе: «С 1931 года служу в Троицке на должности епископа Челябинской епархии тихоновской ориентации, куда входят Челябинский, Троицкий, Кустанайский округа»⁷², – не исключают такого понимания. Все эти гипотезы требуют дальнейших исследований на основе новых документов.

В 1932 году епископ Мелхиседек служил в Александро-Невской церкви Троицка. На вопрос следователя о количестве подчиненных ему церковью владыка ответил:

Сколько точно сейчас действующих приходов, я сказать не могу, потому что учет совершенно отсутствует, так как приходы и храмы, в силу переобложения налогами, закрываются... переоблагаются налогами и священнослужители, которые бросают службу и переезжают с одного места на другое⁷³.

Одним из таких священников был протоиерей Тихон Костенко, который после закрытия в 1932 году последнего храма в Кустанае обратился к епископу Мелхиседеку за назначением. Владыка поставил его благочинным Троицкого округа и настоятелем троицкой Александро-Невской церкви⁷⁴, в которой после ареста священников Иоанна Ермилова и Сергия Сурмиевича не хватало священнослужителей. В том же 1932 году, после года принудительных работ, появился в клире Александро-Невской церкви иеромонах Василий (Новиков) из Подовинского района Челябинской области. Так владыка Мелхиседек собирал из соседних с Троицком областей духовенство, оставшееся без места служения.

Арест и приговор (1932–1933)

Все сведения о последних годах жизни владыки, о его аресте и судьбе после вынесения приговора известны только из упомянутого выше труда Лобашева, несколько параграфов которого основаны на материалах следственного дела № 4547 «Дело епископа Мелхиседека (Аверченко), священников и мирян г. Троицка. Челябинская область, город Троицк, 1933 год». Это дело против клира, монахинь и прихожан Александро-Невской церкви, арестованных в начале 1933 года, было сфабриковано за два месяца усилиями следователя Мальцева, известного «по многим антицерковным делам»⁷⁵.

В хрестоматийных биографиях епископа Мелхиседека сообщается, что он был арестован 19 ноября 1932 года⁷⁶. Если это так, то после этого ареста его сразу отпустили. Это видно из показаний, собранных следователем Мальцевым. В основание

своего обвинения он положил разговоры подследственных, которые происходили в декабре 1932 года на обеде у владыки Мелхиседека. Согласно Книге памяти Челябинской области и монографии Лобашева, основанной на одном источнике, арест был произведен 3 февраля 1932 года. Разночтения в датах можно объяснить тем, что следствие по делу владыки Мелхиседека велось с нарушением процессуальных норм и правил делопроизводства. Следователь Мальцев очень спешил, допросил подследственных по одному-два раза и уже в феврале отчитывался «о раскрытии очередной антисоветской контрреволюционной группировки во главе с епископом Мелхиседеком»⁷⁷.

Владыку допросили в день ареста, 3 февраля. Выше уже цитировались показания, которые епископ Мелхиседек давал на этом допросе, – все они характеризуют его как человека открытого, прямого, искреннего и твердо уверенного в своей правоте. Владыка довольно подробно отвечал на вопросы следователя, рассказывая о своем служении, о приходских событиях, о церковной политике; случаев показаний в отношении других лиц Лобашев не приводит. Все, что рассказывал владыка, – обычные сведения о жизни священнослужителя, которые, даже по советским меркам, не содержали никакого криминала. Но именно эти показания, особым образом прокомментированные и отредактированные следователем Мальцевым, легли в основание его заключения как доказательство контрреволюционной деятельности епископа. А. Лобашев приводит примеры такого извращения слов владыки Мелхиседека:

Просьба об освобождении епископа [Луки – РД., Е.О.] называется «постановлением общины с требованием к органам власти о немедленном освобождении Войно-Ясенецкого». При этом указывается как главный аргумент антисоветской деятельности, что епископ якобы постоянно говорил верующим о выступлении харьковских рабочих, добившихся освобождения своего митрополита. В докладе митрополиту Сергию «Аверченко настойчиво требовал перед верховным синодом освобождения всех заключенных... тем самым высказывался против проводимой политики правительством в борьбе с классово чуждым враждебным и контрреволюционным элементом»⁷⁸.

Прочитируем и другие места из этого документа. Несмотря на антицерковную риторику и безграмотные умозаключения следователя, его обвинения помогают составить представление о служении, характере, убеждениях и некоторых высказываниях владыки Мелхиседека и его паствы⁷⁹.

Из обвинительного заключения по делу № 4547:

...Группа лиц антисоветского элемента в составе епископа тихоновской ориентации АВЕРЧЕНКО, священников тихоновской ориентации КОСТЕНКО и НОВИКОВА, монашек ВИНОКУРОВОЙ, ПИРОЖНИКОВОЙ, ВОЛКОВОЙ и КУЛИКОВОЙ, председателя церковного совета УСЕНКО, церковного старосты РЕМЕЗОВА и верующих ЖЕЛЕЗНЯКОВА и ЖЕЛЕЗНЯКОВОЙ, преследуя цель противодействия проводимым хозяйственно-политическим кампаниям, борьбы с советской властью и укрепления религии, <...> начали формировать весь антисоветский элемент города, собирать и проводить нелегальные собрания, на которых вели разговоры против существующего советского строя и проводимых мероприятий. <...>

...Они систематически занимались умышленным нарушением декрета правительства об

отделении церкви от государства, скрыто производили незаконную торговлю горным маслом и свечами в церкви, продавая последнее в неограниченном количестве и кому угодно, вырученные деньги от торговли расходовали в личных целях на содержание церкви и причта. <...>

...В декабре 1932 года Старосельцева, высказывая недовольство советской властью, говорила: «Меня сельский совет раскулачил и намечал к выселению, в силу чего мне пришлось переехать в Троицк, но и в городе жить очень трудно, хлеба нет, а работу не дают». На что АВЕРЧЕНКО ответил: «Времена настали трудные, нужно молиться и вместе с Богом переживать все тяжести».

На обеде у епископа АВЕРЧЕНКО в декабре 1932 года Усенко, высказывая свое недовольство на советскую власть, говорил: «Жить сейчас стало невозможно: все берут и дерут, видимо, конца-края этому не будет. На меня наложили 2 центнера хлеба, а у меня его нет, выполнять план нечем, видимо, придется сидеть в тюрьме». На что АВЕРЧЕНКО также ответил: «Времена настали тяжелые, и нам нужно терпеть, так же, как терпел Иисус Христос гонение от фарисеев, и за наше терпение Господь Бог скоро пошлет нам свободную жизнь». <...>

АВЕРЧЕНКО и КОСТЕНКО, беседуя в церковной сторожке о постановлении правительства по вопросу колхозной торговли, АВЕРЧЕНКО сказал: «Если это постановление проведут в жизнь, тогда будет хорошо, но я сомневаюсь в этом, потому что хороших постановлений выносится очень много, но большинство в жизнь не проводится». <...>

...Эта группа сеяла религиозный фанатизм и восстанавливала против власти не только взрослое население, даже и детей. Они привлекали и эксплуатировали во время архиерейской службы мальчиков школьного возраста в количестве 12 человек. <...> Во время службы одевали их в специальную одежду – стихари и заставляли их носить подсвечники, кадило и другие церковные принадлежности, за что они этим мальчикам платили по 5 р. в месяц каждому. *Та среда и обстановка, в которой находились во время службы дети, действовала на них разлагающе и укрепляла веру в религию и церковь...* Большинство этих мальчиков учился в школах, и после религиозной обстановки придя в школу, они безусловно делились своими впечатлениями с другими детьми, чем действовали отрицательно на остальных учащихся...⁸⁰.

22 апреля 1933 года судебным решением Особого совещания при Коллегии ОГПУ епископ Мелхиседек был осужден по статьям 58-11 (контрреволюционная деятельность), 122 (преподавание малолетним или несовершеннолетним религиозных вероучений в государственных или частных учебных заведениях и школах или с нарушением установленных для этого правил), 123 (совершение обманных действий с целью возбуждения суеверия в массах населения, для извлечения таким путем каких-либо выгод) УК РСФСР⁸¹. По поводу обвинения в нелегальной торговле маслом и свечами, включенного в обвинительное заключение, последовало решение помощника областного прокурора: «Ст. 107 УК исключить, т.к. продажа горного масла и свечей разрешена»⁸².

Епископа Мелхиседека приговорили к пяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере и отправили в Новосибирск для дальнейшего этапирования в лагерь. Однако в Сиблаг владыка не попал. 1 июля 1933 года его спецконвоем отправили во Фрунзе, а затем – в Ташкент, где 23 октября 1933 года в Среднеазиатском представительстве ОГПУ на него было заведено новое дело. В тот же день «тройкой» при ПП ОГПУ по Средней Азии приговор был пересмотрен в сторону увеличения срока заключения до десяти лет.

Других сведений о его судьбе нет. ГПУ по Уралу посылало телеграммы во Фрунзе и в Ташкент, пытаясь выяснить «результаты по новому делу на Аверченко», но

получило лишь выписку из решения «тройки»⁸³. Скорее всего, епископ Мелхиседек скончался в Ташкентской тюрьме, на этапе или в лагере.

Исследование жизненного пути владыки Мелхиседека, несомненно, требует продолжения: много осталось лакун, вопросов, много гипотез требуют документального подтверждения. Но и на данном этапе, пристально рассмотрев биографию епископа Мелхиседека, можно утверждать, что вклад его в сохранение и утверждение православия был немалым. Находясь постоянно под угрозой ареста, он до последних дней своего служения оставался верным законной иерархии, помогал ссыльному духовенству, собирал под свой омофор и поддерживал «староцерковников», оказавшихся без архиерейского окормления, ограждал их от обновленцев, совершая тем самым настоящий исповеднический подвиг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Заславский В.Б. По смирению своему // ВС. Ташкент, 2001. Вып. I. С. 117–120; Озмитель Е.Е. Роль «первого епископа Киргизии» Мелхиседека (Аверченко) в жизни Туркестанской епархии в 1920-х гг. // Вестник Кыргызско-Славянского Российского университета. 2014. Т. 14. № 11. С. 64–67; <Б.а.> Мелхиседек // Православная энциклопедия. Т. 44. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2016. С. 627–628.

² Цит. по: Лобашев А. «Верю побеждали!..»: Книга о духовном подвиге православных южноуральцев. – Челябинск: Имидж-2, 2007. С. 120.

³ См.: Мануил (Лемешевский), митр. Каталог русских архиереев-обновленцев. Материалы для «Словаря русских архиереев-обновленцев» (1922–1944) // «Обновленческий» раскол. (М-лы для церковно-исторической и канонической характеристики): / Сост. И.В. Соловьев. – М.: О-во любителей церковной истории; Крутицкое Патриаршее подворье, 2002. С. 819.

⁴ Национальный архив Республики Узбекистан (НА РУз). Ф. И-961. Оп. 1. Д. 873. Л. 503.

⁵ НА РУз. Ф. И-961. Оп. 1. Д. 1195. Л. 343.

⁶ НА РУз. Ф. И-961. Оп. 1. Д. 1195. Л. 341.

⁷ НА РУз. Ф. И-961. Оп. 1. Д. 1195. Л. 340.

⁸ Рассматривая эту гипотезу, следует учитывать тот факт, что имени Михаила Аверченко нет в списках выпускников Гомельского духовного училища за 1890–1907 годы, опубликованных на сайте А.А. Бовкало (Могилевская епархия. Выпускники Гомельского духовного училища. 1893–1901, 1903–1915 гг. URL: <http://petergen.com/bovkalov/duhov/homeldu.html>).

⁹ Один из настоятелей Исык-Кульского монастыря – архимандрит Порфирий (Муковозов), казначей – иеромонах Арсений, благочинный – иеромонах Феогност (Пивоваров), а также иеромонахи Мелетий (Голоколов), Серафим (Богословский) и Анатолий (Смирнов) (НА РУз. Ф. И-961. Оп. 1. Д. 873. Л. 492–495, 503).

¹⁰ Туркестанские епархиальные ведомости (ТЕВ). 1909. № 3–4. С. 102–103.

¹¹ НА РУз. Ф. И-961. Оп. 1. Д. 873. Л. 503об.; Д. 1195. Л. 343; ТЕВ. 1906. № 1. С. 7; 1907. № 18. С. 92.

¹² НА РУз. Ф. И-961. Оп. 1. Д. 1195. Л. 343–343об.

¹³ ТЕВ. 1915. № 4. С. 21.

¹⁴ Лобашев А. Указ. соч. С. 120.

¹⁵ Ирнарх (Шемановский), архимандрит. Дневник о разгроме Исык-Кульского монастыря // ВС. 2016. № 1–2 (XL). С. 37.

¹⁶ Там же. С. 41–42.

¹⁷ Там же. С. 20–21.

¹⁸ См.: Ходаковская О.И. «Как мелко, глупо то, чего я домогался...» Взлеты и падения епископа Сергия (Лаврова) // ВС. 2016. № 1–2 (XL). С. 194.

¹⁹ Шемановский [И.] Отцы пустынно- и жены непорочны // Вестник Семиреченского трудового народа. 1919. № 13 (от 21 января). С. 3.

²⁰ Лобашев А. Указ. соч. С. 120.

²¹ Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп. «Я полюбил страдание...»: автобиография. – М: Русский хронограф, 1995. С. 37.

²² Лисичкин В.А. Крестный путь святителя Луки. Подлинные документы из архивов КГБ. – М.: «Троицкое слово». Издательство Московской Патриархии. «Феникс». 2001. С. 317. Иосиф Стороженко упоминается как диакон несколько раз в документах 1923 года, связанных с историей староцерковного духовенства Туркестанской епархии. Летом 1923 года – священник, служил в Благовещенской вокзальной церкви; за ним была установлена слежка и принято решение о высылке из Ташкента. Других сведений о нем не обнаружено.

²³ Там же. С. 388.

²⁴ Архив Санкт-Петербургской епархии (АСПБЕ). Ф. 2. Д. 94. Л. 68.

²⁵ В кн.: Заславский В.Б. По смирению своему... С. 118.

²⁶ См.: Зимица Н.П. Иоанниты // Православная энциклопедия. Т. 25. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2004. С. 127–139.

²⁷ В кн.: *Заславский В.Б.* Пострадавшие за веру православную в Ташкентской епархии // Вестник ПСТГУ. Серия II. 2006. Вып. 3 (20). С. 120.

²⁸ *Архимандрит Серафим* (Иван Васильевич Черствов, 1870 – после 1944), в первой пол. 1920-х гг. – иеромонах Ташкентской епархии, служил в церкви с. Суплатово Чимкентского уезда Сыр-Дарьинской губ. (ныне с. Каскасу Толебийского р-на Южно-Казахстанской обл. Казахстана), проживал также в Ташкенте, где окормлял тайную монашескую женскую общину; в 1925 г. арестован в Ташкенте и приговорен к трем годам ИТЛ. После 1927 г. принадлежал к «непоминающим» из числа сторонников митрополита Иосифа (Петровых), судим трижды – в 1928, 1932 и 1944 гг.

²⁹ Диякон Алексей Рузанов до 1923 г. служил в Иосифо-Георгиевском соборе Ташкента.

³⁰ АСПБЕ Ф. 2. Д. 94. Л. 59.

³¹ См.: <Б.а.> Мелхиседек // Православная энциклопедия... С. 627; *Заславский В.Б.* Пострадавшие за веру... С. 121.

³² См.: *Мануил (Лемешевский)*, митр. Указ. соч. С. 819.

³³ См.: *Заславский В.Б.* Пострадавшие за веру... С. 119–123.

³⁴ *Мануил (Лемешевский)*, митр. Указ. соч. С. 819.

³⁵ НА РУз. Ф. И-961. Оп. 1. Д. 1195. Л. боб.-8, 10об.

³⁶ «Я хочу принадлежать только Св. Церкви». Священномученик Андрей, архиепископ Уфимский. Труды, обращения, проповеди, письма, документы / Сост. И.И. Осипова, Л.Е. Сикорская. – М.: Братонез, 2012. С. 13.

³⁷ См.: *Зеленогорский М.Л.* Жизнь и труды архиепископа Андрея (князя Ухтомского). Изд. 2-е, доп. – М.: Мосты культуры, 2011. С. 91–94.

³⁸ См.: *Зимица Н.П.* Уфимская автокефальная епархия «непоминающих» андреевского течения: история, иерархия, ликвидация (1927–1938) // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2013. № 23. С. 200.

³⁹ В кн.: *Константиновский В.С.* Православие и епископ Андрей, бывший князь Ухтомский. – Уфа: Октябрьский натиск, 1926. С. 20.

⁴⁰ См.: *Ходаковская О.И.* Указ. соч. С. 19–21.

⁴¹ Священномученик Нектарий, епископ Яранский. Его приходы и паства в Вятской губернии. Жизнеописание и документы / Сост. Л.Е. Сикорская. – М.: Братонез, 2016. С. 444.

⁴² В кн.: *Зеленогорский М.Л.* Указ. соч. С. 177.

⁴³ НА РУз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 38. Л. 8–8об.

⁴⁴ Там же. Л. 9.

⁴⁵ См.: <Б.а.> Мелхиседек... С. 628.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ *Введенский А.*, митр. По Средней Азии // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 9–10 (22–23). С. 15.

⁴⁸ Государственный архив Алматинской обл. (ГААО). Ф. 489. Оп. 2. Д. 1.

⁴⁹ Имеется в виду Киргизская Автономная Социалистическая Советская Республика, преобразованная из Кара-Киргизской автономной области и существовавшая в составе РСФСР в 1926–1936 гг. В заявлении еп. Льва упоминается неточно как Кара-Киргизская республика.

⁵⁰ ГААО. Ф. 483. Оп. 2. Д. 41. Л. 44–45.

⁵¹ Там же. Л. 43.

⁵² Там же.

⁵³ Центральный государственный архив политической документации Киргизской Республики (ЦГАПД КР). Ф. 10. Оп. 1. Д. 181. Л. 177–178.

⁵⁴ Там же. Л. 177.

⁵⁵ В 1928 г. фрунзенских викариев обновленческой Джетысуйской епархии было двое: во-первых, чрезвычайно непопулярный Зосима (Александр Сидоровский, назначен 27.04.1926 г., кафедра – в Серафимовской церкви г. Фрунзе. 01.02.1927 г. Синодом разрешено архиерейское служение на занимаемом месте, с 1928 г. викариатством не управлял); во-вторых, Аристарх Николаевский, занимавший кафедру в 1928–1930 гг.

⁵⁶ Центральный государственный архив кинофотодокументов Кыргызской Республики. 5-8/Я1.

⁵⁷ Эта единственная известная нам подписанная фотография владыки Мелхиседека опубликована в кн.: *Лобашев А.* Указ. соч. С. 120. В карточке на епископа Мелхиседека из электронной «Книги памяти жертв репрессий» на сайте Объединенного государственного архива Челябинской обл. (ОГА ЧО) URL: <https://archive74.ru/dbases/victim/index> (далее Книга памяти Челябинской обл.) в примечании есть упоминание о его фотографии от 23.10.1933. Эта дата совпадает с датой последней, ташкентской, репрессии еп. Мелхиседека. Скорее всего, речь идет о той же самой фотографии, которую опубликовал А. Лобашев, так как он в своем труде ссылается на тот же источник, что и сайт – ОГА ЧО. Ф. Р-467 (Управление ФСБ по Челябинской обл.). Оп. 3.

⁵⁸ ЦГА ПД КР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 181. Л. 177.

⁵⁹ В кн.: *Лобашев А.* Указ. соч. С. 121.

⁶⁰ Об этом свидетельствует заполненный в 1930 году «ставленнический допрос». В этом документе указано: «В сан Иеродиакона рукоположен в г. Фрунзе Семиреченской области, 15 декабря 1928 года, викарием Семиреченской области Епископом Мелхиседеком» (НА РУз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 75. Л. 5). *Иеромонах Антоний (Кищенко Анатолий Михайлович)* родился 21 апреля 1902 г. в семье крестьянина села Ширяево Ярославской губернии. Окончил четырехклассную приходскую школу в г. Самара. 15 декабря 1928 г. рукоположен в сан иеродиакона епископом Мелхиседеком (Аверченко) в г. Фрунзе, Киргизская ССР. В 1929–1930(?) гг. служил иеродиаконом в приходской Успенской церкви в поселке Куйлюк (Успенское) под Ташкентом. 18 октября 1930 г. рукоположен в сан иеромонаха митрополитом Никандром (Феноменовым) в Сергиевской церкви г. Ташкента. 2 сентября 1935 г. арестован в Алма-Ате.

⁶¹ НА РУз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 90. Л. 3об.

⁶² НА РУз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 68. Л. 4.

⁶³ Там же.

⁶⁴ ГКНБ КР. Архивная справка от 11.11.2012.

⁶⁵ Лобашев А. Указ соч. С. 120.

⁶⁶ Там же. С. 121.

⁶⁷ В кн.: Заславский В.Б. Православные храмы в епархии // К истории Туркестанской епархии. Очерк-летопись. Ч. 1. Кн. 2. Калуга, Б.г. (Рукопись). С. 130.

⁶⁸ См.: Епископы и епархии периода гонений на Церковь (1917–1955 гг.). (URL: [http://kuz1.pstbi.ccas.ru/cgi-bin/db.exe/ans/dp/?NYZ9E\]xGHoxITcKjC1Ze8UhLoRGI3F-EbuGs8ucteeUvru3fuXVeeujumpTJ230](http://kuz1.pstbi.ccas.ru/cgi-bin/db.exe/ans/dp/?NYZ9E]xGHoxITcKjC1Ze8UhLoRGI3F-EbuGs8ucteeUvru3fuXVeeujumpTJ230)).

⁶⁹ <Б.а.> Мелхиседек... С. 628.

⁷⁰ Королёва Е. История епархии // Сайт Троицкой и Южноуральской епархии. URL: <http://troitsk-eparchu.ru/history>

⁷¹ <Б.а.> Мелхиседек... С. 628. Скорее всего, единственный источник информации о том, что епископ Мелхиседек был Преосвященным Курганским, – все тот же каталог митрополита Мануила (*Мануил (Лемешевский)*), митр. Указ соч. С. 819).

⁷² Лобашев А. Указ соч. С. 120.

⁷³ Там же. С. 120–121.

⁷⁴ Там же. С. 125.

⁷⁵ Там же. С. 122.

⁷⁶ См.: <Б.а.> Мелхиседек... С. 628.

⁷⁷ Лобашев А. Указ соч. С. 120.

⁷⁸ Там же. С. 121.

⁷⁹ При цитировании сохранено форматирование, передающее, очевидно, специфику оригинального документа: особенности использования заглавных и строчных букв и выделение некоторых фраз курсивом. Отточия без скобок сделаны А. Лобашевым; отточия в угловых скобках (<...>) – авторами данной статьи.

⁸⁰ Там же. С. 122–124.

⁸¹ «Книга памяти Челябинской области» (см. примечание 57).

⁸² Лобашев А. Указ соч. С. 125. Однако в одном из источников статья 107 в приговоре епископа Мелхиседека присутствует («Книга памяти Челябинской области»).

⁸³ Все сведения об исполнении приговора, передвижениях владыки Мелхиседека и новом приговоре известны только из труда А. Лобашева (указ соч., с. 125) и «Книги памяти Челябинской области».

Юрий ФЛЫГИН

«Я не давал поводов считать меня врагом иноверцев»

Николай Остроумов и его взгляды на миссионерство в Туркестанском крае

Вопрос о взглядах на православное миссионерство крупнейшего востоковеда и исследователя Средней Азии Николая Петровича Остроумова (1846–1930) остается дискуссионным.

В дореволюционный период жупел «миссионерства» использовался для того, чтобы опорочить Остроумова и его просветительскую работу, посеять подозрения в отношении деятельности российской администрации в Туркестане по распространению русского образования и культуры. Причем эти обвинения обычно исходили не от местных мусульман, а от представителей некоренных мусульманских народов.

В 1900 году Остроумов писал известному мусульманскому деятелю, одному из авторов идеи пантюркизма Исмаилу Гаспринскому (1851–1914):

У меня в Ташкенте было несколько случаев, когда татары относились ко мне с каким-то подозрением, хотя в 23 года своей жизни и службы в Туркестанском крае я не давал поводов бояться меня и считать меня врагом иноверцев (напротив, я люблю иноверцев и тружусь для них иногда в ущерб своим обязанностям). Я всегда был веротерпим, а дурные проявления фанатизма и невежества открыто называю своим именем¹.

Уже на склоне лет Остроумов в дневнике писал о своей педагогической работе:

Особенно я был осторожен в отношении религиозных верований учащихся мусульман, и тем не менее, татары меня считали миссионером в буквальном смысле слова².

В советское время обвинения Остроумова в миссионерстве вполне укладывались в русло атеистической пропаганды. Выдающегося просветителя относили «к черносотенно-монархическому и реакционному лагерю, поддерживаемому правительством и церковью, [участниками которого были] активные деятели колониального режима, тесно связанные с миссионерскими кругами»³.

При этом в ход шли самые надуманные аргументы. Историограф Борис Лунин, который преимущественно и задал негативный тон в оценке Остроумова в узбекской историографии, писал: «Для уяснения целенаправленности Остроумовского просветительства показательно, что в 1885–1886 гг. он перевел “Евангелие” на язык сартов, напечатанное затем (1891) в Лейпциге»⁴.

Этот перевод, однако, Остроумов делал по просьбе английского проповедника Генриха Ленсдела – просьбе, исходившей, вероятно, от Британского Библейского общества. Во всяком случае опубликован перевод был на средства этого Общества⁵. Для самого Остроумова эта работа никакой особой «целенаправленности» не имела.

Даже когда в конце 1980-х давление на Церковь стало смягчаться и начала формироваться более объективная оценка ее роли, все еще можно было встретить утверждения, что «среди миссионерских деятелей-реакционеров особенно выделялись во второй половине XIX в. Н.И. Ильминский в Поволжье и Н.П. Остроумов в Туркестане»⁶.

К сожалению, подобное мнение продолжает воспроизводиться и некоторыми историками постсоветского Узбекистана. Можно, например, встретить заявление, что Остроумов «был талантливый противоисламский миссионер, и таковым он оставался до конца своей жизни... Он всячески способствовал уменьшению количества мусульманских учреждений в Туркестанском крае»⁷. Правда, далее в своей книге этот автор сам же опровергает данное утверждение, сообщая, что «исламские учреждения в Ташкенте и по Туркестану с каждым годом всё больше укреплялись и в количественном отношении увеличивались»⁸.

Другой автор утверждает, что Остроумов «вел (не практическую, теоретическую) миссионерскую деятельность»⁹. Но и это, более смягченное, обвинение Остроумова в миссионерстве тоже лишено оснований. Ведь никаких трудов по теории миссионерства у Остроумова, как известно, не было.

Откуда же берутся подобные суждения? Главным образом на основании того, что, будучи выпускником Казанской Духовной академии, Остроумов действительно получил духовное образование с миссионерской специализацией. После завершения учебы в течение семи лет занимался педагогической деятельностью в своей альма матер, причем как раз в русле миссионерской подготовки. Он также являлся активным деятелем казанского Братства Святителя Гурия.

Это Братство ставило перед собой в первую очередь просветительские задачи, способствовало распространению начального образования среди нерусских народов Поволжья. Остроумову иногда доводилось инспектировать учебно-воспитательную работу в школах, открытых по инициативе Братства. Он также участвовал в организации и проведении педагогических съездов учителей школ Братства Святителя Гурия. Эти съезды ежегодно проводились «для укрепления [учителей] в знании русского языка, для ознакомления их с лучшими методами и приемами преподавания, для взаимного обмена мыслей по учебной практике, для усовершенствования их в церковном пении и для проверки вновь сделанных на инородческие языки переводов»¹⁰.

Школы Братства имели и определенные цели миссионерского характера, стремились привлечь детей поволжских язычников в Русскую Церковь и укрепить в вере уже крещеных, в том числе татар.

По заданию Братства Остроумову доводилось в татарских деревнях вести беседы с татарами, пожелавшими выйти из Православия. На педагогических съездах он выступал с лекциями по противодействию мусульманскому миссионерству, которое было в этот период среди татар-православных очень активным.

Остроумов в то время принимал участие в изучении вопроса о возвращении в лоно Церкви отпадающих от нее православных русских и татар и за пределами Казанской губернии. В 1873 году по инициативе рязанского архиепископа и рекомендации Братства Св. Гурия он около двух месяцев провел в селах Касимовского уезда Рязанской губернии. Здесь издавна, со времен Касимовского ханства, жило много татар в тесном соседстве с русскими. Рязанский архиепископ Алексей (Ржаницын), ознакомившись с конфессиональной ситуацией в уезде, писал осенью 1872 года:

В самом сердце России, в одной из <наи>более населенных губерний, среди густого православного населения проживают с давнего времени тысячи людей, не просвещенных светом Евангелия. Грешно было бы не предпринять попыток к просвещению этих людей светом Евангельского учения... Необходимо собрать верные сведения о положении упомянутых татар-магометан, а для этого необходимо найти лицо, которое бы ознакомилось с положением на месте...¹¹.

Таким лицом стал Остроумов. В ходе своего ознакомления он отметил, что татары-мусульмане активно влияют на «окрестных, среди них живущих, русских крестьян, зависящих от них по своей хозяйственной стороне»; в частности, что русские крестьяне села Карамышева «часть обычаев переняли от татар и охладели к уставам православной церкви»¹².

По результатам своей командировки в Касимовский уезд Остроумов рекомендовал, в частности, «открыть элементарную, на христианских началах основанную школу в Карамышеве»¹³.

По своему характеру деятельность Остроумова в Братстве Св. Гурия, кроме собственно педагогических, просветительских задач была призвана решать также и вопросы миссионерского характера. Причем, краеугольным камнем таковой работы он считал распространение просвещения, в том числе повышение духовной образованности самих православных.

В 1877 году судьба Николая Остроумова круто изменилась – он оказался в новом краю и на новом поприще. В этих переменах в очередной раз главную роль сыграл его наставник – Николай Иванович Ильминский (1822–1892). Туркестанский генерал-губернатор Константин фон Кауфман искал сотрудника для организации народного образования в крае, в том числе среди коренного населения. Он обратился к Ильминскому, имевшему широкую известность как специалист по налаживанию образования среди нерусских народов Поволжья. Ильминский сам приехать отказался, однако порекомендовал в качестве подходящей кандидатуры Остроумова.

Взгляды Остроумова непосредственно на миссионерство Ильминский охарактеризовал в своем письме Кауфману:

Он [Остроумов] в душе и по образованию миссионер, но не страшитесь этого слова... Мой просвещенный друг Остроумов понимает миссионерство самым гуманным образом¹⁴.

Идеи миссионерства в казанский период своей жизни Остроумов понимал в первую очередь как распространение русской, европейской цивилизации. Этот процесс должен был привести к «сближению многомиллионного инородческого мира с коренным населением империи на почве религии и культуры»¹⁵.

В своем дневнике Остроумов писал, что приехав в Ташкент, он полагал, что этот город послужит центром, из которого будут распространяться «общечеловеческие научные знания по радиусам в другие города и селения [Туркестана] и через это сближать туземцев Средней Азии не с Россией только, но и с Европой»¹⁶.

Независимо от образования, прежних занятий и возможных личных убеждений, новое поле деятельности Остроумова в Туркестане исключало возможность миссионерской деятельности. Во-первых, здесь он был только на светской службе. В разные периоды своей дореволюционной жизни здесь Остроумов являлся директором Туркестанской Учительской семинарии и директором Ташкентской мужской гимназии. Во-вторых, российская конфессиональная политика в Средней Азии исключала миссионерство и прозелитизм среди мусульман.

Российская конфессиональная политика, в том виде, в каком она сформировалась ко второй половине XIX века, характеризовалась значительной веротерпимостью. Позиция краевой власти по данному вопросу в общих чертах сформировалась еще при первом генерал-губернаторе фон Кауфмане. В самом начале своей службы в Туркестанском крае, в январе 1868 года, в ответ на запрос главы Русского Миссионерского общества князя Голицына, Кауфман писал, что миссионерская работа в крае «не даст хороших последствий» и «может лишь породить затруднения»¹⁷.

Ни светская, ни духовная власть в Туркестане в течение всего имперского периода не пытались инициировать какие-либо действия миссионерского характера. Это отмечали и иностранные авторы, как в XIX веке, так и в недавнем прошлом. Представитель английской колониальной администрации в Индии капитан Арчибальд Колкухаун отмечал в конце XIX века, что русская власть действовала «с величайшим умом и терпимостью и никогда никоим образом не вмешивалась в традицию и практику религиозных традиций покоренных ими племен»¹⁸.

Другой английский автор писал по поводу русской конфессиональной политики: «У русских миссионеров нет: они к этому не прибегают. Они хотят приобрести доверие покоренных народов, не противореча им ни в их верованиях, ни в их обычаях»¹⁹.

А еще один английский автор в начале XX века приводит в своей книге слова некоего афганца, имевшего возможность близко познакомиться и с англичанами, и с русскими: «Каждое воскресенье англичане выходят на базар доказывать, что их Хазрет-Исса (Христос) больше нашего Пейгамбера (Пророка) и что их вера настоящая, а наша ничего не стоит... Пейгамбера всячески поносят, кормят его гря-

зью... Вы, русские, этого не делаете, слух об этом дошел и до Индии – все вас за это хвалят»²⁰.

Даже лорд Керзон, не испытывавший никаких симпатий к России, писал:

Россия несомненно обладает замечательным даром добиваться добровольного подчинения и даже дружбы тех, кого она покоряла силой оружия. Дружелюбие и откровенность русских манер... терпимость к религиозной практике... мусульманского населения... снижали русским уважение и расположение азиатских народов²¹.

Находились даже западные авторы, обвинявшие Россию за отказ от активного насаждения христианства. Например, Алексис Краусс в 1889 году писал:

Как христианской империи России следовало прежде всего христианизировать свой народ методами, широко принятыми цивилизованными народами среди варварских рас. Не сделано и усилия для проповедования Священного писания среди азиатских племен²².

Остроумов в Туркестанском крае состоял на педагогической службе. Русские власти были особенно щепетильны в религиозных делах в этой сфере и никогда не пытались использовать для распространения христианства учебные заведения. Еще Кауфман в основу образовательной политики положил «строгий принцип невмешательства в духовную и образовательную часть существующих у туземцев учреждений»²³. Все последующие генерал-губернаторы также «были проникнуты идеей полного невмешательства в религиозные дела мусульман и поэтому отнюдь не допускали проявления миссионерской деятельности при посредстве школ»²⁴.

Высказываясь о перспективах русского учебного дела в крае, Кауфман подчеркивал, что

...Необходимо воспитывать детей русских и туземцев вместе и для устранения вредного в экономическом и политическом отношениях обособления школ мусульманских от русских – принять в основание воспитания не религиозное различие, а одни и те же правила, при помощи которых можно было бы детей православных жителей Туркестана и детей мусульман сделать одинаково полезными гражданами России²⁵.

Среди мусульманского населения бытовали опасения, что в русских учебных заведениях учеников-иноверцев будут принуждать к принятию христианства. Но администрация этих заведений всегда стремилась исключить хотя бы малейшие поводы для подтверждения подобных вздорных опасений. Например, перед началом 1897/98 учебного года в учебных заведениях Туркестанского края было распространено циркулярное письмо министра народного просвещения Российской империи № 20494 от 30 июля 1897 г. «Об отмене, по Высочайшему повелению, обязательного и принудительного посещения учениками-иноверцами православных богослужений», проводившихся в учебных заведениях по случаю государственных праздников. В письме также предписывалось заменить общую для всех учеников-христиан молитву перед началом учебных занятий в тех учебных заведениях, где имелось значительное число учеников-иноверцев, «отдельною молитвою по испо-

веданиям, сообразно правилам каждого исповедания»²⁶. Во всех российских учебных заведениях те учащиеся, которые не являлись православными христианами, обязательно освобождались от занятий в праздничные дни своих конфессий²⁷.

Остроумов всегда в своей административной и педагогической работе самым скрупулезным образом придерживался принципа веротерпимости и невмешательства в вопросы вероисповедания учащихся.

Редкие примеры смены вероисповедания в Туркестане в имперский период имелись. Это и случаи перехода из ислама и других исповеданий в православие, и случаи обратного характера. Иногда это было результатом миссионерских устремлений отдельных служителей какой-либо конфессии. Но в абсолютном большинстве это определялось личным выбором в силу тех или иных житейских обстоятельств. Никогда в подобных случаях не усматривается систематической организованной и целенаправленной деятельности Русской Церкви. И, уж конечно, к фактам смены вероисповедания Остроумов не имел ни малейшего отношения.

Привести статистику смены вероисповедания по Туркестану за весь имперский период не представляется возможным из-за отсутствия соответствующих данных. Такой учет просто не велся. Задokumentированы лишь редкие, эпизодические случаи. Например, один из документов, за 1910 год, сообщает о «присоединении к православию <...> нехристиан по приходу Градо-Перовской <...> церкви» в форте Перовском (ныне Кзыл-Орда). В православие перешли один старообрядец, один католик, одна иудейка и один мусульманин²⁸.

Другой документ, также за 1910 год, показывает, что в Ташкенте за год в православие перешли три старообрядца, два католика, одна лютеранка, два мусульманина, один буддист и семь иудеев²⁹.

Возможно, сколь-либо полную картину относительно перехода в Православие из ислама и других конфессий мог бы дать анализ регулярно направлявшихся в Святейший Синод отчетов туркестанских архиереев. Например, уже первый епископ Туркестанский Софония (Сокольский) в своем отчете за 1873 год сообщает, что в крае (тогда это были две области – Сырдарьинская и Семиреченская) в Православие перешли «из молокан – 3, из магометан – 5, язычников – 16 и евреев – 9»³⁰.

Однако и в упомянутом отчете, и в последующих епископ высказывается в том смысле, что какой-либо системной, целенаправленной миссионерской работы в епархии не ведется, за исключением т.н. «Сарканской миссии», целью которой было приобщение к Православию калмыков и китайцев, бежавших из китайского Туркестана в Семиречье под защиту русских властей. Они охотно сами переходили в Православие, надеясь таким образом лучше обеспечить себе российское покровительство. Впрочем, ко всему этому Остроумов опять-таки не имел и не мог иметь какого-либо отношения.

Русская администрация не одобряла даже редкие попытки отдельных священников обратить в православие местных жителей, которые сами обращались с подобными просьбами. Например, в Самарканде имел место такой случай. Священник Высоцкий, несмотря на возражение областного губернатора, желал окрестить одну местную женщину, убежавшую из публичного дома и настоятельно просив-

шую о крещении. Туркестанский генерал-губернатор Кауфман заметил по этому поводу: «Для русского православия не составляет большой находки окрестить случайную сартянку, прибегающую к покровительству Церкви по убеждениям чисто внешним и не высоким»³¹.

Бывали случаи, когда принятие Православия было закономерным результатом принятия русской культуры и русского образа жизни. Известно, что Православие принял такой весьма авторитетный в Туркестане в свое время человек, как Шах-Мурад Кучербаев (в крещении Владимир Николаевич), казах по национальности. Он был учителем детей хивинского хана, являлся одним из инициаторов организации Туркестанского Восточного института и, по словам хорошо знавших его людей, много сделал «на ниве народного просвещения в крае»³².

Известно, что в Туркестане существовали церковные и околоцерковные структуры, в названии или уставе которых содержалось упоминание о миссионерстве. Однако при рассмотрении деятельности таких структур мы видим, что и они не имели отношения к миссионерству в том смысле, который обычно вкладывается в это понятие.

В Российской империи существовало Православное миссионерское общество. В 1899 году глава этого общества, митрополит Московский Владимир (Богоявленский) обратился к туркестанскому архиерею, епископу Аркадию (Карпинскому) с письмом относительно создания епархиального комитета Миссионерского общества. Целью предполагаемого комитета в этом письме объявлялось противодействие «энергической пропаганде магометанства и ламаизма среди язычествующих иноверцев»³³. То есть речь идет о своего рода конкурентной борьбе за души новых adeptов, но и в помине нет идей прозелитизма по отношению к мусульманам.

20 ноября 1899 года епархиальная консистория приняла решение, а епископ Аркадий его утвердил: «Открыть в городе Верном Епархиальный комитет Православного Миссионерского общества»³⁴. В основном работа этого Комитета сводилась к распространению духовно-просветительской литературы среди европейского населения.

Еще раньше, в 1869 году, в Верном было создано Православное братство, которое позже стало считаться общепархиальным. Но, в основном, в сфере его деятельности осталась Семиреченская область. Цели, заявленные в уставе Братства, во многом совпадали с целями Миссионерского комитета, созданного позже. Опять-таки, ни о каком прозелитизме среди мусульман речь не шла. Братство занималось, в частности, содействием в открытии церковно-приходских школ, организацией бесед на духовно-нравственные темы и распространением духовно-просветительской литературы среди православного населения. Были редкие попытки привлечь в лоно православия отдельных калмыков и китайцев, которых относили к язычникам и которые довольно охотно переходили в Православие в надежде получить защиту властей и земельные наделы.

При Туркестанской епархии существовала должность епархиального миссионера. Однако его задачей являлось противодействие «уклонению» православных в сектантство.

Важно отметить, что в туркестанский период своей жизни (а это более полу-

века) Остроумов не принимал участия в деятельности вышеназванных структур. Впрочем, в Ташкенте у Остроумова был один эпизод, опосредованно имевший отношение к миссионерству. Об этом эпизоде он сам упоминает в своем дневнике:

Проживает у меня в квартире сартянка, окрещенная с именем Мария и не находящая себе пристанища. Она уже пожилая, почти старуха, была брошена мужем, по ее словам, Балыкчинским беком (в Фергане) и явилась тогда (вскоре по завоевании Ферганы) к губернатору Абрамову, который принял в ней участие и малолетнего сына ее определил в Кокандское училище. После Абрамова в судьбе этой вдовы никто участия не принимал, и она прибыла в Ташкент вместе с сыном и были крещены: она с именем Марии, а сын с именем Григория... Я и жена моя приняли ее в свою квартиру, чтобы иметь ей приют и пропитание, а для душевного ее назидания я дал ей перевод Евангелия на узбекском наречии, изданный Британским Библейским обществом. Она грамотная, но своеобразно бестолковая, считает себя в праве на ничегонеделание, потому что крещеная. А сын ее оказался просто бездельником, которого его крестный отец (купец Н. Скобеев) не мог пристроить к делу и в конце концов махнул на него рукой, выдав ему некоторую сумму денег на первые необходимые расходы³⁵.

Впрочем, этот эпизод едва ли можно связать с миссионерством Остроумова. Он больше свидетельствует о его доброте и человеколюбии, готовности оказать помощь.

Исключительно деликатное отношение Остроумова к вопросам вероисповедания видно на примере ситуации с «Молитвой за Белого царя». Отдельные авторы пытались и здесь усматривать миссионерство³⁶. В конце XIX века краевая администрация сочла необходимым в так называемые «высокоторжественные дни (восшествие на престол императора, дни рождения членов императорского дома, а также на Новый год по мусульманскому календарю), в соответствии с мусульманской традицией, в мечетях возносить молитвы о здравии и долгоденствии их императорских Величеств и Государя Наследника Цесаревича»³⁷.

Предполагалось, что эта молитва будет читаться в качестве части службы пятничной молитвы, в которой обязательно упоминалось имя правителя, чьими подданными являлись члены той или иной мусульманской общины.

Об этом решении Остроумов так писал в своем дневнике:

Соглашаясь принципиально с основной идеей упомянутого распоряжения, я разъяснил [генерал-губернатору Александру Вревскому], что необходимо осторожно относиться к религиозному чувству туземцев, покоренных оружием.

С этой точки зрения я считал неудобным принуждать туземцев к молитвенным воззваниям о вечном царствовании над ними русского царя... Я удивился, как могли официальные представители ислама, казии, ввести в текст молитвы за русского царя [такое] прошение. Оставаясь при своем сомнении в искренности сочиненной... молитвы... я чувствовал себя в неловком положении, так как был обязан, по должности редактора туземной газеты³⁸, перевести упомянутую молитву на местное наречие и напечатанный в газете перевод разослать в медресе и должностным туземцам через канцелярии уездных начальников. Таким образом, я становился в положение участника в распространении неудачного распоряжения гл<авного> начальника края относительно молитвы, содержание которой не выражало, по моему убеждению, действительных чувств туземцев³⁹.

Текст молитвы был исправлен. Как очевидец упомянутых событий, Остроумов свидетельствует, что «в этой последней редакции молитва за русского царя и за российский царствующий дом читалась не в мусульманских медресе и мечетях, а в русско-туземных школах и на умонастроения туземных мусульман влияния не оказывала»⁴⁰.

В целом, если говорить о позиции Русской церкви в отношении миссионерства в Средней Азии, весьма красноречиво следующее заявление Туркестанского епископа Димитрия (Абашидзе):

Со своей стороны, православная духовная власть уже давно отказалась от распространения христианства среди магометан... Мои, по крайней мере, личные наблюдения над новообращенными из магометан твердо меня убедили в том, что сарт или татарин, принявшие христианство, в огромном большинстве случаев остаются чуждыми учению Христа и формальный переход в христианство всегда оказывается у них вызван какими-либо материальными соображениями⁴¹.

Не все, конечно, было столь однозначно; наверняка у того же Владимира Кучербаева, упомянутого выше, не было никаких «материальных соображений»...

Владыка Димитрий, возглавлявший Туркестанскую епархию в 1906–1912 гг., был одним из самых деятельных архиереев дореволюционного Туркестана. Он активно противодействовал распространению сектантства, а также был очень чувствителен к редким случаям отпадения от Православия. В последнем вопросе он, правда, как представляется, преувеличивал масштаб и опасность случаев «сращения» православных в ислам. Что касается сектантства, то действительно, в Средней Азии имело место его распространение.

Пытаясь выработать меры противодействия сектантству и мусульманскому миссионерству среди православных, епископ Димитрий (Абашидзе) обращался за консультациями к Остроумову. Их переписка также является свидетельством, характеризующим отношение Остроумова к миссионерской теме.

В начале марта 1909 года епископ Димитрий направил письмо Остроумову, в котором сообщал об участившихся случаях отпадения от христианства. Он писал, что хотел бы выяснить, «насколько в действительности велика здесь опасность, угрожающая христианству со стороны <...> ислама, и какие местности вверенной мне епархии были подвержены пропаганде последнего»⁴².

В своем ответе Николай Петрович с сожалением отмечал «религиозное охлаждение, замеченное среди разных классов русского населения в Туркестанском крае и вместе с тем усиливающуюся пропаганду со стороны разных сектантов»⁴³. Что же касается перехода «коренных русских людей в ислам», то Остроумов отмечал, что большая часть имевших место случаев «относится к заброшенным в край и оторванным от православно-русских семейных традиций девицам, жившим в прислугах, и рабочим, соблазняемому обещаниями хорошего денежного вознаграждения»⁴⁴. Причину же измены Православию он усматривал в «нравственном невежестве и развращающем влиянии на русскую публику произведений печати известного направления – антирелигиозных с одной стороны и порнографических с другой»⁴⁵.

Вместе с тем, Остроумов свидетельствовал, что он не знает какой-либо «орга-

низованной пропаганды мусульман по совращению русских в ислам, и, вероятно, такой организации пока нет в наших краях»⁴⁶.

По вопросам укрепления позиций Православия в Туркестане с Остроумовым советовались многие церковные и светские деятели. В конце того же 1909 года к нему обратился архиепископ Казанский и Свияжский Никанор (Каменский) в связи с подготовкой к намеченному в Казани на лето 1910 года Миссионерскому съезду. Среди разнообразных вопросов на съезде предполагалось обсудить проблемы «наступления иноверия на православие», «способы и средства усиления [ислама] в [Туркестанском] крае»⁴⁷.

Среди мер, призванных укрепить позиции православия в крае, предполагалось открытие в «Туркестанской епархии в городе Верном миссионерского среднего духовно-учебного заведения, применительно к местным условиям, без древних и новых языков, но с изучением киргизского [казахского – Ю.Ф.] и сартовского наречий, арабского языка, а также противораскольнических и противосектантских предметов»⁴⁸. Намечался ряд и других мер.

По глубокому убеждению Остроумова, высказанному им в письме владыке Дмитрию (Абашидзе), роль и место Русской Православной Церкви в Туркестанском крае тогда лишь будут прочны и авторитетны,

когда всё православное население Туркестана, при своей малочисленности, будет убежденно и стойко исповедовать учение Православной Церкви и всю христианскую жизнью располагать окружающих его иноверцев – мусульман к христианскому прославлению общего для всех людей Отца Небесного (Матф. V, 16), которого и мусульмане славят по учению своей религии⁴⁹.

Эти строки не потеряли своей актуальности и сегодня.

В целом, ни Русская Церковь, ни Российское государство в Средней Азии никогда не преследовали миссионерских целей и не проводили какую-либо организованную, систематическую работу в духе миссионерства и прозелитизма. Имелись редкие случаи перехода из одной конфессии в другую, но они всегда были делом исключительно личного выбора и никак не влияли на преимущественно добрососедские отношения между христианами и мусульманами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Национальный архив Узбекистана (НА РУз). Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 90. Л. 54.

² НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 172. Л. 49.

³ Смирнов Н.А. Очерки истории изучения ислама в СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 93.

⁴ Лунин Б.В. Историография общественных наук в Узбекистане. – Ташкент: Фан, 1974. С. 261.

⁵ См.: Флыгин Ю.С. Николай Остроумов: востоковед, просветитель, летописец эпохи. – Ташкент: Turon zamin ziyo, 2016. С. 59.

⁶ Русское православие. Вехи истории / Науч. ред. А.И. Клибанов. – М.: Политиздат, 1989. С. 442.

⁷ Мухамедов Ш.Б. Историко-источниковедческий анализ государственного регулирования ислама Российской империей в Туркестанском крае (1864–1917). – Ташкент: Bactria Press, 2013. С. 42.

⁸ Там же. С. 234.

⁹ Абдирашидов З. Исмаил Гаспринский и Туркестан в начале XX века: связи – отношения – влияние. – Ташкент: Akademnashr, 2011. С. 328.

¹⁰ Известия по Казанской епархии // 1868. № 2. С. 641–642.

¹¹ В кн.: Доронкин В.В. Касимовская православная противомогометанская миссия за первое десятилетие

- своего существования. – Касимов: Труд, 1909. С. 10.
- ¹² Миссионер // Православное миссионерское общество. 1875. № 24. С. 194.
- ¹³ Касимовская противомусульманская миссия // Рязанские епархиальные ведомости. 1898. № 15. С. 518.
- ¹⁴ В кн.: *Бендриков К.Е.* Очерки по истории народного образования в Туркестане. – М.: Изд. АПН СССР, 1960. С. 95.
- ¹⁵ Миссионерское отделение при Казанской духовной академии и внутренняя миссия в России // Церковно-общественная жизнь. 1906. № 18. С. 634.
- ¹⁶ НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 91. Л. 18.
- ¹⁷ В кн.: *Бендриков К.Е.* Указ. соч. С. 100.
- ¹⁸ *Colquhoun A.R.E.* Russia against India: The Struggle for Asia. – London and New York: Harper & Brothers, 1900. Цит. по: *Худоятов Г.А.* История и идеологическая борьба. – Ташкент: Укитувчи, 1986. С. 60.
- ¹⁹ *Marwick A.* Britain in our Century. – London: Thames and Hudson, 1984. P. 42.
- ²⁰ *Whigham H.* The Persian problem. – London: Isbister and Co., 1903. P. 352.
- ²¹ Цит. по: *Худоятов Г.А.* Указ. соч. С. 57.
- ²² *Krausse A.* Russia in Asia. A record and a study. 1558–1899. – London: Curzon Press Ltd., 1899. P. 140.
- ²³ Проект Всеподданнейшего отчета Ген.-Адъютанта К.П. фон Кауфмана 1 по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. – Санкт-Петербург, 1885. С. 435–436.
- ²⁴ *Граменицкий С.М.* Положение инородческого образования в Сыр-Дарьинской области. – Ташкент: <б.и.>, 1916. С. 6.
- ²⁵ Константин Петрович фон Кауфман, устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания Н. Остроумова (1877–1881). – Ташкент: Типо-Литография торгового дома «Ф. и Г. Бр. Каменские», 1899. С. 49.
- ²⁶ *Флыгин Ю.С.* Власть и ислам в Туркестане. К вопросу о конфессиональной политике в Туркестанском крае (1867–1917) // Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова. Сборник материалов. – Ташкент: Издание Ташкентской и Среднеазиатской епархии, 2010. С. 39.
- ²⁷ См.: Товарищ. Календарь для учащихся на 1913–1914 учебный год. – Санкт-Петербург, [б. г.]. С. 11.
- ²⁸ НА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 2061. Л. 9.
- ²⁹ НА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 2061. Л. 11.
- ³⁰ Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 608.
- ³¹ Константин Петрович фон Кауфман... С. 107.
- ³² НА РУз. Ф. И-34. Оп. 1. Д. 620. Л. 56 об.
- ³³ НА РУз. Ф. И-1. Оп. 18. Д. 56. Л. 1, 1 об.
- ³⁴ НА РУз. Ф. И-1. Оп. 18. Д. 56. Л. 1. об.
- ³⁵ НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 67. Л. 75.
- ³⁶ *Исхаков Ф.Б.* Национальная политика царизма в Туркестане. 1867–1917. – Ташкент: Art Flex, 2009. С. 192.
- ³⁷ НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 88. Л. 1.
- ³⁸ Эту работу Остроумов выполнял параллельно со своей педагогической службой.
- ³⁹ НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 88. Л. 2–3.
- ⁴⁰ НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 88. Л. 7.
- ⁴¹ Московские ведомости. 17 июля 1911.
- ⁴² НА РУз. Ф. И-1009. Д. 1009. Оп. 1. Л. 40.
- ⁴³ НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 175. Л. 40.
- ⁴⁴ НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 175. Л. 43–44.
- ⁴⁵ НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 175. Л. 43–44.
- ⁴⁶ НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 175. Л. 44.
- ⁴⁷ НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 175. Л. 60.
- ⁴⁸ НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 175. Л. 63.
- ⁴⁹ НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 175. Л. 41.

О войне и мире. О поминании усопших

О войне и мире

Иные сказывают, будто бы до того ты обезумел и расстроился в рассудке, что этому отроку, которому Бог дал способность всему обучаться, намереваешься дать в руки оружие и определить его в военную службу, <...> делающую людей игрушечной смертию. Поэтому, если не вовсе поврежден у тебя рассудок, оставь безрассудное намерение: не гаси светильника, <...> дозволяй человеку разумному продолжать занятия науками. А эту честь, или, лучше сказать, это наказание, побереги для других...

Прп. Исидор Пелусиот (ум. ок. 449 г.)

Если ты не миротворец, то не будь хотя бы любителем войны.

Прп. Исаак Сирин (ок. 640 – ок. 700)

<Воин,> что не противное закону Божию приказывают, слушай и исполняй: в противном не слушай, так как подобает больше повиноваться Богу, чем человекам. <...> Если <командир> велит неправду делать, обидеть, украсть, солгать и прочее – не слушайся. Если грозит за это наказанием – не бойся.

Свт. Тихон Задонский (1724–1783)

Ваш N., увидев, что вы читаете книгу преосвященного Феофана, с раздражением, указывая на книгу, сказал: «Пусть он мне докажет, что Церковь права, разрешая убийство на войне, когда Иисус Христос сказал: “не убий”».

Но, во-первых, снаряжением войска и отправкой на место военных действий, чтобы убивать врагов, занимается вовсе не Церковь, а государственная власть. <...>

N. ваш все-таки может возразить: «По крайней мере, Церковь не запрещает убивать на войне врагов». Но если ей запрещать это, тогда она должна столкнуться с государственной властью, и в таком случае одни из воинов перейдут на сто-

рону Церкви, а другие останутся на стороне правительства, и произойдет взаимная резня. <...>

Во-вторых, на вышеприведенные слова вашего N., приписывающего Господу Иисусу Христу слово «не убий», ответим, что Господь вовсе этой заповеди не давал, а только привел эту заповедь из Ветхого Завета: *Вы слышали, что сказано древним* (то есть в Ветхом Завете): *не убивай* (Мф. 5, 21). Подлинная же заповедь Господа следующая: *А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду* (Мф. 5, 22). Вот видите, что Господь запрещает не убийство, запрещенное еще в Ветхом Завете, а, как Совершитель закона, старается искоренить из сердца человеческого саму страсть гнева, от чего люди доходят иногда до убийства.

Прп. Амвросий Оптинский (Гренков, 1812–1891)

Войны показывают, что народы еще далеки от духа евангельского и не усвоили его себе, не ввели его в отношения международные. Война, особенно наступательная, свидетельствует о языческом направлении народа, о его земных стремлениях. Таким образом, грехи и страсти подтачивают, как червь, корни самих царств. И вот источник их будущей слабости!

Прв. Иоанн Кронштадтский (1829–1909)

Мы уважаем военную доблесть не за совершаемые на войне убийства, а несмотря на эти убийства; не потому, что убивают других, а потому, что сами идут на смерть за других.

Безусловно неправо только само начало зла и лжи, а не такие способы борьбы с ним, как меч воина или перо дипломата: эти орудия должны оцениваться по своей действительной целесообразности в данных условиях, и каждый раз то из них лучше, которого приложение уместнее, то есть успешнее, служит добру. И св. Алексей, митрополит, когда мирно предстательствовал за русских князей в Орде, и Сергей преподобный, когда благословил оружие Дмитрия Донского против той же Орды, были одинаково служителями одного и того же добра – многочастного и многообразного.

Владимир Соловьев (1853–1900)

Душа, познавшая Господа, всегда хочет видеть его в себе, ибо Он приходит в душу тихо, и дает душе мир, и свидетельствует спасение без слов.

Если бы цари и правители народов знали любовь Божию, то никогда бы не воювали. Война посылается за грехи, а не за любовь. Господь создал нас по любви и заповедал нам жить в любви и славить Его.

Если бы начальники хранили заповеди Господни, а народ и подчиненные слушались их во смирении, то на земле был бы великий мир и веселие, но ради властолюбия и непослушания гордых страдает вся вселенная.

Прп. Силуан Афонский (1866–1938)

Мир на земле возможен лишь при каком-то гармоническом соотношении души с разумом. Господство же разума приводит к голой технике и к войне.

Михаил Пришвин (1873–1954)

Думаю об очищающем и освящающем значении пота, слез и крови-труда, покаяния и мученичества. В них тело освобождается от своей душевно-животной стихии... и духовная настроенность, не встречая препятствий, охватывает всего человека; в этом смысл того, что Церковь так высоко ставит мучеников, подчеркивая именно пролитие крови, а также, почему в народе так почитают убитых на войне.

Иерей Александр Ельчанинов (1881–1934)

О поминании усопших

Отшедшие живы, и общение у нас с ними не пресекается. Как о живых молимся мы, не различая, идет ли кто путем праведным или другим; так молимся и об отшедших, не доискиваясь, причислены ли они к праведным или грешным. Это долг любви братской. Пока последним Судом не разделены верующие, все они, и живые, и умершие, единую Церковь составляют.

Участь отшедших не считается решенною до всеобщего Суда. Дотоле мы никого не можем считать осужденными окончательно; и на сем основании молимся, утверждаясь надеждою на безмерное милосердие Божие. У отшедших скоро начинается подвиг перехода через мытарства. Тут нужна ей (душе умершего) помощь! Станьте тогда в этой мысли, и вы услышите вопль ее к вам: «Помоги!» – вот на что вам надлежит устремить все внимание и всю любовь к ней. Я думаю, самое действительное засвидетельствование любви будет, если с минуты отхода души вы, <...> уединясь где можно, погрузитесь в молитву о ней в новом ее состоянии и новых неожиданных нуждах.

Свт. Феофан Затворник (Говоров, 1815–1894)

О усопших молись так, как будто бы твоя душа находилась в аду, в пламени, и ты сам мучился; чувствуй их муки своим сердцем и пламенно-пламенно молись об упокоении их...

Прв. Иоанн Кронштадтский

Оказывая помощь всем ближним живым, не лишай своей помощи и умерших. Чаще поминай их и подавай для их спасения возможную милость. Им можем оказать помощь только мы, живые.

Схиигумен Савва (Остапенко, 1898–1980)

Советы близким умершего: оторвать свои чувства и боль от телесности, которая пойдет в землю, не терзать себя воспоминаниями земных чувств и земных ра-

достей, связанных с умершим, а перешагнуть, хотя бы мысленно, с умершим в тот мир, утешаться любовью близких и совместными молитвами, дать отдых своим нервам и своему телу.

Смерть близких еще сильнее будит в нас мистические чувства: уходя от нас, они из ткани нашей души протягивают за собой длинный провод, и мы уже не можем жить только этим миром – в наш теплый, уютный дом поставлен аппарат в бесконечность.

Молясь об умерших, мы упражняемся в ощущении нереальности этого мира (ушла его дорогая нам часть) и реальности мира потустороннего, действительность которого утверждается нашей любовью к отшедшим.

С родными умерших <нужно> говорить о Воскресении Христа, советовать читать Евангелие о Воскресении, о мытарствах, о трагическом положении души умершего. О необходимости молитвы и для них, родных, молитвы об умершем, – это отвлекает от скорби эгоистической...

Иерей Александр Ельчанинов

Молитва за ушедших с этой земли очищает и сердце самого молящегося от всех ненужных осадков в отношении этих усопших. Молитва за живущих на земле может быть и корыстна, и своевольна; молитва же за усопших такой не бывает, она всегда источает небесную, очищенную любовь, истинный воздух вечности.

Иоанн Сан-Францисский (Шаховской) (1902–1989)

Если вы верите, что молитвы за живых помогают им, почему вы не считаете возможным молиться и за умерших? Жизнь едина, ибо, как говорит евангелист Лука, *Бог... не есть Бог мертвых, но живых* (Лк. 20, 38). Смерть – это не конец, но определенная стадия в человеческой судьбе, и судьба эта не застывает, как камень, в момент смерти. Любовь, которую выражают наши молитвы, не может быть напрасной; если любовь имеет власть на земле, но не имеет власти после смерти, это трагически противоречит слову Писания о том, что *крепка, как смерть, любовь* (Песн. 8, 6), и опыту Церкви, который свидетельствует, что любовь сильнее смерти, ибо Христос победил смерть в Своей любви к человеческому роду.

Митр. Антоний Сурожский (1914–2003)

...Ранняя Церковь полностью пренебрегала нашим нынешним различием между молитвой, обращенной к усопшим, и молитвой за усопших. <...> В ранней Церкви ходатайство было взаимным – мы, живые, ходатайствуем за усопших, а они ходатайствуют за нас. <...> Именно эта взаимность заступничества проливает свет на свой первый и основной смысл, а именно на общение в любви во Христе.

Прот. Александр Шмеман (1921–1983)

«Царство Божие – здесь»

Избранные записи в Фейсбуке последних лет*

Недавно наши прихожане и священники ходили в кинотеатр, там бесплатно показывали документальный фильм «Где ты, Адам?», про Афон. Было немало и просто желающих, не-прихожане которые. Одна незнакомая мне тетенька, сев рядом, спросила меня: «А про что фильм? Он же православный?». Я говорю, про жизнь монастыря Дохиар на Афоне. Тетенька воодушевилась: «О, значит, точно православный! Я ведь тоже православная – всегда смотрю «Спас»!..». Поближе к концу фильма бросил на нее боковой взгляд: спит, сердешная.

Где-то прочел: «Не настолько отличается человек от обезьяны, насколько человек от медийного человека».

Сейчас у Михаила Калинина в посте рассуждаем, почему на настоятельные вопросы иудеев, мол, отвечай, ты Машиах или нет, Христос им ничего напрямую не отвечал.

Подумалось (вынесу из комментария): дело еще вот в чем – в интонации и в контексте. Одно дело, когда тебя ребенок спрашивает: «Ты родину любишь?», а другое – когда собрание комсомольской ячейки или следователь НКВД..

О некоторых нюансах общения человека с Богом.

Когда просит человек у Бога и получает просимое – тогда он близок к Богу и чувствует это. Такая форма близости очень любима, взыскуема, декларируема верующими, и проч.

Еще ближе он к Богу, когда просит – и не получает конкретно этого просимого, а получает вместо просимого – невесть что. Но такая форма близости не шибко, смотрю я, любима, а многими верующими – особенно.

Особенно когда просишь – силы (на перенесение того и сего, например).

А Бог говорит:

– Я извиняюсь, но уточню: тебе какой силы конкретно?

* Продолжение. Начало в №№ 2–4 (XLIII–XLV), 2017; 1–4 (XLVI–XLVIII), 2018; 1–4 (XLIX–LI), 2019; 1–4 (LII–LIV), 2020; 1–4 (LV–LVIII), 2021. (Все примечания – ВС.)

– Моей! мне! какой же еще, – говорю я.
– А... – говорит Бог. – А то, может, я тебе лучше – Своей?..
– Нет уж! – поспешно говорю я. – Знаю я Твою силу, опять получится не то, чего я загадывал, а какая-то фигня... Мне уж, изволь, – моей. Я же отдельная от тебя личность?

- Отдельная, – соглашается Бог.
- Имею право на личное пространство?
- Еще бы!..
- И всё по-честному, никакого пантеизма?
- Да какой там пантеизм... – вздыхая, опять соглашается Бог.
- Ну вот и давай.

Собственно, в ситуации младшего брата из притчи я живу постоянно: мне – дай мое. Чужой, как говорится, земли мы не хотим ни пяди, но и своей – ни врагу, ни кому там еще не отдадим. Уж будьте любезны.

Допускаю ли я, что я прав, прося у Бога мне – мое? Допускаю.

Допускаю ли, что просимое мною у Него – не незаконное, но истинно мое, и что оно – хорошее и качественное? Допускаю.

Допускаю ли я, что Бог не станет надо мной измываться, но просимое – даст? Допускаю.

Допускаю ли я, что у всякого, законно просящего у Бога законного своего, впереди маячит, как в притче, свинарник со свиньями, но – лишь как одна из возможностей, а не единственная? Допускаю. Почему – не единственная? Потому что Бог – мой Отец. Он меня любит, Он не имеет задней мысли дать мне что-то такое не то (камень вместо хлеба, какую-то «змею» и прочие приколы), или просроченное, или что-то, в общем говоря, такое, через что устроит мне коварное западло, возмездие, «в назидание» и проч. (так делают иные земные отцы, бати, которые из серии «брось ребенка в воду, научи плавать, чо его жалеть-то»; я знал одного такого, который «хотел, чтоб сын вырос мужиком» и потому «воспитывал его», и дал ему в гараже попить бензина, сказав, что это газировка, и гордился этим поступком, и всем рассказывал в застольях, типа, «научил». Чему?!.. А я подумал: тебя, видать, дебила в свое время никто ничему не научил...). Бог не таков, совсем не таков. «Ибо не мерою дает Бог Духа», – пишет евангелист Иоанн Богослов, и это относится не только, как мы с вами часто мним, к неким невидимым спиритуалистическим эманациям, но ко *всей* полноте меня, моей жизни и всего мира, попросту – ко всей жизни и ее смыслу, ко всему, что воистину животворит Тот, Кто «везде сый и вся исполняй».

Допускаю ли я, что некто младший сын, выперстив у Отца всё просимое, пойдет на страну далече и не попадет в свинарник, а в иное, чаемое им место, и всё у него сбудется в лучшем виде? Вполне допускаю.

Так почему же Христос в притче изобразил все-таки этот самый свинарник?

Да просто: по себе знаю. В том строю есть промежуток малый, быть может, эта притча – для меня.

Не для «кого-то».

И спасибо, Господи, что рассказал мне ее.

Был человек, который думал, что Богу до него нет никакого дела.

Почему? А потому, что Бог, как ни придет, так человек спрашивает: «Какое у тебя до меня дело?». А Бог: «Да нет, собственно, Я так. Нет у Меня никакого дела, Я просто к тебе...».

Человека это страшно раздражало, он только страшно махал на Бога рукой и страшно быстро убегал по своим делам, страшно важным, решать свои проблемы, страшно глобальные.

Сегодняшнее евангельское чтение на литургии:

Я же говорю вам: любите врагов своих и молитесь за тех, кто преследует вас, и тогда будете детьми Отца Небесного. Он повелевает солнцу сиять над злыми и добрыми людьми. Он посылает дождь на праведных и неправедных. Ибо если любите вы только тех, кто вас любит, то разве заслуживаете вы награду? Даже сборщики налогов поступают так же. И если вы приветствуете только своих братьев, то разве поступаете иначе, чем все остальные? Разве язычники не поступают так же?

Итак, будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный (Мт. 5. 44-48).

Христианство отрицает все вековые скрепы именно как «истину в последней инстанции», как скрепы: род, кровь, патриотизм, судьбу, мораль как систему выживания (с частными ее подвидами мести и выгоды), ибо не их ли ценят и культивируют и язычники, и все на свете?

Точно говорят: любовь к врагам – верный признак близости ко Христу. Ведь кто для меня «враг»? Конечно, не только тот, кто нападает на меня и моих, несет нам смерть, лишение комфорта, тесноту, унижение и проч. Но и всякий, кто делает зло или грех, всякий, кого я сужу за грех, а Бог тем временем дождит и солнечнит на него, как и на меня... Вот и попробуй, отдели грех от грешника, и полюби грешника. Сотни лет миллионнократно про это говорится, проповедуется, варьируется, обыгрывается всюду, – а снова и снова слова Христа из Евангелия обжигают сердце и здравый смысл. Вот так всю жизнь проживешь в Церкви, будешь мнить, что «восходишь из силы в силу» (карабкаешься по этим самым скрепам), а если нет любви к врагам – пшик, всё бесполезно.

– Дамочка, вы кто?

– Я – Справедливость!

– А ну-ка масочку приспустите... А! старая добрая Месть!.. То-то голосок ваш скрипучий так знаком.

– Безобразие! Требую пропустить! Я – традиционная и ценная! Вот мой куаркод!

– Да проходите, проходите... Что толку вас не пускать, все равно без мыла пролезете.

Крещение в соборе; девочке года четыре. Родители малоцерковные, всего робеют, боится и девочка, умиряю-утишаю как могу, но девочка все же защитно ревет, даже пошла красными пятнами. Но поближе к концу успокаивается. Из крестилки

выходят, как из бани (пакибытие, да). Все еще покрытая красными пятнами, но с уже просохшими очами, девочка подпрыгивает впереди папы и мамы задом наперед, заглядывает им в лицо и громко, высоким голосом, в котором органично слиты торжество и тревожность, повторяет:

– А я не плакала! Вообще! Я молодец? Я не плакала!

Как-то они похожи друг на друга – наши святые, в земле Российской просиявшие, и ромашки.

ГУЛАГ, коммуналка, ордынское иго, бунт и барщина, подворотня, очередь, деревянный сортир, водка, страх, лень и туга, похвальба и подлость, косность и потный сон, стужа и непогода – всего хватает, но как только утро, как пройдет дождик Пятидесятницы, пригреет солнышко Воскресения – и вот они живут и цветут изо всех бетонных щелей, из горькой этой и любимой земли.

Насколько бурно надо реагировать на грехи (так наз. «страсти»), явные или тайные, видимо излечимые или видимо неизлечимые, обнаруженные в себе?..

Любой врач скажет, что некоторые виды глистов живут в человеке так глубоко и маскируются так искусно, что диагностировать и вывести их – при жизни человека – бывает почти невозможно.

Вылечить гельминтизированный от паразитов – или убить, ибо безнадежен? Но основопологатель надежды – Сам Врач Христос; то, что Павел называет «надеждой», не человеческое качество/эмоция/умственная установка, это поистине высшая естественная добродетель (как и прочие из триады Павла). Потому убить – Бог не хочет; не надо хотеть этого и мне.

«Макушка лета».

Бывало, бегаешь, кричишь, – остановишь на ходу: «Рубашку заправь. Где ободрался опять, под ноги-то смотри. Есть не хочешь еще? В девять чтоб дома!», поцелуешь в вихры, и пахнет макушка – ветром, сосной, травами, дальними морями, животворящим теплом; и – дальше умчалось лето.

А теперь что... Лысая, потная макушка, пигментные на ней пятна, и никто никуда не бежит – куда бежать, успеем с козами на базар, как бабушка когда-то говорила, успели уже. Издалека только разве поклонись, по привычке: зной, выползай из тощей тени, подходить, говорить, касаться – сил никаких нет.

Думается мне, что Петр Николаевич Мамонов дал в последние годы немало интервью (какие-то из них я видел и читал, многие, наверное, нет), и одним из нередких вопросов в устах православных, именно православных, интервьюеров был такой: «Как вы относитесь к своему доцерковному творчеству?».

Меня лично тут несколько колбасит потому, что мне, стихописцу и священнику, такой вопрос (а гораздо чаще – я сам себе) задавали многожды; и теперь, на склоне лет, я насмелился и готов ответить: нормально отношусь. Как в «Воспоминании» Пушкина: «Но строк печальных не смываю». Насколько помню, Мамонов это стихотворение цитировал тоже. Благодарность, евхаристо – вот что звучит в

отзывах Петра Мамонова, даже и самых суровых, о своей жизни, благодарность и вера – основа его покаяния, и это благодарение – главный признак настоящего христианина.

Как я отношусь к творчеству Мамонова, насколько для меня дороги старые «Голубь», «Муха», «Ремонт» и «Гадопятника», и насколько меня, тогда – неопита, подирал брезгливый мороз от образа старца в «Острове», мол, ну разве можно показать на экране «duhovnost», и насколько я, старофит, молчу перед этим образом сейчас, и т.д. – к делу не особо относится: о самом Мамонове, рабе (наемнике?.. сыне?..) Божиим Петре, это не говорит нимало, хотя сейчас, я думаю, он таки дает какой-то ответ за то, как его творчество сказало на потребителях (а кто ж из нас, написавших хоть строчку, вслух выступивших хоть со словом или рисунком или аккордом, не даст такого ответа).

О Мамонове говорит вот что: его жизнь – цельна и последовательна, в ней нет «до» и «после», он рос пред Богом – естественно: кто хочет, до крови, до драки, до крика и скандала, знать правду – тот неизбежно узнает Истину, тут без базара, уж логика Христа и Его креста такова, и Он во все века не подводил чающих движения воды. Петр Мамонов – целен и прекрасен, в оные годы он сказал А, а потом – сказал, нашел в себе мужество и благодарность сказать и Б, и его жизнь не делится на до- и послевоцерковление, как в едином алфавите А и Б не делятся, ведь они – просто две из ряда важнейших букв, составляющих Слово.

В последние годы вокруг православного Мамонова образовался свой фан-клуб, его «Закорючки» издавались в интернете и на бумаге и обильно цитируются. Можно не опасаться, из него не удастся сделать очередного «старца» или «гуру»: в этих книжках совершенно нет ничего экзотического, оригинального, неортодоксального, абсолютно ничего такого, чего бы не было у ранее нами читаемых святых отцов и подвижников, чего бы не было в православном Предании. И еще, что очень важно: там есть все то, что есть у святых отцов и подвижников, то есть безыскусное свидетельство о своем личном опыте жизни во Христе и в Церкви, жизни в метанои^{*}, о испытанном на своей личной шкуре, а такое свидетельство очень снижает возможность слепого подражания, механического встроения пережитого в «субкультуру». Эпиграфом к своим «сердца горестным заметам» Мамонов мог бы поставить слова из песни Высоцкого: «Колея эта только моя, выбирайтесь своей колеей»; и не бойтесь этого ригоризма: тут, мягко покашливая, вперед выступает Христос и корректирует: «Да вы, любимые Мои, дерзайте, пробуйте, хоть своей колеей, хоть какой! Я ведь с вами, рядом, Я помогу».

Попал я, например, в рай. Ходил-ходил между кущами, искал то место, о котором мечтал, где живут принцессы, какающие исключительно розами, но так и не нашел – святых много, а безгрешных нет, везде всё люди, люди... Хотел чисто между животными поселиться, но там тоже на привычный мне контактный зоопарк не похоже: животные какие-то непонятные, такое ощущение, что молча надо мной смеются... Эхх. Развернулся и ушел, разочарованный и страшно обиженный на Бога.

^{*} Покаяние (греч.).

Нередко слышу молитвенные обращения к Богу от тех или иных православных, чтобы послал России царя.

Бог отвечает: «Был у вас царь, так вы его убили. У Меня – не магазин, цари на полках не стоят...»

После литургии говорили об этом, обо всяких реконструкциях и симулякрах, которыми полон современный мир, и еще о том, что в гражданской войне не было ни победителей, ни правых, что чем же может Бог помешать человеку, когда Он ко кресту прибит, и что безбожие и вольница хотений не снаружи начинается, а изнутри – у меня, у тебя, у него, у нее...

Марина Цветаева, из дневника, 1918 год:

«Стоим, ждем трамвая. Дождь. И дерзкий мальчишеский петушиный выкрик: – Расстрел Николая Романова! Расстрел Николая Романова! Николай Романов расстрелян рабочим Белобородовым!

Смотрю на людей, тоже ждущих трамвая, и тоже (то же!) слышащих. Рабочие, рваная интеллигенция, солдаты, женщины с детьми. Ничего. Хоть бы кто! Хоть бы что! Покупают газету, проглядывают мельком, снова отводят глаза – куда? Да так, в пустоту. А может, трамвай выколдовывают.

Тогда я, Але, сдавленным, ровным и громким голосом (кто таким говорил – знает): – Аля, убили Русского Царя, Николая II. Помолись за упокой Его души!»

Рассказывали геодезисты, работавшие на Богучанской ГЭС: старая Кежда, деревня, попала в зону затопления. Ну, в огромный ров бульдозерами столкали что было – остатки заборов, домов и прочее, заровняли... А на следующий год ров зарос иван-чаем. Как рана...

Нам надо делать дела Пославшего Меня, доколе есть день: приходит ночь, когда никто не может делать (Ин. 9, 4).

Как – вдруг, остро – перекликнулся с этим Бердяев (и моя целожизненная интуиция):

«В сновидениях ослаблена синтезирующая активность сознания, и из недр подсознательного порождаются смутные, не синтезированные в целостной личности образы. Окончательное воцарение аналитического сомнения превращает жизнь в сновидение. Только синтезирующий акт духа не допускает превращения мира в кошмарное сновидение».

Анализ – как распад, смерть?..

Французский, например, фильм «Вернувшиеся»*, или, там, книга Татьяны Замировской «Смерти.нет», о которой днесь немало пишут (хотя, помните же, у Пелевина, нашего-вся, что-то такое уже было?..), – религиозные чаяния о посмертии, в которые живой, точнее мертвой, воды, жгучей бодрящей кислоты, впрыснул некогда Фёдоров стальным шприцом русского космизма**, – как человеческому воображению не грезить обо всем таком.

* «Вернувшиеся» (*Les revenants*, 2004) – фэнтезийная драма французского режиссера Робена Кампийо.

** Николай Фёдорович Фёдоров (1828–1903) – религиозный мыслитель-утопист, выдвинувший «проект» всеобщего воскрешения умерших с помощью научных и технических средств.

Но грезы – это одно; а все увеличивающееся в Фейсбуке количество аккаунтов умерших френдов – совсем другое... Уведомления об их днях рождения приходят аккуратно, а то и – об обновлениях... Смотреть ли на это просто как на одну из гримас технологического сетевого времечка? Я предпочитаю смотреть – как еще и на ТАКОЕ напоминание о том, что жизнь – вечна, что никто из нас просто так и зазя ни с кем никогда не встречается, что ничто не кончилось, что все еще – впереди.

В автобусе, на задней площадке – относительно молодая мама, судя по лицу – несколько замученная жизнью, суетой и духотой свинцововатого дня, рядом с ней встёгнут в прогулочную коляску малыш, месяцев не знаю сколько, говорить и ходить явно еще не умеет. В руках он цепко держит мамин смартфон, глаза и рот его распахнуты в экран, оттуда громко несется отвлекающая малыша от нытья мультяшная песня:

Рыбка плещется в пруду!
И круги повсюду!
Я поймаю хоть одну!
И счастливым БУ-
ДУ!!
БабубадуДА!!!
БабубадуДАДА!!!

И так по кругу.

За четыре остановки эту песню, думаю, намертво выучил весь автобус, я-то уж точно. Вот сейчас в собор должна прибыть съемочная группа какого-то ТВ, и как вы думаете, что мне очень хочется им спеть в ответ на первый же вопрос?

(Ну, разве что немного адаптированно:

Грешник плещется в аду!
И грехи повсюду!..).

«Время в человеке, а не человек во времени» (Бердяев).

Когда я надеюсь, что «придут другие времена», на самом деле это означает: я жду, что жизнь станет такой, какой хочу я, но сделает ее такой кто-то другой.

Иду по тротуару, впереди меня – два подростка. Один медленно балансирует на самокате, в руках у второго телефон, разговаривают:

– Как правильно пишется – «однёрка» или «аднёрка»?
«Единица!» – мысленно вскричал я, но вслух промолчал.

Отчего-то вдруг вспомнил, как много-много лет назад участвовал в экзамене лектория для взрослых воскресной школы. Слушатели тянули билеты и отвечали. Навсегда врезалась в память фраза: «...и Давид стал царем израильского царства, израильского государства».

Еще там царя Давида называли: «этот товарищ».

<...> Буквам и строимым из букв смыслом в стихотворении бывает воля вольная, а бывает – туго.

И тут весьма важны – знаки препинания.

Когда мы видим стихотворение без знаков препинания – там, значит, они отошли в сторону, чтоб дать буквам и смыслом вольную волю. А там, где форма стиха к буквам строга – там знаки препинания совершенно необходимы, они выходят играть важнейшие роли и строят смыслы наряду с буквами (в палиндромах – особенно).

Уж не говоря о том, что знаки препинания попросту можно любить (я, скажем, очень их люблю; ту же точку с запятой; да и другие).

«Когда встретишься с ближним своим, принуждай себя оказывать ему честь выше меры его. Лобызай руки и ноги его, обнимай их часто с великою честью, возлагай их на глаза себе, и хвали его даже за то, чего не имеет. А когда разлучишься с ним, говори о нем все хорошее и что-нибудь досточестное. Ибо сим и подобным этому привлечешь его к добру, заставишь его чувствовать стыд от того приветствия, каким приветствовал ты его, и посеешь в нем семена добродетели. От такой, снисканной тобою привычки, отпечатлеется в тебе добрый образ, приобретешь в себе смирение многое и без труда преуспеешь в великом. А сверх этого, если чувствуемый тобою и имеет какие недостатки, легко примет от тебя врачевание, постыждаемый тою честью, какую ты оказал ему. Пусть всегда будет у тебя этот нрав – ко всем быть благоприветливым и почтительным. Никого не раздражай (в сирийском тексте: «ни на кого не гневайся») и никого не ненавидь, ни за веру (т.е. за слабость веры или за неправоту веры), ни за худые дела его, но берегись кого-либо и в чем-либо укорять или обличать, потому что есть у нас нелицеприятный Судия на небесах» (Исаак Сирий, Слово 57).

Первая реакция современного соцсетевого меня, прочитавшего эти слова: это что же, пресловутого Икс, и намозолившего блогерам язык Игрек, и одиозного, хотя и давным-давно помершего, Зет, и встречаемую нередко в ленте фб омерзительную Лямбду, и так далее, – всех их лобызать и руки-ноги их себе на глаза возлагать?!.. Думаю, такая реакция мало кому не знакома.

Медиа, соцсети... Чем больше информации о мире и людях – тем, мне думается, сильнее искажается мое разумение картины заповеди о любви к ближним. Исаак Сирий ничего не знал о фактах биографии властителей, рапсофов и актеров – но у него были конкретные ближние в его пустыне, которым он естественным образом мог надеяться преподать «врачевание» и надеяться, что те его примут. Какое врачевание от меня может принять обитающий от меня за тыщи верст «ближний», коего я знаю только по виртуальному образу, даже если я не буду его злословить, и проч. по тексту, тыщи раз?..

Образы тиранов и абьюзеров, блуждающие по соцсетям, которых мы дружно осуждаем, образы поэтов-художников-гениев, которым мы дружно всё прощаем за то и сё, – не реальные «ближние», во многом это просто наши же отражения.

Евангельский вопрос: «И кто же есть ближний мой?», как и две тысячи лет на-

зад, страшно актуален. Кому мне оказать милость, кто окажет милость мне?.. И я снова ищу и ищу ответ на него.

Пришел Бог в мир закон не отменить, но исполнить, довести до свободы. И свободу нашу – не отменить, но спасти ее и вылечить.

Сейчас в ленте попала на глаза реклама (рекламируют экскурсию по Италии, видимо, виртуальную), в которой Данте назван «создателем современной концепции ада и рая». О как!

Вдруг вспомнил, как однажды беседовал с одной прихожанкой, и она спросила:

– Батюшка, вы ведь много читаете?

– В общем, да, – ответил я.

– А только церковные книги, или светское тоже?

– Да всякое читаю, – говорю.

– А женские романы читали? Как вы к ним относитесь?

– Да, – говорю, – смотря что считать... наверно, читал. Нормально отношусь.

– А какие, какие?

Я поднатужился и назвал первое, что пришло в голову:

– Не уверен, что это то, что вы имеете в виду, ну вот... например, «Поющие в терновнике» читал.

– И что вам там понравилось?

Я еще поднатужился и честно отвечал:

– Понравилось, как автор описал одну девушку, у которой лицо было как у лошади, которая тянется через забор за яблоком.

Видимо, это был не тот ответ, которого от меня ждали; словом, беседа как-то скомкалась и завершилась.

Бердяев считал понятие «промысла» одной из разновидностей пантеизма; и он прав, в том смысле, что Бог нами не «руководит», ведь мы глубинно свободны. Но Он с нами – взаимодействует, мы ему, грубо говоря, не пофигу, Он действует меж нас так, как захочет, – потому что и Он глубинно свободен.

Тайна и парадокс: человек может считать и так, вполне искренне: я не виноват в наводнении – но я и виноват в нем; так может считать человек, открывший, что он сам (и человек вообще), оказывается, не трехмерен, а пяти-, скажем, мерен. Христианство, скажем приблизительно, не «отменяет» природу человека, но «исцеляет», то есть преобразует, а преобразуя – открывает в ней подлинное, похороненное под слоями наносного и ставшего привычным, как археолог, работая метелками и лопатками, являет из-под песка забытые мозаики.

День рождения храма чем-то напоминает рождение младенца. Шлепают, пуповину вяжут, омывают, отирают, облачают, миром помазывают, выпускают в жизнь...

Позавчера у нас в деревне Знаменка освятили храм в честь иконы Божией Матери «Знамение», освящал митрополит Красноярский и Ачинский Пантелеимон. Когда-то в старину, «до исторического материализма», такой храм в деревне и был; собственно, от этой иконы и деревня была названа.

Как-то ясно осветилось внутри: закон Твой, Господи, и правда дороже злата и топазия, как во псалме говорится, и так далее и так далее, и он нас с Тобой соединяет.

Но он нас с Тобой и разделяет – до той поры, пока я не научусь не ставить закон вместо Тебя.

Тебя, Тебя Самого остро надо мне, вот что.

Может быть, Ты отзовешься – буду как-то ждать, а заставить Тебя я не могу, Ты совершенно свободен.

Еще: спросят, не боюсь ли я Твоего ко мне прихода, типа ждал-ждал и дождался на свою голову?..

Очень боюсь, но не боюсь. Потому что раз Ты пришел – значит, это буду уже не я-который-сейчас, а я-который-дождался, другой, хотя и тот же самый.

На свете, мол, счастья нет, а есть покой и воля.

Думаю, есть. Всё на свете есть, и счастье, и покой, и воля («и ты прав, мой мальчик»). Много на свете есть прекрасных вещей. Не в том штука, есть ли они... А в том, что все они – скоропортящиеся, и вот как их сохранить? Ну никак не получается. Как та манна в пустыне: те, которые пытались ее консервировать, получали только протухшую манну, да еще и наказаны были...

Тут-то человек и догадывается. Что надо – к Богу: я никак не могу, Ты помоги!

По капле выдавливал из себя раба. И вот наконец он выдавился весь и сказал: «Я родился!».

Родная атмосфера литературы! koliko ты неизменна:

«Мне всегда неприятна была литературщина, с которой в годы изгнания я встретился в Париже уже во французской среде. В ней не слово становилось плотью, а плоть словом». (Бердяев, «Самопознание»)

«Трактль шлифует слова, борется со своим языком до тех пор, пока не сочтет, что может выпустить их в мир. В тот мир, в котором он сам не может выжить».

(Флориан Иллиес, «Георг Трактль. Мирное лето накануне 1914 года»)

Перекликнулось с Бердяевым, об эсхатологичности творчества:

«Творческий опыт не есть рефлекс над собственным несовершенством, это – обращенность к преображению мира, к новому небу и новой земле, которые должны готовить человек».

Соглашусь. Всякий раз, общаясь с хорошим стихотворением, причем не суть важно, сам ли я его написал или прочел написанное кем-то другим, чувствую не просто «отдушину», прорыв в Подлинное: хорошее стихотворение приближает

конец падшего мира, второе пришествие Христово, новое небо и новую землю.

Прочитал: «Не благодарим за то, что Бог дал – вот Он и не дает нам новых даров».

Думается, не совсем так. Не то чтобы «Бог не дает, раз мы не благодарим» – напротив, Он дает всегда и всем и не мерою, и всегда щедро; просто, будучи неблагодарны, мы разучились *принимать* дары (вырвать заработанное тяжким трудом, «свое-законное», или украсть – это мы еще умеем, а вот подаренное, данное безвозмездно...).

Он дает, а у нас руки дырявые, не можем удержать.

Дом из книг – примерно то же, что и пряничный домик ведьмы из сказки про Гензеля и Гретель. Или как замок Чэриот, который, по некоторым данным гэльских легенд, сделан из сала, масла и сыра.

Затевалась у нас (но пока не состоялась) беседа с кинообозревателями на тему фильмов ужасов, как, мол, священник к ним относится, и проч. Всё, что я напишу ниже, это, как раньше писали в Живом Журнале, ИМХО, мое сугубо личное мнение, имейте это в виду те, кто любит в комментариях спорить, что нет!! а вот яичница куда лучше велосипеда!!

Как к жанру киноужасов относится умозрительный среднестатистический священник («как Церковь относится к Гарри Поттеру»), не знаю, я же лично отношусь очень просто, как и к любому кино: бывают хорошие фильмы ужасов, бывает лабуда, хорошие («кароши осетрина») люблю, лабуду – нет. Хороший фильм ужасов – для меня – это страшная сказка с хорошим концом. То есть не обязательно чтоб положительные герои всегда непременно выживали, но чтоб был какой-то свет в конце тоннеля – надежда, милосердие, любовь, самопожертвование ради дружбы и верности, и в таком роде.

Ну, и хорошо, чтоб вообще фильм был не только про ужасы, не чисто бу ради бу, а про что-то интересное, про внутренний мир героев, про отношения <...> (каков, например, прекрасный фильм «Впусти меня», но только настоящий шведский, а не ремейк, или первый «Экзорцист» Фридкина*). И таких фильмов ужасов немало.

Отдельная тема – христианские мотивы в таком кино: несмотря на то, что кинематографисты давно и всю используют в этом жанре всякий церковный антураж, дельных фильмов в этом смысле весьма мало. Прекрасный пример такого фильма, скажем – «Адвокат дьявола»**, авторы «Добротолубия» вполне опознали бы в нем картину развития страсти и как она воюет против человека и куда его утягивает. В литературе ужасов тоже вспоминаю пару прекрасных примеров, у Кинга это, прежде всего, «Салимов удел», ну и еще «Необходимые вещи», по ним и фильмы снимали, но, на мой взгляд, не стоящие внимания (см. максимум: «Если книга интересная, зачем к ней картинки?»).

* «Изгоняющий дьявола» (*The Exorcist*, 1973) – фильм ужасов американского режиссера Уильяма Фридкина.

** «Адвокат дьявола» (*The Devil's Advocate*, 1999) – мистический триллер американского режиссера Тейлора Хэкфорда.

Есть еще фильмы ужасов просто красивые, такие, как «Сонная лощина» (Бертон есть Бертон!..), но и наполненные, да, тем, о чем сказано выше; есть и просто – ссылки на те или иные области культуры, как «Носферату» Херцога – на немецкий экспрессионизм, ну, про Мурнау и проч. уж и не говорю. (Немного отдельно для меня – «Белоснежка» Пабло Бергера^{*}: и классическая сказка, и очень красиво снятая, но с очень щемящим печальным концом, вообще, думаю, этот фильм заслуживает отдельного разговора...).

Есть фильмы ужасов – их тоже немного – которые с головой погружают в пучины зла и ставят действительно мощные вопросы: о судьбе, о зависимости-свободе человека, о том, что, обретая себя, себя ли ты обретаешь... Вроде бы тоже темы расхожие в сем жанре – но мне интересны штучные изделия, как у Ари Астера (оба фильма, «Реинкарнация» и «Солнцестояние»^{**}, из тех, в которых есть над чем подумать, но заново их пересматривать не хочется и тяжело), а поточные рассказы про чудовищ вида ужасного, схвативших ребенка нещасного, которых страшными усилиями мама-папа победили, проклятый дом горит, спасенные уезжают в закат/восход, и полный хеппи-энд, но в последнем кадре через заднее стекло машины мы видим, что спасенное дитя мерзко хихикает и у него опять бельмы, – все это у меня вызывает изгагу и скуку.

Есть фильмы ужасов – человеческие и смешные (как известно, по словам одного церковного человека, святость вообще есть смирение+чувство юмора), и как тут не помянуть любимую «Колыбельную» Махульского^{***} и т.д. (Где-то в этом же ряду у меня, например, и сериал про удалого Эша и зловещих мертвецов, сказка про Иванушку-дурачка, лихо совершающего квест через заколдованный лес с чудодюдами, смотреть его весело, но мало кому порекомендуешь, ибо расчлененки, кишок и мозгов там через край).

И есть еще «Вий» Птушко. Отдельно стоящий, любимый с детства, потому что среди разнообразного «нашего вся» Куравлев и Варлей из этого фильма – изрядная «этого вся» часть.

О воле Божией

Предупреждение: везде, пища «мы», я имею в виду конкретных людей, в том числе и себя самого. Это не рисовка, на самом деле так. А «мы» ставлю – для скорописи и удобства.

Итак,

многие (в тех же разговорах с батюшкой) тревожно и искренне говорят: «Как узнать волю Божию?!».

---

^{*} «Сонная Лощина» (*Sleepy Hollow*, 1999) – готический фильм ужасов американского режиссера Тима Бёртона. «Носферату – призрак ночи» (*Nosferatu: Phantom der Nacht*, 1979) – фильм ужасов, снятый немецким режиссёром Вернером Херцогом и являющийся ремейком классического немого фильма ужасов «Носферату, симфония ужаса» (*Nosferatu – Eine Symphonie des Grauens*, 1922) немецкого режиссера Фридриха Вильгельма Мурнау. «Белоснежка» (*Blancanieves*, 2012) – фильм испанского режиссера Пабло Бергера, снятый в стилистике немого кино.

^{**} «Реинкарнация» (*Hereditary*, 2018) и «Солнцестояние» (*Midsommar*, 2019) – фильмы ужасов американского режиссера и сценариста Ари Астера.

^{***} «Колыбельная» (*Kolysanka*, 2010) – фильм, снятый в жанре черной комедии польским режиссером Юлиушем Махульским.

Эти слова обычно относятся ко вполне определенной ситуации: поступить ли так или этак, прореагировать так или этак, а то и – получить гарантии, что, поступив так, не получишь/получишь в будущем этак, и так далее, и так далее.

«Всего этого ищут и язычники», как сказано. И сказано горько, но верно.

Жалко всех нас, конечно. Слабых, грешных, смертных, замороженных. Всех.

Но.

Думаю, этот вопрос – «как узнать волю Божию» – от нашего страха и неверия, от лукавого, в общем. У христиан самого по себе такого вопроса быть не должно. Не потому, что христиане де «знают волю Божию», или «уж обязаны знать так, чтоб от зубов отскакивало», – нет. Ее вообще «знать» не надо – надо знать Самого Бога. Не искать шпаргалку/инструкцию/УК/гадательную книгу, и не про «узнать волю» спрашивать, и не спрашивать, а прямо – кричать к Богу: «Помоги мне исполнить волю Твою!».

Он Сам и поможет, и ответит, Сам, живой.

Якоб Бёме, «Что такое христианин?», 48:

«Всё, о чем ныне спорят и бранятся, за что истребляют людей и разоряют веси, есть лишь бесплодная пустая шелуха, и принадлежит стихии огня. Ни один из спорящих не вмещает в себя единого истинного разума, ибо спорят ныне они только об ИМЕНИ воли Божией, но ни одна из сторон не хочет исполнять этой воли. Словом, не помышляют они ни о чем другом, кроме собственной чести и услаждения плоти. Если б они были действительно Христиане, то не было б меж ними никакого спора и ругани».

Всегда пытался делать вид, что меня никак не интересуют злобы дня сего, но эти злобы упорно попадают там и сям, и бывают забавны.

Только что в ленте подряд попались посты двух групп, коммунистической «Ленин жив» и либертарианской какой-то, название не запомнил.

Обе они нападают на общего врага – получившего Нобелевскую премию редактора Муратова, причем коммунистическая, обиженная, что премию дали не им, пишет: «В то же время в России есть люди, которые всю свою жизнь посвятили именно объединению народа и защите государства от западной агрессии – это и Геннадий Андреевич Зюганов, и Вячеслав Володин, и Сергей Миронов», а либертарианская говорит, что Муратов боролся не один, рядом с ним боролись множество либертарианцев, а он поступил некрасиво и не разделил миллион между всеми, а отдал в какой-то фонд больным детям. Словом, они сошлись, волна и камень, стихи и проза, лед и пламень не столь различны меж собой, но нобелиат соединил их.

Вспомнил армейскую поговорку: «Докопаться можно и до столба» и задумался о преимуществах активного недеяния.

– Ты что попало несешь! Вопрос важный, а ты... день за красных, день за белых, и вообще... Хоть бы подумал, определился, прежде чем говорить.

– Ничего подобного! У меня взвешенная позиция.

– Как это?

– А так. Захожу вчера, говорю: девушка, взвесьте мне двести грамм вон той позиции. И еще сто грамм вон той, и триста – вон той.

Сегодня – служба в доме инвалидов. Вспомнил чьи-то слова (свят. Иннокентия Херсонского вроде бы, но не уверен): говоришь: «несу свой крест», но крест – это не просто твои личные тяготы жизни, тяготы есть у всех, крест – это твои страдания за других, твоя жертва другим и за других, ведь Христос нес крест, страдая – за других... Очень простое соображение, но хорошо трезвит, когда тянет жаловаться на свою жизнь.

После службы – пьем чай, разговариваем... Жители дома инвалидов (точнее, сейчас это – психоневрологический интернат) идут в храм, один бурно требует конфет и сахару, другая – крестик, причем требует каждый раз, в каждый свой приход, и куда она их потом деваает – непонятно... Кто-то срывается, сетует на них, что им, мол, Церковь не нужна («британские ученые доказали, что сил моих больше нет»). Внезапно приходит в голову: а на себя посмотреть; мы считаем себя христианами, а зачем нам Церковь? Как часто – за тем же самым: крестики, конфетки...

Вчера на наши занятия по Новому Завету в лектории воскресной школы пришел человек, взыскующий «правильной Церкви» – длинный путь, был алкоголиком, крестился, проходил реабилитацию у пятидесятников и у баптистов, но ушел от них, мол, «в заповедях у них одно, а в жизни другое», вот пришел теперь в православие, может, идеал-то здесь, и проч. в таком роде... Желание Церкви, Царства – вполне понятно. И так хочется найти готовое уже Царство, просто влиться в него, спастись в нем... Вместо этого:

– Господи, хочу уже Царства!

– Хочешь Царства – делай его. Его делать надо, самому, готового пока нет.

Дал тому человеку телефон о. Н, батюшки, который сам прошел изрядный, реальный и непростой путь делания Царства и войны со страстями, очень хорошо мог бы помочь начать жить в Церкви. Вечером спросил: – Звонил тебе такой-то? – Звонил... Начали разговаривать, но через пять минут он соскучился, разочаровался и бросил трубку...

В разговорах и спорах о войне (Великой Отечественной) и о победе есть один, на мой взгляд, важный момент; вообще, об этом было нередко – и в воспоминаниях фронтовиков, и просто разных советских людей, и у писателей и поэтов некоторых, а тут – напомнило, встретилось у Виктора Ремизова. В романе «Вечная мерзлота»:

«Вообще, те, кто воевал, не так боятся... особенно выпив, а пьют они, кажется, все... часто говорят, что думают. Самого, правда, громко никто не осмеливается обвинить... Но такого общего животного страха, как в конце тридцатых, мне кажется, сейчас нет. Война что-то поменяла, люди стали немного уважать себя. Я в тридцать девятом, когда вернулась из ссылки, боялась за тебя, за Колю, за родителей... боялась, что нас добьют окончательно. Просто уничтожат всех... Если бы не война, так и было бы. Его остановила война, он испугался».

Это, по замыслу автора романа, как бы кусок письма женщины к ее мужу, отбывающему огромный срок в лагере в 1949 году (даже не письма, писанного на бумаге, а монолога просто), с этими словами, разумеется, можно спорить, всякие доводы приводить... В частности, думаю: «уничтожат всех» – да что ж, фараон не вовсе идиот, если одномоментно всех уничтожить – кто же пирамиды строить будет. Надо же фараону оставить страну с атомной бомбой, а для этого фараоньему богу нужны жертвы, жертвы и жертвы...

Церковного тропаря, кондака, величания им нет – эти миллионы, они же некрещеные-невоцерковленные... Да и не надо. Два-то слова – всегда есть: «Упокой, Господи». Ихже имена Ты Сам веси. Но важно, чтоб не только Ты – веси, чтобы ведали и я, и ты, и ты, ныне здесь живущие. Чтобы нам понять, если же не понять – хотя бы почувствовать и заподозрить: в то время во всей этой страшной каше что-то происходило между Богом и людьми, происходило Духом между Христом и Отцом и людьми, всеми, сдыхающими безымянно в вечной мерзлоте и теми, кто их туда утаптывал, что-то невыносимо важное... Не в смысле «промысла Божия» в мейнстримовом смысле, сваливания на Бога всего, всего (такое звучит как оправдание палачества) – в простом и сущностном каком-то смысле; эту тоску я чувствовал всегда, с детства, как урожденный слабак, очкарик, чмо, ссыкло и доходяга, по крови, по конституции такой: бежать, бежать подальше, спрятаться (где ты, дверь в Нарнию?!..), только не быть – вот с этим, вот с этими. Лучше дойти в лагере и сдохнуть, дать себя безымянно свалить в общую яму (если не верить, что это Аслан прорыл ее для нас когтями, этот ход в Иное, то бывает невыносимо жить), только не броситься доедать человечину за овчарками; для кого-то из этих миллионов то был действительно сознательный нравственный выбор и подвиг, а для кого-то, для многих, слабых и немощных, не был это никакой подвиг, а просто, ясно, спасительно – Бог не дал. И тот же Бог – Судия тем, другим, а наше дело – поминовение.

Говоря о «Стихах о неизвестном солдате», Надежда Мандельштам пишет: *«Чтобы осуществилось то, что предвидел Мандельштам, нужна не только воля к убийству, но и воля к гибели, тяга к концу, к воздушной яме, к самоуничтожению, к пустоте, к небытию...»*.

Воля палачей – более-менее рассмотрена, кое-как, но понятна; воля жертв – страшное, глубокое дело. Тем более что эта воля – вот она всюду, в современниках, в их активной суете, в обыденности, во всем...

Утренничек бодрый такой, всё – бодрое и уже дневное, багрец и золото еще доживают век на асфальте, лужа покрыта крепким ясным ледком, а кажется, долбани по нему каблуком – и разверзется бездна.

Не трогай ты эту лужу, бежишь – и беги себе, беги...

Из романа Виктора Ремизова «Вечная мерзлота» (разговор – среди репрессированных на Енисее в 1952 году):

«Горчаков замолчал, покуривая задумчиво.

– Вот загадка – почему при таких нелепых, неправдоподобных делах и приговорах они соблюдают юридические формальности? Зачем им все эти суды? Прокуроры, надзирающие за следствием? Зачем они добиваются признания вины, если негласно могут делать с людьми все, что угодно?!

– Ну как же?! Ложь не любит, когда она похожа на ложь, все должны верить в самое светлое и справедливое общество!»

Не зло само по себе страшно. А страшно и невыносимо тошно, когда изнасилование имитирует акт любви, включает в себя элементы нежности (особенно страшно, когда не по-театральному, ради потехи, а по-настоящему); страшно видеть, как злое существо в извращенной, пылающей или темно-ледяной своей глубине стремится к добру (какому?) и правде (какой?)... примерно так же «не укладывается» в голове и сердце, когда страдают дети и совсем невинные существа, особенно когда видишь, как ребенка ломает и выгибает «под себя» зло мира.

Неужели сатана никак не может отвязаться от Бога (а чтоб отвязаться, надо ведь оставить Его и себя в покое, то есть – дать свободу, а в падшем – ведь нет свободы, одна искалеченная и вывернутая наизнанку любовь, труп любви?!..), неужели не может он забыть Небо и как-то извращенно, безысходно ненавидя, тоскует по нему?.. нет, это невозможно представить, невыносимо человеческому уму и сердцу. Моему, по крайней мере.

Одни люди, условные «нехристиане», смотрят на себя своими глазами, нетрезво, и видят себя, например, вполне ничего себе, приличными людьми.

Другие люди, условные «христиане», пытаются посмотреть на себя глазами не своими, а Христа, трезво, и, понятно, никакой там приличности, а напротив, такая пакость, что впору кричать: «Опустите мне веки, вижу!».

Но самое интересное, что вот этот трезвый и беспощадный в этой трезвости взгляд Христа – он же смотрит и с любовью. Которая ищет во мне, глядя на меня, не приличности, а – меня.

Взглянуть на самого себя с любовью трезвым взглядом Христа – такое можно увидеть... словами – и это не троп – нельзя передать. Такое новое, иное измерение вообще.

Михаил КАЛИНИН

Разрозненные мысли

***

– Вот и закончился Великий пост. Особенный пост, пост во время войны. Которая не закончилась, она продолжает идти и только набирает силу.

– Пост закончился? – переспросил Господь.

***

Иосиф Бродский. «На независимость Украины».

Это стихотворение написано тридцать лет назад, но ощущение такое, что словно сегодня. Бродский, живя за океаном, безошибочно уловил случившийся тектонический разлом.

Крайняя эмоциональность и несправедливость поэтической реакции одновременно и удивляют и – не удивляют, потому что слишком узнаваемы. Все-таки Бродский по менталитету – вполне советский человек. Он тяжело и долго преодолевал его в себе. Очень помогло общение с Ахматовой в юности. Но, как видно по тексту, полностью освободиться от импринтинга не удалось. В стихотворении видны, с одной стороны, обида и злость имперца, теряющего часть того, что он считал своим, с другой – трезвое понимание, что уходящий – уходит и нужно с этим смириться: «...Не нам, кацапам, их обвинять в измене. / Сами под образами семьдесят лет в Рязани / с залитыми глазами жили, как при Тарзане».

Впрочем, камень кинуть в него может лишь тот, кому это освобождение удалось. Как показывает реальность, это и сегодня невероятно тяжело.

Стихотворение симптоматично своей подчеркнутой, скандальной безобразностью. Это – свидетельство о том, что присоединялась Украина к Российской империи, но уходит из постсоветской. Прежняя не была идеальна, но там была аристократия, понимавшая старшинство прежде всего как служение и личную ответственность. Доминирование без обязательств, как и «право на бесчестие», предсказанное Достоевским, стали принципиальным отличием сегодняшней ситуации. Бродскому можно было бы сказать, что благородные люди так не реагируют на то, что им не нравится, – и он согласился бы. Но – «что я написал, то написал». Диагноз такой, какой есть, и честность поэта не позволила уничтожить черновик.

Важно не то, какие вещи поэт не смог преодолеть в себе до конца, и не то, что его последнее предсказание ошибочно – «...будете вы хрипеть, царапая край матраса, строчки из Александра, а не брехню Тараса» (сегодня вряд ли в моменты крайнего экзистенциального напряжения кто-то вспомнит поэтов позапрошлого века). Куда важнее главная, пророческая ценность текста – ощущение необратимости разрыва, того, что эта часть империи навсегда утеряна. И если российская часть – это «троллейбус, уходящий на восток», как пел Виктор Цой, то отколовшаяся часть уходит на запад. Станет ли она в итоге органичной частью западного мира или после длительных судорожных движений «зависнет в пустоте», оттолкнувшись от одного берега и не приплыв к другому, – не знает никто. Об этом можно только пророчествовать, если на то есть дерзновение.

Но вся глубинная суть разрыва в том, что теперь эти гадания и прозрения – ответственность самих украинцев. Ответственность русских – прежде всего в том, чтоб украинцам, спросившим – «кто ответит за эти стихи Бродского?» – сказать «я отвечу». Бродский русский, я русский, он часть моей культуры, я за него готов ответить. Что бы он ни натворил, он – мой. Я от своих не отрекаюсь. Для меня тут важно то, что он – Украину таки отпускает. С ругательствами, с горечью, гневом, болью – но отпускает.

***

– Уехать?!! Зачем? Я – не диссидент, я – поэт. Я работаю с языком. (Высоцкий – из интервью на Западе).

Его ответ – хороший пример того, что такое опытное богословие. Убеждения, определяющие узловые жизненные решения и которые можно получить только из внутреннего опыта – с оглядкой на опыт других. Бродский сказал ему «аминь» как поэту. Он сам, будь у него выбор, тоже не уехал бы.

***

Приходили к нему воины, и одни спрашивали – что нам делать?

– Для начала содрать с рукава нашивку «Они сдохнут, а мы в рай», – говорил он им.

– А нам что делать? – спрашивали другие.

– А вы перестаньте называть противников орками, а себя воинами света, – отвечал Предтеча.

***

В полночь раздался крик – началась война! Жених идет! Девы подскочили и начали поспешно зажигать свои факелы. Но те не загорались.

В чем дело? Они же были щедро пропитаны! Чем пропитаны? Чем-то, о чем мы были уверены, что это масло. Но оно почему-то отказывается гореть.

Ну что ж, значит, такие вот дела у нас. Война... Затемнение. Встречаем без огня.

***

Потоп – образ тотальной войны, сметающей с лица земли прежний миропорядок. Ковчег – сердце, способное молитвенно впустить в себя ближних и дальних, чистых и нечистых.

***

«Есть ли Бог?» – это вопрос слепорожденного.

Исцелившись и прозрев, он уже не спрашивает: «Есть ли Бог?». Теперь он задает вопрос – «Есть ли человек?».

И единственный ответ, который может найти: «Да, есть. Это Тот, Кто тебя исцелил».

***

Евангелие процветания во все времена неминуемо приводит к национализму. Оно внеконфессионально, имея дело с поврежденной антропологией, а не с доктриной. Оно проникает, как вирус, в оболочку любой доктрины и удобно встраивается в нее.

Узнать его можно по безошибочному симптому – по его реакции на Крест. По его реакции на послание о том, что быть христианином – это быть живой добровольной жертвой.

***

– Никто из вас да не называет себя пророком. Спустя десятилетия люди сами вас назовут пророками. Или не назовут. Это совершенно не имеет значения. Важно только одно – суметь пробежать сквозь огонь.

– Господи, – не выдержал я, – а поэтом называть себя можно?

– Ты что, глухой? – ответил Господь.

SO IT GOES

Ад – это настоящее время, лишенное корней в вечности. Бесконечность случайной и временной декорации без прошлого и будущего. Отверженность от живой традиции. Ад – никогда не место. Даже ландшафт Эдема может быть частью ада, если ты не знаешь, кто ты и зачем ты здесь.

***

– Для кого ты пишешь? Кто твоя аудитория?

– Моя аудитория – миряне и монахи.

– Кого ты называешь мирянами?

– Тех, кто испытывает влечение к духовным смыслам. Но когда их оскорбляют, тут же впадают в гнев.

– А кто тогда монахи?

– Те, кто, общаясь в оффлайне и онлайн, не выходят при этом из своей вну-

тренней кельи. И вся словесная война, все оскорбления, летящие в их адрес, – для них как внешний шум за ее стенами.

– Так, по твоему определению, изрядная часть проповедников и учителей – миряне.

– Да. Как говорил один из персонажей «Тихого Дона»: такие же разбойники, как мы, только при эполетах.

– А самого себя ты к кому относишь?

– Я мирянин. С мечтой о монашестве.

***

Крепко тесное объятие.

Время – кожа, а не платье.

Глубока его печать.

Словно с пальцев отпечатки,

С нас – его черты и складки,

Приглядевшись, можно взять*.

...И снова о «Гостье из будущего»**.

У Арсенова – ненамеренно – вышла развернутая телеверсия стихотворения Кушнера о том, что «времена не выбирают, в них живут и умирают». Стерильный и отстраненный, не пускающий в себя мир будущего, изображенный в фильме, странно диссонировал с той картинкой, которая в советской идеологии росла еще из ветхозаветного некрасовского «жаль только, жить в эту пору прекрасную уж не придется – ни мне, ни тебе».

Причем понять, в чем дело, было непросто – «по букве» вроде бы на экране был показан образцовый «космический коммунизм», тот самый мир Полудня, который всегда декларировался. Откровение было убрано в подтекст. По принципу – «имеющий уши», т.е. чувствительность к образному посланию, – услышит этот диссонанс. Этот холодный сквознячок, веющий из-за прекрасной панорамы. Тихий шепот о том, что тебя здесь не ждут, этот мир не твой. И не будет твоим. Что дверь в подвале наглухо закрывает его, как дорогу в Эдемский сад, куда больше нет возврата. Что это некая параллельная реальность. Не имеющая никаких органических связей с тобой и твоей жизнью. С твоим временем. Выключенная из него. Чужая. И где-то даже опасная – можно привести с собой из нее непрошенных гостей.

Советский школьник, тайно проникший в нее, напоминает Томаса Вулфа в рассказе Брэдбери, выдернутого из своего мира в будущее, абсолютно неорганичное для него. Восхищающее, пугающее – но не родственное. В этом Брэдбери, на мой взгляд, ошибся – писатель не смог бы написать убедительную книгу о мире, не будучи связанным с ним живой личной связью. Не смог бы совершить то, ради чего его выдергивали из его мира. Стругацкие оказались проницательней – в их «Граде обреченном», где изображена такая же искусственная реальность, то ли в ином

* Из стихотворения Александра Кушнера «Времена не выбирают...» (1978).

** Детский пятисерийный телевизионный художественный фильм, снятый режиссером Павлом Арсеновым в 1984 г. по мотивам фантастической повести Кира Булычёва «Сто лет тому вперед» (1977).

времени, то ли в ином пространстве, куда выдернули множество людей, каждого из его времени и места, обсуждается, почему среди них за много лет так и не появилось ни одного писателя, поэта, которые создали бы произведения о том мире, в который их поместили.

Кстати, даже дети, участники съемок, это ощущали, судя по поздним интервью с ними. Что это какое-то странное будущее. Слишком условное и нереальное. Неубедительное. Используя образный язык Кинга, можно было бы здесь сказать, что будущее так же отторгает настоящее, как его отторгает и прошлое, и даже с еще большим основанием. И лангольеры в будущем куда крупней размером.

Что ни век, то век железный.
Но дымится сад чудесный,
Блещет тучка; обниму
Век мой, рок мой на прощанье.
Время – это испытанье.
Не завидуй никому.

***

Церковь – это соборность личностных мифов. Они органически соединены друг с другом в одно живое целое. И это целое продолжает встраивать в себя все новые и новые мифы. Таинственно делая их такими же неразрывными с прежними.

Любое учение, полагающее своим фундаментом демифологизацию Откровения или собственный миф о нем, не встроенный в церковную соборность, – уводит от Церкви по духу, даже если при этом ни на букву не отступает от Писания.

Христос пришел как образ Отца. И показать Христа можно, только показав Его образ – а не формулу Его учения.

Как нет формулы любви, так нет формулы Церкви. И никогда не будет. Только Предание. Только соборный личностный миф о Ней.

***

– Почему в своих стихах и прозаических отрывках ты постоянно устраиваешь встречи Христа с разными людьми?

– Потому что с этого начинается Евангелие: те, кто познакомился с Христом, спешат привести к Нему своих близких, друзей, родных. Всех, кто им дорог. Организуют их встречу. Не зная при этом, каков будет ее исход. Я стараюсь делать то же самое. Потому что не могу не устраивать эти встречи.

***

– Пассионарий – это человек, наделенный избыточной энергией, – сказал пришедший. – Пассионарность означает такой уровень энергии, импульс которой превышает импульс инстинкта самосохранения, вследствие чего пассионарий способен пожертвовать своей жизнью ради идеи.

– Только один вопрос, – сказал отшельник. – Эта, как ты там говоришь,

пассионарность – она тождественна внутренней свободе? Это ее синоним?

– Ты что? При чем тут свобода? Пассионарность – это внутренняя жажда! Пассионарная личность избыток энергии использует для создания состояния внутреннего сверхнапряжения! Она стремится изменить мир, даже сама того не осознавая!

– Большое спасибо, всё понятно, – вежливо ответил отшельник и углубился в молитву.

***

– Ты выведешь Шаламова** из ада? – спросил я.

– Ад в нем самом, – ответил Господь. – Он не хочет с ним расставаться. Это же его тема. Вытащить ад из себя – то же, что пойти, продать все, что имеешь, и раздать нищим. Слишком неисполнимо. Разве это возможно – оказаться в пустоте? Ведь из ада невозможно что-то вынести, оттуда выходят с пустыми руками. Если выходят.

– Значит, нет никакой надежды?

– Пока человек жив, есть надежда.

– А он жив?

Господь не ответил и посмотрел мне в глаза.

***

– Как перестать быть расписанным гробом? Можно ли одолеть Великий Камень между «быть» и «казаться»?

– Можно. Мостик тонкий, веревочный. Вызывает страх при одном взгляде на него. Но другого нет. Не придумали за все это время ничего другого.

ЛЕТНЕЕ

– Почему, глядя на кого-то с вожделием, я отвожу глаза, заметив, что это увидели?

– Потому что стыдишься этого состояния.

– Значит, в нем нет ничего хорошего?

– Оно заставляет смотреть на человека как на объект, а не как на личность. Расчеловечивает другого.

– Вожделие – чувство?

– Это больше чем чувство. Достоевский использовал термин «идея-чувство». Это влечение и желание обладать тем, что влечет. Уверенность в своем праве обладать.

– Первые люди вожделили друг друга?

– После грехопадения – да. И не только друг друга.

– А до грехопадения?

* Варлам Шаламов (1907–1982) – прозаик и поэт; был репрессирован и провел более 14 лет в колымских лагерях; это время он отразил в своих «Колымских рассказах».

– Иван Ефремов в «Лезвии бритвы» написал – «один пол радовался красотам другого». Радовался. Радость – тоже идея-чувство. Но в ней нет уверенности в праве на обладание. Радость чиста. Даже ты, падшее существо, не отводишь глаз, когда смотришь на что-то с радостным восхищением. А когда смотришь с вожделием – отводишь.

– Есть те, кто не отводят.

– Да. Но там все совсем плохо.

– А у меня?

– У тебя плохо, но не совсем.

– Возможно ли прийти к тому, чтоб смотреть на красоту другого пола без вожделия, но с чистой радостью?

– Почти невозможно.

– На чем тут упор – на «невозможно» или на «почти»?

– Тебе решать.

***

– Для чего ты заходишь в соцсеть? – спросил Лествичник.

– Много для чего, – замялся я. – Сложно с ходу перечислить все цели и причины.

– Есть только одна цель и только одна причина. Цель – отпустить хлеб свой по водам. А причина – тщеславие и страсть к многоглаголанию.

– И это всё?

– Всё.

– И что же делать?

– Заходя, всякий раз спрашивать себя – «зачем я сюда зашел?».

***

– Копипаст в мирное время – инфомусор. Цветной, яркий, притягательный шум. Вредный, как всякий мусор и шум. Но относительно вредный. Неявно. Во время войны копипаст – оружие и боеприпасы. Цветные, яркие, притягательные оружие и боеприпасы. Если это твоё оружие и твои боеприпасы – вопросов нет. Но если не твои, тогда – зачем?

– С тобой не согласятся.

– Да пожалуйста. Я только рад несогласию – если оно рождено внутренним опытом. Но в основном оно – тоже не своё. Также копипаст. Чужих взглядов, чужого мировоззрения. Война копипастов.

– Постой. Я прочитал мнение, с которым согласен, – но сам бы я не смог так ясно сформулировать. Разве плохо, что я его перепостил?

– Да, это похоже на то, что сказал бы ты сам, – и все же это не твоё высказывание. Твоё так и осталось невысказанным. Сила чужого слова и мысли заглушила твой собственный слабый росток мысли. И так изо дня в день ты послушно делаешь себя клоном иного взгляда. Иного мировоззрения. Похожего чем-то на твоё – но не твоего.

– Но ведь не у всех есть дар слова! Что же тогда, если не копипастить, – молчать? У меня нет столько времени, сколько нужно, чтоб снова и снова пытаться

высказать свое – и своими словами! Я не пойму, что плохого, если я пользуюсь чужими высказываниями, пусть они и не отражают меня самого на сто процентов? А если на девяносто – отражают? Или даже на девяносто пять?

– Так вся соль – в остальных пяти процентах. Мелочи, мелочи главное, говорил Раскольников. Эти мелочи и губят всегда и всё. Эти пять процентов, если бы их ты сумел раскрыть, возможно, неожиданно для тебя самого, и может, даже не сразу, – но помогли бы осознать, что ты не во всем согласен с тем, что перепостил. А может, и в корне не согласен. Хотя изначально ты был искренне уверен, что это почти то же самое, что бы ты и сам сказал.

– Не согласятся с тобой! Я первый не соглашусь... Но да, помню, мое несогласие – это тоже копияст... Ловко. Хорошо, а перепост фактов? Фактов, а не взглядов? Против них ты что имеешь?

– Да то же самое. Факт – это то, что произошло с тобой. Пережито тобой. Осмыслено тобой. Всё остальное, даже если это сообщение от того, кого ты знаешь лично, – это уже не факт. Это сообщение. Толкование. Взгляд.

– Тебя послушать, так в интернете наступит тишина!

– Вот было бы неплохо, правда?

***

– Перечитал твои стихи военных лет, – сказал я Пастернаку, – в них нет ничего, что побудило бы возвращаться к ним снова. Это искренний отклик на внешнее событие. А не отчет о событии внутреннем, как остальные.

– Не повторяй моих ошибок, – ответил он. – Не надо писать о войне.

– Но ведь именно война – причина того, что я не могу писать так, как раньше!

– Не пиши так, как раньше. То, что написанное прежде продолжает сохранять жизнеспособность, – это чудо и подарок. Но теперь другое время.

– Как же нащупывать верный путь?

– Писать, как и всегда, – о внутренних событиях. Но соотносить их с событиями внешними. Так Блок читал стихи о любви, а ему кричали из зала – о революции! Даёшь о революции! Он резко ответил: это всё – о революции!

– Но среди тех, кто кричал, были те, кто это понимал?

– Разумеется! Для них он и писал.

***

Современна любая литература, которая интересуется человеком. Чем пристальней этот интерес, тем она современной. Многих древних авторов сегодня не читают не потому, что они устарели, а потому что они более современные, чем современные читатели. Они – в настоящем, а ныне живущее поколение – в глубоком прошлом.

***

– *И будет он как дерево, посаженное при потоках вод, которое приносит плод свой во время свое и лист которого не вянет**, – прочел я.

---

* Пс. 1, 3.

– Нравится? – спросил Господь.

– Очень!

– А что нравится больше всего?

– Про плоды, – честно сказал я.

– Как насчет того, что они будут «во время свое»? Не ты же будешь определять время плодоношения. Сущности и характера своих плодов ты тоже не знаешь. Скорее всего, они окажутся вовсе не тем, что ты думаешь. А самое главное – время для каких-то плодов твоей жизни придет только после твоей смерти. Ты их не увидишь. В лучшем случае получишь пророческое извещение о них. В чем тогда удостоверение, что ты действительно дерево у потоков вод, а не *вереск в пустыне*^{*}?

– Выходит, главный признак – *лист которого не вянет*?

– Да. Внутренняя жизнь Духа. Сердце, из которого ежедневно вычерпывают стоячие воды. В котором всегда мир. Превосходящий всякое понимание. Проявляющий себя в каждом жесте, взгляде, слове.

– Значит, если кто-то – дерево, зеленеющее во всякое время, в любых обстоятельствах, то это потому...

– Что его корни всегда пьют воду.

***

Не так давно у друга умерла жена. Вторая жена. Первая умерла мгновенно, во сне. Вторая уходила несколько месяцев. Рак. Он периодически звонит мне. Разговариваем о том, как дальше жить, для чего, для кого...

К чему я об этом – возможно, эти разговоры как-то повлияли на то, что мне приснилось, как умерла моя жена. Я нечасто вижу сны, и если что-то снится, то утром мгновенно забываю содержание. Редко снится то, что запоминается. В этот раз был именно такой сон. Я бы сказал – сон из разряда учительных. Откровенных. Самым удивительным было то состояние, которое я в нем испытывал. Это было не горе. Наверное, лучше всего это состояние удалось передать Юрию Шевчуку в его «Вальсе». Громадная печаль, радость, трепет. Но самое главное – ощущение неизъяснимой значительности происходящего. Понимание того, что стоишь перед тайной. Смерть – такая же тайна, как жизнь. Но тайна, подчиненная жизни. Не первичная. Служебная. Чье назначение – донести всю неохватность жизни как некоего послания для того, кто не способен без помощи смерти посмотреть на жизнь под нужным углом.

Жизнь всегда любит великопной смертью,
Смерть всегда отчаянно запоминает жизнь**.

Поскольку смерть временна, в отличие от жизни (парадокс!), ее назначение заключается именно в этом – в очистке замыленного взгляда, помогая увидеть главное в бытии того, кого больше нет рядом. То, для чего он был в твоей жизни. Создавая для этого дистанцию между тобой и им. Как всякое откровение, смерть

^{*} Иер. 17, 6.

^{**} Из песни Ю. Шевчука «Вальс» (2001).

что-то сообщает – но на ином языке. В котором все же есть отдельные понятные слова. Разгадка этого послания – твоя задача. Как у Шампольона.

***

– Только внутренняя жизнь есть истинно-христианская жизнь, – поведал Никифор Монах.

– Но если люди не увидят мои добрые дела – как они что-то узнают от меня о Христе? Если всё будет совершаться только внутри?

– Это противопоставление рождено отцом лжи. Упор на внешние дела превращает человека в расписанный гроб. Как преподобный Иоанн Лествичник говорит: «Скверное тщеславие научает нас принимать образ добродетели, которой нет в нас». Сосредоточение же на жизни сердца сделает тебя деревом у потоков вод, о котором сказал пророк, и городом на холме. Стань таким деревом и таким городом – и не сможешь укрыться даже в пустыне. Спрячься хоть за морем, хоть в преисподней, отключи гаджеты и навигаторы – всё будет бесполезно. Тебя найдут и к тебе придут.

«...А не тонны благочестивой ПИСАНИНЫ»

На вопросы ВС отвечает поэт Михаил КУКИН

– Михаил, обычно первый вопрос, задаваемый в наших беседах с поэтами, – биографический, связанный с приходом к христианству – и в жизни, и в стихах. Не буду нарушать эту традицию. Если говорить о вашей поэзии, то поворот к духовной лирике особенно ощутим в ней в начале двухтысячных. Особенно чувствуется это в подборке 2003 года в «Знамени». Это было связано с какими-то событиями в вашей жизни?

– Я родился и вырос в совершенно нерелигиозной семье, родители были советскими инженерами. Не могу сказать, что родители – или мои школьные приятели – были воинствующими атеистами. В той среде, скорее, было принято ироничное и скептическое отношение ко всему, что связано с верой... Работал какой-то обыденный здравый смысл. Который говорит человеку, что чудес в общем-то на свете не бывает, что если ты какой-то особой водой, условно говоря, освященной в церкви, побрызгаешь на отрезанную ногу, нога не вырастет. А поэтому «в церкви» (никто из нас в церковь на службу никогда не ходил) рассказывают сказки.

Но где-то уже в старших классах были первые соприкосновения с великими произведениями искусства, где христианство оказалось неожиданно другим. Там как-то в стороне оставался вопрос «сказочности», но от некоторых страниц было явное ощущение духовного порыва. В первую очередь, конечно, Достоевский. Его по какой-то огромной идеологической ошибке проходили в советских школах. «Преступление и наказание» – совершенно христианский роман. Сцена, где Соня Мармеладова читает Евангелие о воскрешении Лазаря, написана так, что читатель это место потрясает. И я думаю, что благодаря этому роману немалое количество людей, учившихся в советской школе, позже пришли к вере. Я, например, себя к этому отряду отношу. Это происходит не моментально, не сразу, но ты получаешь какую-то инъекцию, первый «укол», очень важный. В твой обиход входит само слово «Евангелие», а у Достоевского еще сказано, что оно «от Иоанна», то есть ты

начинаешь вдруг понимать, что есть несколько Евангелий... Вся эта информация приходит к читающему школьнику сразу, в одной небольшой сцене, где есть и сам Христос, и его друг Лазарь, и вот это чудо происходит, Лазарь воскресает. А отсюда, от этой сцены, вообще рукой подать до центрального события всего христианства – до Воскресения Христова. И читающий как бы моментально оказывается в самом центре христианского вероучения.

– А кроме Достоевского было еще что-то?

– Да, было другое воздействие – древнерусское искусство, иконопись, фрески. Это чуть позже, на первом курсе института. После школы я поступил в Московский инженерно-физический институт, на факультет кибернетики. Но у нас там был лекторий, для желающих, – по вечерам приходили разные интересные люди, которые читали лекции на темы, связанные с литературой, философией, историей, историей мировых религий... Такое своего рода гуманитарное просвещение, для студентов-технарей. И вот к нам в МИФИ приходил скромный немолодой человек, я помню его фамилию – Антонов, он по вечерам читал лекции о древнерусской живописи, со слайдами. Естественно, рассказывать об иконах невозможно, не рассказывая о сюжетах, которые там изображены, поэтому на самом деле это была и проповедь христианства, хотя и в форме лекций об искусстве.

– Наверное, и какое-то влияние «Рублева» Тарковского...

– Да, возможно, я на эти лекции пошел, тратя вечерние часы не на личную жизнь и не на учебу, потому что «сработал» «Андрей Рублев», которого я посмотрел еще в школе.

А еще мы с мамой моей ездили, когда я был школьником старших классов, – она активно меня таскала на автобусные экскурсии, – по городам Золотого кольца: Владимир, Суздаль, Ярославль, Переславль... Были поездки в Новгород и Псков. А там везде древнерусские соборы и музеи с прекрасными иконами...

В общем, я решил разобраться повнимательнее и поглубже и стал ходить на эти лекции. Наш лектор замечательно знал предмет и, судя по всему, сам был верующим человеком (как я позже догадался), и он с большим подъемом, с жаром рассказывал студентам-мифистам, недорослям, темным и дремучим в этом вопросе, о христианской культуре, – рассказывал гораздо шире, чем просто о живописных приемах, стилях и школах. Он пересказывал жития святых, когда это было нужно, но в первую очередь, конечно, пересказывал Евангелие.

Помню, особенно сильное впечатление на меня произвели лекции о фресках Дионисия в Феррапонтово. Там ведь и сам памятник совершенно потрясающий, а наш лектор еще ярко, вдохновенно о нем говорил, а там же евангельские циклы, и всё таким удивительным образом композиционно связано, что это не просто отдельные прекрасные образы, это именно монументальный цикл, со своей логикой, со своими смысловыми связями, переключками. И лектор нам все это показывал, объяснял. И вот тогда я понял, насколько это прекрасная, глубокая, сложная

вещь – то, что можно назвать христианством, христианским искусством, христианским богословием.

– И с этого уже началось?..

– Нет, я оставался вполне неверующим молодым человеком, но лекции Антонова – это уже был не «укол», это было серьезное погружение, с головой. Мне стало интересно погружаться дальше, – я стал читать. Где-то нашел Евангелие. Это было сложно: позднесоветское время, купить его было нигде (ну, точнее, я не знал, где), ни у кого из родственников его тоже не было, но я нашел человека, и мне дали на несколько дней почитать Евангелие, даже какие-то страницы я переписывал от руки. Это было еще время самиздата, печатной машинки у нас дома не было. Не могу похвастаться, что все Евангелие переписал своей рукой, но какое-то количество страниц переписал. И целиком прочел. И поскольку это было такое подпольное, запретное чтение, то оно было жадным и внимательным.

Потом была довольно долгая полоса жизни, когда я продолжал интересоваться искусством, смотреть альбомы и читать какие-то тексты, и стал, в принципе, достаточно осведомлен «по поводу христианства». Я мог уверенно пересказывать многие евангельские притчи и объяснять их смысл, знал последовательность евангельских событий, читал кое-что из Ветхого Завета. Читал тогда же и Флоренского. Но это все была некая культурная пища московского интеллигентного молодого человека.

Отучившись три курса в МИФИ, я бросил его, потому что понял, что все-таки хочу всерьез заниматься гуманитарными науками – историей, философией, литературой. Тогда уже я активно писал стихи, это было в моей жизни главным внутренним занятием. Меня, естественно, когда я бросил МИФИ, сразу загребли в армию, два года отслужил солдатом, вернулся, поступил на первый курс филфака – и началась еще одна история, я снова стал первокурсником.

Дальше были пять лет филфака пединститута, диплом, аспирантура Института мировой литературы. Диссертация была посвящена изображению природы в русской поэзии, то есть тема звучала вполне по-школьному, но это был, скорее, культурологический подход, я смотрел на этот материал гораздо шире, то есть занимался не только русской поэзией XIX века, а начиная от античных поэтов – и через всю историю европейской поэзии, и вообще литературы, и искусства изобразительного, – я смотрел, как вообще менялось понимание природы в культуре. И тут у меня главными советчиками были не столько филологи, сколько философы, хотя, формально, диссертация была филологическая. В частности, на эту диссертацию сильно повлиял ныне живущий замечательный философ и историк науки, историк философии Анатолий Ахутин, его книга «Понятие “природа” в античности и в новое время» произвела на меня тогда большое впечатление. Другой сильно повлиявший на меня старший современник – выдающийся филолог и переводчик, специалист по истории культуры (он был и музыковедом, и искусствоведом) Александр Викторович Михайлов, который, к сожалению, рано умер, в 56 лет. Он возглавлял несколько лет Отдел теории литературы в ИМЛИ, где я как раз учился

в аспирантуре, так что Михайлова я видел и слушал еженедельно. Он читал мою диссертацию и похвалил ее, – что, кстати сказать, я всю жизнь помню и храню в памяти как некую высшую награду. Хотя серьезно заниматься наукой я уже тогда не собирался, больше всего я хотел писать стихи и быть поэтом, и в аспирантуре учился кое-как, скорее, чтобы родственники от меня отстали, чтоб социум от меня отвязался...

В общем, вот такая была юность. Но мы говорим о пути к христианству. Понятно, что с «христианством» я встречался чуть ли не ежедневно; когда ты рассматриваешь произведения классического искусства, когда читаешь серьезную художественную литературу, то с христианством имеешь дело постоянно.

Но личного воцерковления, личной веры – не было долгие годы. Я как-то очень медленно полз в этом направлении. Мне казалось, что я и так «всё знаю». Чем меня можно удивить? Ведь я такой ученый, такой образованный человек, мне уже тридцать, я столько всего прочитал, про древнерусские иконы могу рассказать лучше любого священника... Зачем мне это – ходить в церковь, какие-то обряды совершать? Я по-прежнему не видел в этом смысла, именно в обрядовой стороне дела, хотя внутренне считал себя, скорее, солидарным, согласным с христианской культурой. Но христианство и «христианская культура» – это совсем не одно и то же...

– А когда появились стихи на христианские темы?

– Первое стихотворение, которое можно назвать «христианским» в буквальном смысле слова, я написал до своего крещения, в конце 90-х, а крещение я принял (вы правильно это почувствовали по стихам в «Знамени») в начале 2000-х, мне тогда было сорок лет.

Это стихотворение было посвящено одному из важнейших для меня и «любимых», если можно так сказать, событий в евангельской истории – Рождеству: «*Шли день и ночь, не ставили шатры...*»

– Оно заканчивается неожиданно – волхвы предстают перед Младенцем с «пустыми руками»...

– Я, конечно, понимал, что в Евангелии не так описан приход волхвов. Но я понимал также, что пишу не для того, чтобы пересказать фрагмент Евангелия: это почти всегда неправильный ход. Бывают иногда отдельные удачи, когда произведение искусства вроде бы просто «пересказывает», но делает это так чудесно, что этот пересказ в итоге становится чем-то серьезным с точки зрения искусства. Но вообще, я думаю, что в произведении все-таки должно проявляться то, что автор по этому поводу думает, чувствует... И лучше, если это будет сформулировано не в виде мысли, какой-то сентенции или (не дай Бог!) поучения, а, скорее, в виде вопроса. Стихотворение заканчивается словами «*Вошли с пустыми / Руками и предстали перед Ним*». Нет никаких объяснений: а почему они вошли с пустыми руками? А где же золото, ладан и смирна, о которых мы все знаем? Читатель дочитал стихотворе-

«...А не тонны благочестивой писанины». На вопросы ВС отвечает поэт Михаил КУКИН

ние – и остался с ним. Остался с вопросами... Может, ты читал не «про волхвов», а про себя самого? Про наш путь ко Христу, в этой метели? А если так, то что же тут странного? Ну как ты еще можешь прийти к Богу и что ты можешь Ему принести? Какие-то подарки, какие-то предметы? Да Ему это не нужно. Ему нужен ты.

– *А как-то это движение к христианской лирике связано с поэтическим содружеством КуФёГа (Кукин, Фёдоров, Гадаев), его еще иногда называют «Коньковской школой», которое вы создали в конце девяностых? У Игоря Фёдорова я не нашел, но у Константина Гадаева духовная лирика есть, очень интересная...*

– Что касается Фёдорова, ближайшего моего друга и поэта, то у него есть, например, стихотворение, которое он посвятил мне и которое написал зимой перед моим крещением. Коротенькое стихотворение, как почти всё у Федорова:

Скажи мне, любимец богов,
Каков ты в канун Рождества?
Готов ли? – среди облаков
Уже проступает звезда.

И так неохота в мороз
Тащиться куда-то сквозь тьму!..
А завтра родится Христос.
И что ты подаришь Ему?

При всей его простоте оно очень и точное, и глубокое. И в нем есть такой мягкий юмор, и абсолютно серьезно при этом поставлен вопрос. И даже не один. А там восемь строчек.

На собственно христианские темы он особо не пишет, он больше в «бытовом жанре». Но Фёдоров – настоящий поэт, поэтому темы не так уж и важны. И вот, пожалуй, пример настоящей христианской поэзии.

– *А Гадаев?*

– А Костя Гадаев – да, совершенно замечательный христианский поэт. И у него есть очень разные примеры христианской лирики: и символические, и, наоборот, такие вот прямолинейные до наивности, очень разные и очень глубокие, сильные.

Кстати, его крещение, во взрослом возрасте, стало одним из сильных моих жизненных впечатлений. Он крестился, и я это воспринял как большой праздник, большую радость. При этом мы с ним спорили часами о том, почему же я не крещусь, я объяснял ему свою позицию: мой честный естественно-научный разум не велит мне креститься, я не верю в чудеса, физика против, а Костя мне говорил: «Ну разве в этом дело? При чем тут физика?»

– *Это как-то послужило толчком?*

«...А не тонны благочестивой писанины». На вопросы ВС отвечает поэт Михаил КУКИН

– Эти наши дебаты продолжались несколько лет. А потом я почувствовал страшную пустоту, и началось то, что называют обычно «духовный кризис».

Хотя эти слова мало передают тот кошмар, в котором я тогда находился: жизнь разваливалась на куски. Вот ты относительно здоров и молод, ты вроде много чего знаешь, у тебя вроде бы всё есть... Но тебе не надо ничего, всё рассыпается, разваливается, всё обесмысливается. Это такая страшная пустота, такая чернота, черная дыра, с которой ты оказываешься лицом к лицу.

Когда я вошел в это состояние, где-то в сорок лет, полностью запутавшись в собственной жизни и в самом себе, я почувствовал очень ясно внутри себя ответ на вопрос, что мне делать: надо идти в церковь и – буквально – спасаться. Надо идти, креститься и начинать жить другой жизнью. Всё менять. Я так и поступил (а мой друг Костя Гадаев с радостью стал моим крестным отцом).

– И мы возвращаемся к первому вопросу...

– Да, стихи, которые вошли в подборку «Знамени» в 2003 году, были написаны большей частью в 2002-м. Я уже ходил тогда в церковь, исповедовался, причащался, и это была новая, райская жизнь, как это бывает часто у взрослых неофитов: чувствуешь, как будто тебя кто-то носит на крыльях, – и это не кончается! Неделями, месяцами – не кончается! Это была потрясающая полоса в жизни. Жаль, что на этом восторге, восхищении всю жизнь двигаться нельзя (у меня, по крайней мере, не получилось) и ты сталкиваешься опять с самим собой, со всем своим греховным, слабым существом, со всеми этими проблемами – с собственной трусостью, лживостью, тщеславием – по полной программе... Со всем, с чем сталкивается любой человек, который начинает стараться честно внутри себя смотреть.

Да, я думаю, что и стихи, написанные позже, отражают и это всё тоже. Стихи на христианские темы следуют за человеком, то есть вот мы живем в безверии, мы от этого безверия мучаемся, задыхаемся, мы идем к вере, мы к ней приходим, приходим к крещению, к храму, – всё это отражается, так или иначе, в стихах. А мы потом опять куда-то проваливаемся, сталкиваемся опять и с унынием, с тяготами разного рода, с соблазнами, – и всё это тоже живет в стихах.

– Вы много занимаетесь европейской живописью, вообще изобразительным искусством. Насколько могу судить по вашим лекциям на сайте «Предание.ру» и на вашей страничке на ФБ, – в значительной степени религиозным, на евангельские темы. «Поцелуй Иуды» Караваджо, «Несение креста» Босха, «Благовещение» Робера Кампена... Что это для вас как для поэта? Не хочется использовать такие затертые обороты, как «источник вдохновения»... Но как бы вы это для себя определили?

– Поэтов иногда спрашивают, какое искусство им ближе: музыка или живопись? И поэты чаще говорят, что музыка, конечно. Поэзия – это же музыка... Но я отношусь к той группе пишущих, может, и не такой многочисленной, кто на этот вопрос отвечает – живопись.

Я не хочу сказать, что не люблю музыку, – очень люблю, но просто живописью

я занимаюсь, объективно говоря, больше. На протяжении лет двадцати, никак не меньше, во мне шло какое-то подспудное движение, все больше и больше возрастал интерес к изобразительному искусству. В начале 2000-х я какое-то время работал редактором в газете и у меня вдруг появилось больше денег (как у любого, кто перешел от преподавания к журналистике), и я получил возможность впервые в жизни выехать за границу, в Европу. У меня была одна мечта – попасть наконец в те музеи и увидеть те вещи, о которых я столько читал. И все мои поездки были по сути дела такими пунктирными маршрутами, от музея к музею. А внутри музея – от работы к работе. Я готовился заранее, продумывал эти маршруты.

Когда прошли годы и стало понятно, что из филолога я постепенно превращаюсь в человека, который все меньше рассказывает студентам о литературе и все больше – о живописи, я пытался анализировать это, размышлял над этим.

– В том числе и над тем, как это связано со стихами?

– Да. Мне кажется, что живопись (правильнее сказать – любое изобразительное искусство) чрезвычайно важна для пишущего человека, потому что она дает опыт визуального образа. А он говорит молча. Такое противоречивое по своей природе сочетание – «говорит молча». Понятно, что искусство говорит, говорит очень сильно, что художник может быть философом, он может быть лириком, богословом, проповедником, и это будет явлено нам в его работах.

Возьмем, например, Рембрандта (одного из моих любимейших художников). Мы смотрим и говорим: какая глубина! Но глубина чего? Это же холст, на нем краски. Глубина мысли? Но какой мысли, чьей? Художника. А где она, эта мысль? Дайте мне философский трактат, или поэму, или роман, я вам вытащу оттуда мысль, я цитаты приведу, зачитаю нужные фрагменты... А тут – вообще нет слов! А мысль – есть, глубина – есть.

И то же самое происходит в стихах.

На самом деле ведь поэзия тоже может быть болтливой, многословной, но пустой. И тема на это никак не влияет – тема может быть самой возвышенной, серьезной, философской, христианской, гражданской, патриотической, любовной, да какой хотите. Но стихи – будут пустыми.

Часто мы не понимаем, что пишем не словами. Поэт, как мне сейчас кажется, со словами скорее сражается, борется, они ему скорее мешают, что в свое время хорошо и четко, внятно и прозрачно сформулировал Тютчев: «Мысль изреченная есть ложь».

А как тогда говорит поэт? А на самом деле не только поэт, но и прозаик, и кинорежиссер, и любой художник? Как говорят люди, которые создают художественную вещь? Они говорят образами, а образы часто возникают на стыке слов и за словами. Там, где как раз слова кончаются, образы только начинаются. Вот ты дочитал текст до конца – и замолчал, и текст замолчал... Эта волна, которая идет после прочитанного текста, – самое важное. В ней как раз «содержание», а не в буквальном смысле в словах, которые ты прочел.

То есть между поэзией и изобразительным искусством связи гораздо более

глубокие и серьезные, чем на уровне сюжета. Мои любимые художники, которых довольно много (но если говорить про XVII век, то это в первую очередь Вермеер и Рембрандт), – я думаю, что это мои учителя. В поэзии.

Они ни слова не написали, я не могу их процитировать, но я на них смотрел. Смотрел, а через год приезжал и снова смотрел, – и, думаю, они оказали на меня огромное влияние. Но вот в чем оно состоит? Оно не проявляется напрямую, в сюжете или, скажем, в упоминании имен. У меня, например, нет стихов про Голландию XVII века... Хотя есть одно недавно написанное стихотворение, которое напрямую навеяно гравюрой Рембрандта «Три дерева», и то я ее не буквально там описываю... Но чаще у меня стихи о современной жизни, обо мне самом, тот самый лирический дневник. А вот объяснить, где же в стихах видны эти учителя, в чем их влияние, ткнуть пальцем в какое-то слово – так не получается.

– А как это сочетается с интересом к иконописи, о котором вы говорили?

– Конечно, я сейчас вижу иконы совсем не так, как видел их в двадцать лет. Во-первых, я тогда видел только древнерусские иконы и совсем не представлял византийского контекста. И более того, я совсем не представлял античного контекста, из которого выросло византийское искусство. Сейчас я все это более или менее представляю, и моя насмотренность, «визуальная эрудиция», конечно, расширилась. Поэтому я другими глазами смотрю на русскую икону и вообще на православную икону. Я смотрю на нее, как ни странно это прозвучит, как на позднюю версию античного искусства.

– Немного отвлечись от темы поэзии: а не возникает ощущения конфликта иконописи и европейской живописи? Я имею в виду известные инвективы в отношении живописи Возрождения и прямой перспективы у о. Павла Флоренского...

– Да, не так давно в журнале «Фома» я опубликовал несколько небольших статей о христианском европейском искусстве, о конкретных картинах. Например, об «Успении Богородицы» Караваджо или о «Несении креста на Голгофу» Брейгеля, о «Вознесении Христа» Перуджино. Когда журнал «Фома» публикует статьи, а он делает это не только в бумажной версии, но и в интернете, то у них и в соцсетях, и на сайте журнала появляется форма для комментирования, и читатели, естественно, начинают комментировать... Так вот там очень хорошо видно, что центральная тема комментариев звучит так: «Ну что же это такое! это плотское, бездуховное западное искусство! Обмирщение, секуляризация, падение... Вот наша икона – она и правда духовная, она христианская, а вы тут нам о каком-то Караваджо говорите!». (Брейгеля, правда, «помиловали» – Брейгеля все любят.)

Я очень хорошо понимаю, откуда и почему такие комментарии появляются. И понимаю, с другой стороны, что тем людям, которые первыми писали о древнерусской иконе, надо было противопоставить это искусство, непривычное тогдашнему читателю, светской живописи конца XIX века, французскому академизму, например, где все эти бесконечные нимфы и богини, Афродиты, Дианы и так далее (помните,

у Чехова в «Невесте» апофеоз пошлости? Это картина с нагой дамой и лиловой вазой с отбитой ручкой). На этом фоне можно говорить: «А вот посмотрите, какое у нас было искусство! Его можно назвать примитивным, но оно ведь все построено иначе и направлено на другое, в нем все противоположно той живописи, к которой мы привыкли». И именно на контрасте, на этом отталкивании формулируются уже какие-то важнейшие тезисы, касающиеся древнего византийско-русского искусства, иконы. Например, в том, что касается перспективы, или использования цвета, или изображения людей. И это происходит в трудах всех, писавших об иконе и фреске, особенно в первые десятилетия той «революции», когда это забытое искусство было буквально воскрешено из небытия. Упомянутый о. Павел Флоренский – один из этих авторов, поэтому вполне естественно, что он противопоставляет.

Я вижу сейчас эту оппозицию «икона – картина» другими глазами. Да, я понимаю огромную разницу. Скажем, говоря о «Поклонении волхвов» Рогира ван дер Вейдена, я просто не смогу назвать это «картиной» – это не картина, это алтарь, для церкви написанная вещь. И хотя это прекрасная живопись, ранний Ренессанс, в каком-то смысле начало современной европейской живописи, и там, в «Поклонении волхвов», у Рогира ван дер Вейдена есть удивительной точности и тонкости портреты, но просто язык не поворачивается сказать про это – «картина». Или «Гентский алтарь» Яна ван Эйка. Картина? Нет, не картина. Но для меня одно не убивает другое, не отрицает, тем более не унижает.

Если я говорю о Брейгеле, или о Рембрандте, или о Вермеере, то их изображениям я не приписываю свойств, которыми отличаются иконы. Я и не жду этого от них, я жду от них совсем другого. Духовности – да, конечно, жду. Но индивидуальной. То есть в данном случае мне важна не духовная традиция, а сам этот автор. А когда мы говорим об иконе, то здесь традиция духовной живописи значит гораздо больше, чем конкретное произведение, которое может быть даже, с точки зрения ремесла, и вторичным, и неумелым каким-то. Но суть иконы остается независимой от этого, потому что икона транслирует не индивидуальное, а общий смысл духовной традиции...

– Еще один традиционный вопрос, задаваемый собеседникам в «Поэзии и Вере»: какой наиболее близкий вам текст из Священного Писания, один или несколько... И – об этом пока никого не спрашивал, спрошу вас – не возникало желания переложить его стихами?

– Если можно, я начну со второй части, даже с одного слова – «переложить». Я уже как-то коснулся этого в нашем разговоре... Что вот, скажем, поэт, или художник, или режиссер, но при этом он – верующий человек. Ну и вот, раз ты – верующий, то давай, то, что для тебя дороже всего – Слово Божие, – начинай пересказывать, перекладывать – стихами, кино... Это очень, как мне кажется, неправильный путь. Евангелие, как оно записано, нет смысла перекладывать стихами. Хотя мастера находились. И в античности, какой-нибудь Нонн Понаполитанский*, и в новое время,

* Древнегреческий поэт V в. н.э.; его поэма «Деяния Иисуса» содержит пересказ гекзаметром Евангелия от Иоанна.

«...А не тонны благочестивой писанины». На вопросы ВС отвечает поэт Михаил КУКИН

скажем, у русских поэтов, как правило, средних... Все это слабо, потому что сам посыл неверен. Ничего не надо перекладывать.

– Тогда о вашем отношении к пушкинским «Отцам пустынноикам...» не спрашиваю...

– Почему? Можно спросить... Пушкин не просто «перекладывает» молитву подобного Ефрема Сирина. Он говорит о себе, о том, как эти слова его живут. Это лирическое стихотворение, задачи которого состоят не в переложении молитвы. Это стихотворение о человеке, о котором мы понимаем, что он не часто ходит в храм и что он довольно равнодушен к церковной витиеватой поэзии... Но вот – есть одна молитва, и «во дни печальные Великого Поста», когда он заходит в храм и ее слышит, она живит его сердце.

И так – всякий раз, когда мы имеем дело с действительно сильным христианским стихотворением. В нем будут и сомнения, и вопросы. Но не будет никаких «переложений», не будет деклараций и не будет поучений.

– И такой зеркальный, «обратный» вопрос: если бы у вас была возможность спросить какого-нибудь святого... хорошо, не одного, а, скажем, трех, – какие у них самые любимые стихи, – кого бы вы спросили и почему?

– Если трех... то это святой апостол Павел. Это святой Андрей Критский. И это святой Иоанн Златоуст. Почему? Во-первых – но, конечно, не «в-главных» – эти трое, и прежде всего апостол Павел, который жил раньше, – очень хорошо знали античную поэзию; и знали ее гораздо лучше, чем знаем ее сейчас мы. Скажем, Алкей, великий поэт античности, дошел до нас лишь в виде нескольких крошечных фрагментов. Я думаю, апостол Павел, как любой образованный юноша, выросший в античном мире, читал и его, и многих других. Он мог их потом отринуть, сказать, что это все – шелуха по сравнению с Учением Христа. Но я бы его обязательно расспросил и о тех поэтах...

Но главное – потому что апостол Павел, судя по некоторым его текстам, сам был поэт. Посмотрите, какие слова о любви в его Послании к Коринфянам... Их же просто невозможно без волнения читать, в любом переводе; они «пробиваются» сквозь любой перевод... Поэтому я выбираю и Андрея Критского – поэт потрясающий, и Иоанна Златоуста... Мнение о поэзии именно этих людей мне бы очень хотелось услышать.

– И – в завершение беседы... У вас есть строчки:

Вот тебе город твой, магазины, метро,
скорая помощь, такси, церкви, театры, кафе,
никто не стреляет, не бомбит – хочешь, иди в бассейн,
хочешь, к друзьям поезжай или в храм зайди.

«...А не тонны благочестивой писанины». На вопросы ВС отвечает поэт Михаил КУКИН

...Но вот мы сейчас оказались в реальности, где и стреляют, и бомбят, – это должно как-то отразиться и на современной духовной поэзии? Или она, учитывая ее предмет, ее тему, – все же вневременна и не должна отражать «скоромимоходящее»?

– Духовная поэзия не может не реагировать, очень остро и чутко, на все потрясения нашего времени. И вот эти приведенные вами строчки... Это просто сейчас, в твоём городе, «никто не стреляет, не бомбит», вчера и сегодня. А в мире – конечно, и стреляют, и бомбят... Об этом эти стихи напоминают, и поэтому можно запросто представить их написанными этой зимой, хотя они были написаны несколько лет назад. И это стихотворение – именно об этой внутренней обеспокоенности, потому что дальше идет повторяющаяся строка...

– *«Господи Иисусе Христе, помилуй мя»...*

– Да. Ведь что такое «духовная поэзия»?.. Самое главное – сказать, что происходит *внутри* человека. Можно, конечно, пытаться провести границу формально. Есть в стихотворении слово «свечка» – оно духовное. Нет в стихотворении ни одного слова-«сигнала»: «свечка», «Крест», «Господи...» – светское. Но это же совершенно поверхностный, формальный подход. Дело, как мне кажется, не в тематизме, не в словах-«сигналах», а в том, можно ли сказать по стихам, что их автора все это волнует, все эти вопросы веры. Понимает ли он, что такое духовный поиск, духовная жажда, жажда чистоты, спасения? Тогда это духовная поэзия, а не тонны благочестивой писанины...

* * *

Шли день и ночь, не ставили шатры,
Боялись потерять ее из вида.
И вот – закрыли небо облака.

Куда теперь несем свои дары?
В какой ты стороне, земля Давида?
И снег пошел, сперва легко, слегка,

Но дальше – гуще. Караван притих.
Земля и небо – все вокруг белело.
А снег ровнял долину и холмы.

И вот нашло уныние на них.
Намаявшись в пути, слабело тело.
И все-таки средь снежной этой тьмы

Светилось что-то... «Рядом есть жильё, –

«...А не тонны благочестивой писанины». На вопросы ВС отвечает поэт Михаил КУКИН

Сказал погонщик. – Слышу, тянет дымом.
Наверно, пастухи...» И вот на дым

Они свернули обсушить свое
Сырое платье, и вошли с пустыми
Руками – и предстали перед Ним.

* * *

В небо взлетит тепловоза далекий гудок,
Тучи надвинутся, травы качнутся под ветром,
И остается обрывок, клочок, лоскуток –
Скоро прощаться с ещё одним прожитым летом.

С жизнью как будто прощаюсь – стараюсь успеть
Что-то запомнить, понять в ежедневной рутине.
Август уходит. Известно, что время и смерть
Общее что-то содержат в своей сердцевине.

Холодом тянет. Над крышами стелется дым.
Снова гроза с Куровской надвигается быстро.
Всё это было со мной, это было моим –
И промелькнет, и погаснет, как малая искра.

Не удержать ничего, ничего не спасти,
С зонтиком мокрым шагая по дачной дороге...
Бог нам поможет! Но если мы даже в горсти
Божьей зажаты – то что нам известно о Боге?

* * *

У выезда из города – костер,
Пустырь, бурьян, кирпичные сараи...
Как будто не века прошли с тех пор,
Когда вот так же, руки согревая,

Стояли у огня в колючей тьме
Те пастухи, не ожидая чуда, –
Как будто не века, и той зиме
Всё повторяться суждено, покуда

Есть города, окраины, дрова,
Работа в ночь, шершавые ладони,
Огонь костра, подмерзшая трава
И хмурые солдаты на перроне.

* * *

Господи сколько Ты меня ни испытывал
ни одного испытания я не вынес

«...А не тонны благочестивой писанины». На вопросы ВС отвечает поэт Михаил КУКИН

сколько ни проверял
ни одной не прошёл проверки

вот и опять
стою и прошу о любви
о сладчайшем хлебе Твоем
к несладким Твоим хлебам
приступить не способен

* * *

Нас
идущих и едущих в утренней мгле
толпой выходящих из-под земли
в утренней гуще бредущих
ждущих автобуса или вагона

нас
мониторы включивших
припавших к клавиатурам
в двери входящих садящихся в кресла
встающих к столам и прилавкам

лгущих но жаждущих правды
в мутной воде морозного утра
изнемогающих нас

ангелы Господни
всё равно
из последних наверное сил
осеняют своими крылами

* * *

У ворот постоять, прикоснуться к белой стене,
помедлить немного, голову наклонив.
И наконец онеметь, довериться тишине,
уловив невесомый ее мотив.

Липы в зеленом золоте, что-то свое шепча,
теснее сойдутся. Птица присвистнет. Бабочка перелетит.
Луч пробьется, скользнет по траве, добежит до плеча
женщины, которая рядом стоит.

И фонтан – в тени, у ступеней, негромкий фонтан.
Века переживший мрамор, струя ледяной воды.

«...А не тонны благочестивой писанины». На вопросы ВС отвечает поэт Михаил КУКИН

Вот, пожалуй, и всё.
Весь мир человеку дан,
чтобы его пересечь и войти в сады.

* * *

каждому кто в пути
светит незримо звезда
северной фиваиды
щедро дары источают
в здешнем краю
стены и своды
холмы и воды
светлые краски
тихое небо
о отцы вологодцы
дивно благоуханье
трав и цветов душистых
но предивнее дивнейших есть ароматы
благоуханных деяний
что невещественно источают
ваши гроба святые

Троицкая суббота

Электричка плывет по холмистой равнине
ветер
деревья полны серебра дождевого
и облака-водоносы
по воду к Волге слетав
ливни несут на Москву
через край перелив над Посадом
мокрые рельсы лесами бегут к Ярославлю
и воздуха синий платок
праздником завтрашним
веет в небесных просветах
вдруг
луч зажигает излучину
режет глаза
слепит травой на лугу
минута – и снова
сеет дождик косою
из-под тучки бегущей
и невозможно
с зонтом на ветру разобраться

Пётр и Павел

Говорят, этот Савл еще и не в меру гневлив!
Буквояд и святоша! Мальчишка еще, а святее святых патриархов!
Фарисейское семя! Собака! Ублюдок ехидны!

Как от жала его уклониться,
от когтей его злых захватиться?
Хорошо бы на север, домой,
вместе с братьями – рыбу ловить и молиться...
А на *этих* наткнешься –
одежду порвут, избьют – не подняться.

Помоги как-нибудь!
Только солнце и белая пыль на дороге.
Ну и как это можно – пойди, обними брата Павла?

* * *

Хлеб. Камень. Огонь. Свет.
И не надейся, что проскользнешь.
Ничего другого у Бога нет.
Хлеб. Камень. Огонь. Свет.
О чем ты, сердце, поешь?

Уклончивых фраз, убегающих глаз –
сколько этого в мире добра!
Рассуждений, обеляющих нас...
Потерянного – и даже не раз –
фамильного серебра.

* * *

Господи Иисусе Христе, помилуй мя!

Вот тебе твой отец, живой –
видишь, ждет тебя в гости, водочку охладил,
салат нарубил, рыбу пожарил, слушает Эллу Фитцджеральд – приходи

Господи Иисусе Христе, помилуй мя!

Вот тебе зимний вечер, яркий снег,
крещенский мороз, в воздухе чистота,
пар изо рта, бодрость в теле, теплый свитер, перчатки, ботинки,
не пробиваемый холодом пуховик

«...А не тонны благочестивой писанины». На вопросы ВС отвечает поэт Михаил КУКИН

Господи Иисусе Христе, помилуй мя!

Вот тебе город твой, магазины, метро,
скорая помощь, такси, церкви, театры, кафе,
никто не стреляет, не бомбит – хочешь, иди в бассейн,
хочешь, к друзьям поезжай или в храм зайди

Господи Иисусе Христе, помилуй мя!

Даниил МЕЛЕНТЬЕВ

Новое итоговое исследование по Средней Азии

The European Handbook of Central Asian Studies. History, Politics, and Societies / eds. by Jeroen J.J. Van den Bosch, Adrien Fauve, Bruno J. De Cordier. – Stuttgart: ibidem-Verlag, 2021. – 1021 p.

Учебные пособия или справочники (handbook) – распространенный жанр научной литературы в европейском и американском академическом сообществе. Как правило, это сборники обзорных статей, написанных ведущими специалистами в данной области. Например, учебные пособия по истории развития городов Ближнего Востока, положения женщин Восточной Азии (Корея, Китай, Япония)* и другие.

Чего-то подобного по Средней Азии (мы будем использовать этот термин как более традиционный по сравнению с «Центральная Азия»), изданного в России или в среднеазиатских республиках, найти не удалось, хотя формально в качестве учебного пособия можно рассматривать книгу, подготовленную коллективом авторов «Центральная Азия в составе Российской империи»**.

«Европейский справочник (handbook) по исследованиям Средней Азии. История, политика и общество», несмотря на то, что авторы подчеркивают – что это не учебник (textbook) (р. 65), носит учебный характер. Он представляет собой попытку осветить историю региона колониального, советского и постсоветского периода. Судя по картам, авторы трактуют регион широко, включая не только пять постсоветских республик, но и Афганистан.

В основу работы над пособием лег региональный подход (area studies), который заключается в сравнительном анализе политических, экономических и социокультурных процессов в разных точках Средней Азии. Авторы видят уникальность региона в его культурной сложности: данное пространство сочетает разные

---

* Handbook of Oriental Studies. The City in the Islamic World. Section 1. The Near and Middle East / ed. by Salma K. Jayyusi. – Leiden: Brill, 2008; Routledge Handbook of East Asian Gender Studies / eds. by Jieyu Liu and Junko Yamashita. – London: Routledge, 2020.

**Центральная Азия в составе Российской империи / Авт. кол.: С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Д.В. Васильев, Т.В. Котюкова и др. – М.: Новое литературное обозрение, 2008.

образы жизни – городской, кочевой и горский. Важность географического расположения региона связана с окружением влиятельными культурно-политическими полюсами: русским, иранским, китайским.

Целью «Европейского справочника по исследованиям Средней Азии» является дальнейшее развитие среднеазиатских исследований, которые должны опираться на новейшие методы. Учебное пособие рассчитано на широкий круг читателей: учащихся вузов, преподавателей, исследователей, журналистов (р. 41). Авторы предлагают использовать пособие как для проведения уроков со студентами (магистрантами и докторантами), так и для самостоятельного изучения, с целью выработки навыков критического мышления, умения анализировать, сопоставлять, приводить аргументы, теоретизировать (р. 47).

Учебное пособие разделено на шесть частей: дидактическое введение; проблематика идентичности; социально-политические процессы; внешняя политика; экономика и окружающая среда; приложение. На наш взгляд, это пособие будет полезно политологам и, в меньшей степени, историкам. Большая часть статей (их более двадцати) посвящены актуальным (гео)политическим проблемам, например, клановой специфике среднеазиатских режимов, развитию гражданского общества, системе международных отношений, терроризму, трудовой миграции, климатическим проблемам и другим. Важным аспектом является попытка теоретического осмысления социокультурных, политических и иных процессов, что позволяет авторам выходить на уровень широких обобщений.

Каждую статью пособия предваряет раздел для учащихся (student section), предлагающий сначала ознакомиться с тем, какую информацию студент должен извлечь после прочтения (learning outcomes), например: «Понять, как проходил процесс исламизации Средней Азии, и определить его значение для современной конфессионально-культурной географии и идентичностей региона» (р. 74). Затем ставится ряд простых вопросов, имеющих целью запоминание учебного материала, например: «Какие этнические группы и языки существовали в имперской Средней Азии?» (р. 292). Дальше следуют «главные» вопросы, на них необходимо развернуто ответить в ходе прочтения статьи, например: «Каким образом происходит регулирование религии в постсоветской Средней Азии и как политический авторитаризм влияет на свободу вероисповедания и религиозные практики?» (р. 246). Следом идет раздел с вопросами, которые нужно разобрать после прочтения, например: «Создают ли исследователи, работающие над постколониальной теорией (использующие антиколониальную риторику, чтобы продемонстрировать необходимость деколонизации своих стран), специфический националистический дискурс, который представляет постколониальный национализм (националистическую интерпретацию постколониальной теории в постколониальном контексте)? Если да, объясните, как?» (р. 176). Подобный опросник должен помочь студенту понять концептуальную рамку работы, логику изложения, структуру, выявить аргументы и сформировать собственную позицию.

В конце каждого исследования даны рекомендации преподавателям (teachers section). Они предполагают темы для письменных заданий: например, приводится утверждение, которое нужно аргументировать или оспорить. Так, по итогам

прочтения работы Рано Тураевой (Институт социальной антропологии им. Макса Планка, Галле, Германия) о гендерных исследованиях студентам предлагается разделить на две группы и устроить дискуссию с разных позиций: первая будет обсуждать многоженство в советский период, вторая тот же феномен – в постсоветский (р. 533–534). Каждая группа должна обсудить точку зрения мужчин и женщин: почему женщины были против, а мужчины поддерживали данный обычай?

В конце каждой статьи есть возможность просмотреть ее видеoversию на YouTube, где автор рассказывает об этом исследовании. Молодежь давно предпочитает просматривать обучающие видео на данной платформе; особую популярность это приобрело в ковидную эпоху. Размещение видео на YouTube может привлечь больше внимания к среднеазиатским исследованиям. Перевод статей в визуальный формат – безусловное достоинство учебного пособия.

От педагогической направленности перейдем к содержательной части, хотя даже сжато охватить все разделы и статьи этого более чем тысячестраничного пособия просто технически невозможно. Поэтому из каждого раздела мы выбрали по одной статье, которые показались нам наиболее интересными.

Во второй части заслуживает внимания статья Светланы Горшениной (Национальный центр научных исследований Университета Сорбонна, Париж, Франция) «Ориентализм, постколониальные и деколониальные рамки Центральной Азии: теоретическая значимость и применимость» (*Orientalism, Postcolonial and Decolonial Frames on Central Asia: Theoretical Relevance and Applicability*, (р. 175–246). В центре внимания автора статьи – концепция ориентализма, которая известна западному академическому сообществу с 1980-х годов, после выхода известной книги Эдварда Саида «Ориентализм», а в начале 2000-х получила распространение в России*, но до сих пор остается невостребованной в среднеазиатских республиках. Теория ориентализма создала новый язык осмысления колониализма. Ориентализм стал отправной точкой для рождения постколониальных исследований (postcolonial studies). Благодаря интеллектуалам «третьего мира», например, Хоми Бхабха и Гаятри Спивак, появилась новая область изучения – субалтерные исследования (subaltern studies). Создание этих теорий было невозможно без западной постмодернистской философии (1960-е – 1990-е годы), прежде всего работ Мишеля Фуко и Жака Деррида, которыми вдохновлялся Эдвард Саид. Светлана Горшенина затрагивает исследования ориентализма и колониализма, которые появились в последние десятилетия. В понимании автора, западноевропейские, американские и некоторые российские исследователи склонны видеть в СССР неоколониальную державу, которая унаследовала механизмы подавления и дискриминации народов в империи Романовых. Другие историки, в основном российские, не поддерживают или игнорируют постколониальную оптику, что Светлана Горшенина рассматривает как проявление консерватизма**.

* См.: Ориентализм vs. ориенталистика: Сб. статей / Отв. ред. и сост. В.О. Бобровников, С.Дж. Мири. – М.: Садра, 2016.

** Светлане Горшениной принадлежит и интересное case study в четвертой части пособия: «Топонимы Средней Азии: собственные имена или искусственные концепты?» (Toponymy of Central Asia: Proper Names or Forged Concepts? P. 929–938).

Продолжая тему (пост/де)колониальности, обратимся к статье Рано Тураевой из третьей части: «Женщины в Средней Азии: деколонизируя гендерные исследования» (*Women in Central Asia: Decolonizing Gender Studies*, p. 499–546). Тураева рассматривает раскрепощение мусульманок в советской Средней Азии в контексте модернизирующегося государства, поддерживая интерпретацию гендерной политики большевиков, предложенную Марианн Кэмп*. Автор показывает, что распад СССР негативно сказался на правах и свободах мусульманок, произошла де-эмансипация и де-модернизация социокультурного пространства региона. Тураева видит проблему в производстве знания о постсоветских республиках российскими и западными исследователями, что представляется ей продолжением колониального угнетения, и полагает, что среднеазиатские ученые должны вытеснить западных и российских, чтобы самостоятельно создавать знания о регионе (p. 510)**.

В четвертой части пособия привлекает внимание статья Катрин Пужоль (Национальный институт восточных языков и цивилизаций, Париж, Франция) «Международные отношения в Средней Азии: Фокусируясь на зарубежной политике (1991–2020)» (*International Relations in Central Asia: A Focus on Foreign Policies (1991–2020)*, p. 685–750), в которой рассматриваются международные отношения сквозь призму теории неоклассического реализма. Эта теория описывает внешнюю политику как обусловленную внутривнутриполитическими процессами в государстве. Неоклассический реализм дает возможность лучше понять внешнюю политику в системах с жесткой административной вертикалью, централизацией социально-политических и экономических институтов, тратящих значительные ресурсы на обеспечение своей безопасности. Неоклассический реализм не представляет собой окончательно оформленную теорию общего уровня, способную охватить международную политику в целом, – это направление исследований, опирающееся на эмпирический материал***. Пужоль выделяет четырех главных акторов международной политики после распада СССР, играющих определяющую роль в Среднеазиатском регионе: США, Россия, Китай, Европейский союз. Есть игроки среднего порядка, например, Турция и Иран; международные финансовые институты (Всемирный банк); транснациональные компании (Шеврон). Цели США в регионе заключаются в расширении экономического сотрудничества, в первую очередь с Казахстаном, продвижении идеалов демократии, поддержании собственной безопасности. Россия же «возвращается» в Среднюю Азию после долгого и полного безразличия к региону. Как представляется, автор несколько переоценивает влияние российской «мягкой силы», в первую очередь русского языка, на Среднюю Азию, называя связь «очень крепкой», основанной на долгом сосуществовании в рамках

* Например, см.: *Kamp M. The New Woman in Uzbekistan. Islam, Modernity and Unveiling under Communism.* – London: University of Washington Press, 2006.

** «Антропологические исследования Центральной Азии по-прежнему ведутся преимущественно западными антропологами, а местная наука находится в зачаточном состоянии <...>. Местные антропологи всё чаще появляются на западном академическом ландшафте, но всё ещё борются за место под солнцем и ограничены средствами. Очень мало местных антропологов (из Центральной Азии), которые занимают постоянную должность или принимают решения в западных академических организациях или академических аналитических центрах...» (p. 511).

*** Подробнее см.: *Коньшев В.Н. Неоклассический реализм в международных отношениях // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. – С. 94–111.*

Российской империи и СССР. Также видится преувеличением влияние мигрантов и студентов, в качестве еще одного фактора, вкуче с интенсификацией контактов с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС), как проводников влияния «русского мира» на регион (р. 695–698).

Проблемам глобального масштаба посвящена статья Натали Кох (Сиракузский университет, США) из пятой части пособия – «Экологическая геополитика в Средней Азии» (*Environmental Geopolitics in Central Asia*, р. 811–854)*. Центральное место в ней занимает советский проект по освоению степных массивов Средней Азии, обернувшийся исчезновением Аральского моря. «Экологическая геополитика» – концептуальная рамка исследования, которая предполагает изучение мнения людей, их поведения в ситуации экологической катастрофы. Здесь не важны государственные границы, поскольку экологические проблемы имеют наднациональную специфику. «Экологическая геополитика» изучает отношения между природой и обществом, людьми, идеями и институтами в пространстве и времени. Важным для Средней Азии и человечества в целом является тезис, что приоритетом современных государств должна быть не национальная безопасность, а безопасность человека. Поэтому нужна международная консолидация для быстрого фиксирования и поиска решений по ликвидации экологических катастроф, что в свою очередь требует открытости политической системы для сотрудничества и своевременного информирования о происшествиях. Необходимо преодолевать «ресурсный национализм», выражающийся в нежелании стран справедливо распределять ресурсы, рационально использовать воду, не добывать природные ископаемые сверх необходимого, чтобы улучшить свое экономическое положение в ущерб экологической среде. После распада СССР в Средней Азии обострилась актуальная столетие назад борьба за воду, что сильно влияет на сельское хозяйство – важнейшую отрасль экономики Узбекистана. Другой вызов – растущее потребление энергии, вследствие урбанизации и стремительного роста населения региона. Ответом на это, по мнению автора, должно стать активное наращивание мощностей зеленой (или возобновляемой) энергетики.

Данное учебное пособие, на наш взгляд, может быть полезно учителям, которым необходимо подготовить презентацию, лекцию или семинар: компактная, изложенная простым языком информация доступна для быстрого осмысления. Что касается студентов, то для них самостоятельное применение на практике изложенных в книге теорий и концепций может представлять сложность, поскольку для этого требуется не просто прочитать пособие, а самому понять философию каждой концепции.

Недостатком пособия можно назвать и слабое освещение истории региона в составе Российской империи и СССР. Стоит отметить, что коллектив авторов интернациональный, однако в нем отсутствуют специалисты по региону из России и Средней Азии. (Есть уроженцы Средней Азии по этнической принадлежности: русские, узбеки и др., однако как исследователи они сложились в европейских уни-

---

* Подробнее и на русском языке можно ознакомиться в интервью с автором, см.: «Политическая география Центральной Азии: границы, ресурсы, политика, экология. Интервью с Натали Кох». (URL: <https://www.caa-network.org/archives/22029>).

Даниил МЕЛЕНТЬЕВ. Новое итоговое исследование по Средней Азии

верситетах). Историография большинства статей построена на работах, созданных западными учеными; российские и среднеазиатские исследования фигурируют редко. Однако в целом издание «Европейского справочника по исследованиям Средней Азии» является, безусловно, важным шагом и в изучении Средней Азии, и в привлечении внимания к этому региону.

Алексей УСТИМЕНКО

Перелистывая прежние дни...

Отрывки из дневника, начатого 10 апреля 1962 года*

1967

1 января 1967 г. Воскресенье.

Долго-долго спал. Еще бы. После такого бурного проведения Нового года не грех и поспать. Встал. Настроение прекрасное.

Накупил множество новогодних газет. И, чуть ли не целый день, занимался только ими.

Сначала один, а затем вместе с Сергеем были у Александра. Встретили там его бабушку и обратно шли вместе. Сашкино моральное, как и физическое состояние – дрянь. Говоря о нем: «Хочется, чтоб жизнь-то у него хорошо сложилась...» – его бабушка расплакалась. Потом мы с Сергеем долго стояли в подъезде. Вместе молчали. Вместе говорили...

2 января 1967 г. Понедельник.

Первый рабочий день юбилейного года. Что-то писал и, вообще, занимался различной редакционной мелочью.

Вечер. Первый долгий разговор с матерью Александра...

Первая запись в новой тетради помечена вчерашним числом. «Дневник» переехал на новую квартиру. В новой квартире и писать-то хочется как-то по-новому. Не хочется терять ни одного дня. За прошедший год у меня, кажется, не потерял ни один день. Некоторые сочтут это ненужным педантизмом, но – вряд ли это так, хотя я все время балансирую на какой-то грани. Нет. Я пропускаю иногда чуть ли не по неделе, а потом со скрупулезностью исполнительного школьника наверстываю их по памяти. Это помогает. Я почти регулярно пишу, вырабатывая свой собственный стиль. Я тренируюсь в наблюдательности, в точности передачи словами увиденного. И потом – дневник дорог просто как память. Как приятно читать записи о давно прошедшем. И я сейчас искренне жалею, что не вел дневник в школьные

* Продолжение. Начало в №№ 2–4 (LVI–LVIII), 2021.

годы (за исключением последнего), во время нашей жизни в тайге, в Завьялово, во многих туристических походах и во время работы на заводах. Сейчас бы эти записи уже здорово пригодились.

3 января 1967 г. Вторник.

Закончил множество материалов, зарисовку. К двум часам дня редактор убежал на какой-то пленум, поручив мне получить у фотографа снимки, разметить их и вместе с материалом следующего номера отвезти в типографию.

Я долго возился с этими снимками, – они получились слишком громадными, но, делать нечего, отвез.

Вечером он вернулся и позвонил мне домой. Я пришел. Обсудили, что с ними делать.

И еще. Он говорил с партгоргом о своем уходе в отпуск в конце января. Надо готовиться в университет. Таким образом, очевидно, на мои плечи ложится вся организационная и писательская работа. То есть, я буду: исполняющий обязанности редактора. Партком не соглашается, говорит, что я молод, но Олег Лукьянов утверждает, что за оставшееся время он сделает из меня ответственное лицо.

4 января 1967 г. Среда.

Подгоняли последние материалы очередного номера, потом я отвозил (с опозданием!) их в типографию. Ехал и удивлялся: вроде нет материала – и вдруг, перед самым выходом газеты, он появляется неизвестно откуда. Почти по Чапеку...

5 января 1967 г. Четверг.

Занимался доделкой отдельных заметок, – редактор задержался в редакции. На верстку я поехал один. Отдал вновь привезенное на вычитку, а затем – в набор. Познакомился с начальником цеха. Готовых гранок (увы!) пока еще было мало. И я не смог начать верстку газеты.

Бродя по типографии, я неожиданно встретился с Валерием Котельниковым. Сегодня он выпускающий «Молодости Сибири». Я читал газету, он курил невдалеке, потом прошел мимо меня, вдруг неожиданно повернулся:

– Устименко, ты?! А то без очков я тебя сразу не узнал...

В общем-то, говорили мало. О работе: что я, где я...

Подошел, посмотрел макет нашей газеты:

– Это лучше, чем районная...

А по поводу задержки материала в наборе, пробегая мимо, заметил:

– Да не мучайся ты... Почитай газету...

Как только приехал шеф, я сдал ему все текущие дела и со спокойной совестью поехал в редакцию. По дороге купил первый номер преобразованной «Литературной газеты». Зашел в салон и... здесь меня бес попутал: увидел я этюдник. Небольшой, красивый и, как потом оказалось, малоудобный. Я глянул на его блестящий полированный бок и выложил на прилавок не очень большую сумму, из взятых у мамы (со сдачей!) денег на дорогу. Теперь сдачи не будет.

По дороге в типографию встретил бывшую одноклассницу с королевой последнего школьного бала. Королева не королева, но девушка весьма обаятельная...

6 января 1967 г. Пятница.

Приехал за газетой в типографию, а она еще не отпечатана. Прождал до одиннадцати часов. Потом редакция. День получился организационным. Привели в порядок все архивы, разослали нашу газету адресатам (в том числе и в Таллин), привели в порядок и старые подшивки «Строителя». В редакционных архивах я обнаружил номер предка моей «Молодости Сибири» – «Сталинское племя». Тогда ее редактировал А. Гордин, нынешний редактор «Вечернего Новосибирска»*.

...Длинный дядька с длинным саксофоном...

7 января 1967 г. Суббота.

Не заходя в редакцию, еду в СУ-13** для заметки о соревновании двух бригад. Перед поездкой забежал к Сергею. Слушали музыку. Говорили. Он о своем институте, зачетах и, конечно, о ней... Когда он говорит, у него рождается не простая, а словно ритмическая, стихотворная речь. Он тогда счастливейший человек на земле; особенно если его дела и разговоры с ней проходят отлично... не так, как во время последнего школьного фестиваля...

Перед одной из последних встреч с ней он опять взял у меня мое «Ожидание» вместе со сборником Ильи Фоянкова***.

8 января 1967 г. Воскресенье.

Утро. Начал отлично, даже сделал комплекс силовой гимнастики. Занялся сразу же газетами и вырезками. Досье может пригодиться в любую минуту, особенно для моей работы (убеждался уже множество раз). А над душой все время висел репортаж со строительства ретрансляционного центра «Орбита», где пришлось провести почти весь вчерашний рабочий день и о чем не сделал запись в «Дневнике».

...Было холодно. Ветер и мороз. Во время разговора с одним из членов бригады замерзли чернила в авторучке.

Облазил всю территорию вокруг стройки, а в поисках настоящего кадра даже забрался на какой-то деревянный сарай. Не умея обращаться с «Киевом», чуть не засветил пленку с артистами филармонии, которые были в тресте в пятницу. Шеф фотографировал их: Рафаэля Клейнера**** (на другой день у него был персональный концерт), Валентину Панову и Софью Шершневу.

Клейнер читал стихи Есенина, Евтушенко, Чикина***** и Сергеева. И вот теперь – половина их изображений, очевидно, не выйдет.

* Анатолий Викторович Гордин (1923–1994) – журналист, в 1960–1983 гг. – главный редактор газеты «Вечерний Новосибирск».

** СУ – строительное управление.

*** Илья Олегович Фоянков (1935–2011) – поэт, журналист, переводчик. В описываемое время – собственный корреспондент «Литературной газеты» по Сибири.

**** Рафаэль Александрович Клейнер (1939) – артист-чтец, театральный режиссёр

***** Леонид Андреевич Чикин (1927–1994) – новосибирский поэт

Я впервые фотографировал для газеты и сравнительно большим аппаратом. Что получится – не знаю...

«Лучше писать о том, как работают другие, чем работать самому» (из прочитанного о профессии журналиста).

9 января 1967 г. Понедельник.

Целый день на металлургическом заводе имени Кузьмина. Ездил за материалами о строительстве третьего трубного цеха. Попал под горячую руку управляющего трестом Рацкевича... Что ж, во время сдачи <объекта> волноваться следует, но зачем же терять человеческое достоинство?!

Видел маму. Она поручила меня Степану Павловичу Смагину, работающему здесь, а он долго водил меня по цехам, обстоятельно рассказывая обо всех технологических процессах. Но это опять – для общего развития, а для газеты – ничего. Все, кто может мне чем-нибудь помочь, сегодня заняты с государственной комиссией.

Хотел сделать заметку для «Молодости Сибири» о комсомольской работе на заводе, но кроме технических данных о подготовке к предстоящему обмену комсомольских билетов, ничего нет.

Несколько моих фотографий Олег вчера отпечатал. Одна отобрана для газеты как иллюстрация к небольшому репортажу, написанному вчера.

Думал, что по третьему трубному цеху узнаю что-нибудь вечером у старшего прораба П.П. Левена (отца Яшки), но это не удалось. С его слов – дела там обстоят столь плохо, что писать репортаж (!) нет смысла, да и не о чем... А тут еще стояли морозы, и поэтому была прекращена абсолютно всякая работа.

Когда вернулся с завода в редакцию, застал там парня, желающего здесь работать; до этого претендовал работник Томского радио, поселившийся здесь. Но оно <это место,> уже закреплено за мной.

Мне обязательно, хоть раз в день, настойчиво кажется, что ничего не знаю, не умею писать, что я – не на <своем> месте. Тогда я думаю: «Сейчас испытательный срок. Еще не поздно...».

Иногда от этого становится жутко на душе, и настроение здорово портится. А тут еще сегодня довольно неприятная новость – экзамен у Гали был шестого января, а не сегодня... Я просто автоматически перепутал, перевернул цифру, а обещал *обязательно* позвонить ей по телефону в день сдачи, но обещания не исполнил. Плохо. Очень плохо. Она обязательно сильно обидится... И репортаж мне не нравится, и день потрачен для газеты зря. Хочется спать и ничего, ничего не делать. Бросить все.

Времени для подготовки в университет у меня совершенно не остается, а это значит – армия, то есть место, где, как мне кажется, я принесу меньше всего пользы (особенно в *инженерных* войсках) и потеряю три года. Будет рад только мой организм: режим, воздух, постоянная физическая нагрузка приведут его в норму. Жалко только музыку, город, конечно, свободу действий... Но увижу новые города. Узнаю новых друзей, новую сторону жизни!

...Инженер прислал в газету статью, в которой утверждает, что противоположное по значению «выхлопам» слово «всосы»...

10 января 1967 г. Вторник.

Писал и переписывал репортаж. Познакомился с газетно-трестовской знаменитостью Руфиной Вейзберг.

Отвозил в город, в типографию, материалы.

На улицах немного солнца. Влажный ветер и снег. Невероятно, но мне отчетливо послышался запах весны.

Наконец-то посмотрел по «Изумруду»* у Яшки «Карнавальную ночь».

Вышел от него: прохладно, чисто, по-зимнему уютно. Так не хотелось идти в этот вечер домой... И я не пошел. Долго-долго сидел на скамейке, наполовину вросшей в снег. Вокруг тихо-тихо... Звезды. Яркое небо.

11 января 1967 г. Среда.

Отдельывал статью о комсомольской жизни. Наполовину не удалось. Шеф напомнил мне, что он – шеф, и взял ее к себе на доделку. Писал, в общем-то, целый день.

Отвез в типографию. Материалы в очередной номер почти все сданы. «Остатки» довершит Олег, а я, очевидно, завтра вновь один еду на верстку.

Написал Игорю письмо. Немного (самую малость!) занимался русским языком. Читал, местами потрясающий, «Дневник Анны Франк».

Мои стихи, которые я стал писать слишком мало, почти все у редактора – в свободное время будет критиковать. Иногда мне кажется, что меня просто за неудачи выгонят, что он уже давно в душе проклинает сам себя за то, что взял меня в газету.

Сейчас уже близко к полуночи, а я еще намереваюсь немного заняться немецким языком.

12 января 1967 г. Четверг.

Приезжаю в типографию позже обычного. Метранпаж уже наполовину сверстал обе газетных полосы. В статье Олега «Просят о снисхождении...» и в моем репортаже не пошли громаднейшие куски текста! Ошибки в макетировании. У меня, например, пришлось сократить текст на целых 23 строки.

Я был один, и у меня буквально опустились руки. Г. Кустов из «Академстроевца»** давал мне советы. Кое-как утрясли весь номер.

Потом меня сменил редактор, а я поехал домой. Правда, еще зашел и записался в областную библиотеку. Наконец-то.

Сегодня в одном из последних номеров «Комсомольской правды» я прочитал заметку, глубоко меня потрясшую. Трагически погиб один из лучших актеров польского театра и кино, человек, который своей талантливой игрой покорила, на-

* «Изумруд» – марка телевизоров, выпускавшихся новосибирским заводом «Электросигнал».

** «Академстроевец» – газета, издаваемая с 1958 года и ставшая летописью строительства новосибирского Академгородка.

верное, каждое сердце, – Збигнев Цибульский*. Еще ни одна смерть не огорчала меня так глубоко, как эта.

Много замечательных людей уже ушли в прошлое при мне. Евгений Урбанский, Черкасов, Манизер, Охлопков... Искусство и человечество потеряли в эти дни и Збигнева Цибульского.

13 января 1967 г. Пятница.

Получил в типографии газету. Фотография, сделанная мною, вышла неплохо, хотя на «Орбиту» там слишком малые намеки.

14 января 1967 г. Суббота.

Читал после работы книгу Басиной «Город поэта»**, взятую позавчера в библиотеке. Множество интересных фактов, новых (для меня) данных. Замечательно иллюстрирована, но – каким примитивным, нарочито детским, чуть покровительственным слогом старого учителя написана. Сколько околелитературных домыслов... Это плохо.

15 января 1967 г. Воскресенье.

Как только открылась библиотека имени Некрасова, опять пошел туда. Взял «Лезвие бритвы»***, книги по журналистике и приступил, но... ненадолго!

Погода стоит весенняя. Солнце! Александр вытащил меня на улицу, и мы поехали в Бугринскую рощу. Березы кругом словно стеклянные, небо ярко-синее.

Мы сдирали кору с засохших стволов, искали признаки зимней «насекомной» жизни. Нашли признаки ее существования, но самой – не нашли.

Потом дома, художественный фильм «6-й раунд»****.

16 января 1967 г. Понедельник.

Утро. Немного писал. А потом решил съездить на строительство овощехранилища, чтобы встретиться с одним товарищем и написать о нем. Спросил у редактора. На это он мне философски ответил:

– Что ты у меня спрашиваешься?! Едь, куда хочешь, лишь бы материал вовремя был.

Просидев в ожидании начальника участка на «Роскульторге», куда я приехал, решил ехать в управление. Нашлась попутная машина – самосвал. И вот здесь-то, в управлении, оказалось, что был я на «Роскульторге», а надобно мне быть на строительстве овощехранилища. Просто в моей голове эти слова ассоциировались, и вот результат... Но, наконец-то, я встретил ускользящего оригинала для заметки и поговорил.

Писал и обрабатывал все это (плюс редактирование попутных материалов) уже после рабочего дня, в читальном зале. Рядом сидел Сергей Астахов, бывший

* Збигнев Губерт Цибульский (1927–1967) – известный польский актер театра и кино.

** «Город поэта» (1965) – документальная повесть Марианны Басиной (1916–1994) для подростков о лицейских годах Пушкина.

*** «Лезвие бритвы» (1963) – философский роман писателя-фантаста Ивана Ефремова (1908–1973).

**** «6-й раунд» (1965) – румынский фильм о войне, снятый режиссером Владимиром Попеску-Доряну.

мой соученик, ныне – студент-медик, в будущем – хирург-гинеколог. Не виделись давно, а впечатлений много... поработали мало.

17 января 1967 г. Вторник.

Писали целый день. Четыре полосы вдвоем! По-моему, вполне достаточно, чтобы прекратить здраво мыслить. Обработку своих и чужих статей и заметок опять брал домой и работал над ними в читальном зале. Сначала вместе с Александром, а позже – с Сергеем Астаховым. Одна статья Е. Сысоева, которую мне пришлось сделать, в заключение читалась отлично.

Вечером успел почитать и позаниматься немецким языком.

Сегодня один «специалист» мне сказал, что со своими напечатанными работами и полуторагодовым стажем я поступлю в университет даже с тройками. Но мое же мнение пока – вообще не поступлю. Ведь абсолютно почти не занимаюсь, а если и пытаюсь учить что-либо, то бессистемно. Главное (!) – нет времени. Значит – армия.

18 января 1967 г. Среда.

Отвозил материалы в типографию. Доделывал их в начале дня.

...Выдержки из рукописей, присланных в редакцию:

«...вокально-стихотворный монтаж»;

«...если не говорить о клубе, то максимальные возможности нам позволяют организовать вокальную группу, эстрадный ансамбль и пр.».

19 января 1967 г. Четверг.

Целый день занимался самостоятельной версткой большой газетной полосы. *От* и *до* – все делал сам. Только технические советы пришлось уточнять и брать у мастера. Можно, вообще-то, сказать, что я ничего не делал – просто нес ответственность и был представителем от писавшей стороны. Но когда я успел устать?? К концу дня уже гудели ноги. Нервы тоже словно кто-то натянул, и они могли вот-вот лопнуть, задев кого-нибудь... Но зато, когда в ЛИТО на мою, сделанную мною, полосу поставили штамп – «Разрешается», хотелось петь.

Мозг опять не отдыхает. Даже вечером. «Гамлет». Фильм, который можно и нужно понять, осмыслить, но который совсем не надо перекладывать для современности. Шекспир понятен. Надо только осознать это. А на героя хочет быть похож каждый (в любой вещи). Он смотрит, а сам копошится в своих внутренностях, пытаясь обнаружить сходство, а обнаружив, рад: я такой! как он похож на меня!! – и начинает по-гамлетовски оперировать фактами, не замечая, что просто-напросто неудачно копирует сыгранный спектакль.

Весь день ношусь, как реактивный. Сонный, опять поздно уснувший вчера. Именно в такие минуты, с добавлением усталости, обостряются все чувства, и тогда не только раздражаешь кому-либо, не разбираясь – в худшую или в лучшую сторону, тогда ты раздуваешь всё: мелочь, бред и промелькнувшую, не нужную никому мысль. Раздуваешь до таких размеров, что сам начинаешь верить. И как тогда нужен человек, способный ликвидировать хаос в твоей голове, подать тебе,

словно слепому, дружескую руку. А может, он подает? Может, ты просто не замечаешь этого?

А ведь мир, в конце-то концов, – это сплошное нагромождение условностей, составляющих то, что именуется жизнью. И она не должна состоять из них. Вернее, они не могут делать ее. Ее делает наше отношение к ним, наше участие в их непосредственном существовании.

...Если ты не понял написанное, то у этого могут быть только две причины: либо дурак – писавший, либо дурак – читавший...

20 января 1967 г. Пятница.

Шеф занимался окончанием верстки номера. Я же начал подготовку данных для обзора стенной печати. Уже был в СУ-18. Здесь попался мне разговорчивый собеседник (не без греха будет сказано, – не мог отвязаться от него около двух часов). Он наш рабкор. Человек со странностями. Завалил меня различными справками, указами и приказами. Все сводилось к тому, что у него нет жилья. И, кажется, это действительно так. В комнате площадью в семь квадратных метров живет пять человек. Раньше она предназначалась для санузла. Сын спит на полу – нет места, чтобы поставить кровать. Туалет, собственно, тоже здесь. Я не верил этому «пещерному» образу жизни. Слишком это невероятно в наш космический век. Но он мне показал множество различных документов о необходимом переселении, но, увы, – он на месте... Странно устроен этот мир. Не знаю, как, но мне кажется, что я смогу сделать что-нибудь, чтобы ликвидировать такое положение. Но что? Да и смогу ли я?.. Мир заставляет думать.

Первый раз я поехал сегодня в Академгородок. И хотя он буквально «под боком», но как-то я воспринимал его, ну, <как> не реальное или ненужное, что ли... А ведь у него уже мировое имя.

Целью моей поездки туда было посещение университета. Вчера в «Вечернем Новосибирске» – объявление о дополнительном наборе на платные подготовительные курсы, и решил попытаться счастья.

Въехал в него при абсолютной темноте окружающего бора. Кондуктор автобуса, у которой я спросил, как ближе добраться до НГУ, ничего не знала. Я вышел наудачу, опять. С помощью вопросов, наконец-то нашел корпус одного из зданий университета, но – не того, который нужен. В поисках корпуса номер 2 мне пришлось обойти весь Академгородок и прилегающий лес. Как красив центр науки – ночью и вечером! Просто до какой-то сказочной нереальности (или реальности?). Особенно красивы «Юность» (кажется, Дом культуры), универмаг (или просто громадный магазин) на бульваре и современнейшая гостиница.

В университете – дух занятий. Курсы уже работают давно. Когда я вошел в здание и поднялся на четвертый этаж, в поисках комнаты № 412, был, очевидно, перерыв в занятиях. По длинному и пенально-узкому коридору бродили серьезные парни и девушки, гордые одним лишь тем, что они – в помещении университета, расположенного в Академическом городке! В основном здесь все изучают физику и математику. Но лично мне надо лишь литературу, историю, русский язык или немецкий. Но ничего этого нет. Честно говоря – здорово завидно! Они учатся. Осо-

бенно стало как-то не по себе, когда одна из встречных девушек обратилась, очевидно, к своему другу:

– Гоша, отведи парня в *наш* университет...

Так ничего и не узнав толком, я спустился в вестибюль. На доске, предназначенной для объявлений, висел лист ватмана, который весьма просто приглашал всех 23 января к шести часам вечера в Дом ученых. Там профессор А.П. Окладников* (!) будет делать доклад «Происхождение искусства». Это было то, что хоть немного меня успокоило. Приеду. Обязательно постараюсь приехать. Увидеть живого автора, книги и статьи которого перечитывались не один раз и который своими работами с наскальными рисунками приобрел уже весьма солидное положение в мировом ученом мире историков и археологов. Доклад должен быть интересным.

Вечер. Дома. Приезд папиной сестры. Немного вина. Хорошо согрелся после поездки. Но, чтобы логически мыслить, решил прогуляться с Сергеем по улице. Позвонил ему. Еле вытащил на свежий воздух, говорит, что поздно.

Наговорились, наумничались достаточно. В голове у обоих хаос. Что-то вроде вчерашнего. К результатам не пришли. Засмеялись, махнули рукой и разошлись по домам.

...Когда бы ты ни шел под окнами этой квартиры, свет всегда горит только на кухне. Очевидно, вся жизнь хозяев концентрируется только там...

21 января 1967 г. Суббота.

Первый номер нашей газеты с переделанным заголовком. Чуть лучше прежнего (психологическое восприятие). Правда, есть одна ошибка в расположении... ну, это пустяк. За первой пачкой съездил и успокоился, но зря. Шеф увеличил тираж, а я не знал. Результат – еще раз пришлось ехать из одного конца города в другой. Еще две пачки «Строителя». Руки затекли.

Библиотека имени Некрасова. Взял только что поступившую книгу «Человек один не может» Зильмы Маянц. Очерки о жизни и творчестве Хемингуэя.

...Книги – это те же люди. Их можно любить, ждать, ненавидеть и презирать за предательство...

22 января 1967 г. Воскресенье.

Целый день просидел в читальном зале. Сначала один, а потом с Сергеем. Занимался русским языком, немецким, литературным редактированием. Сергей листал подшивку «Правды» в поисках заметок о «великой китайской культурной революции».

А за окнами серое небо и снег, который плотно и мягко закутывает всех идущих.

---

* Алексей Павлович Окладников (1908–1981) – археолог, историк, этнограф. Академик АН СССР. С 1961 г. – зав. отделом гуманитарных исследований Института экономики Сибирского отделения АН СССР, с 1966 г. – директор Института истории, филологии и философии того же отделения, с 1962 г. – профессор и заведующий кафедрой истории Новосибирского университета. Автор обобщающих исследований по истории первобытного общества и первобытной культуры, по палеолитическому и неолитическому искусству, по истории Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера с древнейших времен до XVIII века, многих книг.

С 7 до 9 вечера дежурю в Красном уголке треста: начало предвыборной кампании. Слушал музыку, читал. Потом опять пришел Сергей. Слушали вместе. Завтра у него экзамен по истории КПСС.

Галя уже сдала. У нее каникулы до 2 февраля. Надо обязательно позвонить. Все-таки надо.

23 января 1967 г. Понедельник.

Ушел пораньше с работы, чтобы успеть в Академгородок. Вот записи, которые я сделал после знакомства с лекцией А.П. Окладникова.

«Сегодня в Академическом городке открывается цикл лекций “Сибирские чтения”. Первым было выступление члена-корреспондента Академии наук СССР, директора Института истории, филологии и философии, лауреата Сталинской премии, профессора Алексея Павловича Окладникова. Тема его доклада: “Происхождение искусства”.

Лекционный зал, расположенный на втором этаже Дома ученых, был до отказа заполнен слушателями. Сидели и стояли на ступенях проходов, плотным кольцом окружив кафедру вместе с профессором. Мне повезло: я пришел, наверное, самым первым и еще имел возможность выбирать место по своему вкусу. Сел примерно в пятом ряду, как раз лицом к экрану, где демонстрировались с помощью небольшого кинескопа диапозитивы. В основном это были наскальные изображения – произведения искусства первобытных художников. Прямо передо мной был и сам Окладников.

Он дельно, иногда с большим юмором говорил о возникновении искусства в первобытном мире. Обратил внимание на то, что многие наскальные работы по экспрессии и динамичности выше более поздних, например, в средние века.

Упоминалось много фамилий знаменитых и малоизвестных. Профессор рассказал о Марре (очень много), упоминал Кюнера*, Гегеля, Чернышевского, «аббатов» (немного, но тоном победителя). Вспомнил о некоторых несостоятельных теориях И.В. Сталина и всех, кто его поддерживал в выступлении против «марризма». Однако некоторые слабые стороны этих учений громил и сам.

По своей наружности А.П. Окладников – человек довольно высокий и широкоплечий. Лицо красноватое, обветренное, простое. Нос небольшой и вздернутый. Его волосы казались светлее кожи лица. Может, это, конечно, был эффект от настольной лампы, освещавшей его лицо, а может, так и есть на самом деле.

Говорит быстро, заинтересованно, иногда «глотающая» окончания предложений. Часто уходил в сторону от основной нити рассказа, но, по-моему, это потому, что у него есть множество идей, мыслей и фактов, о которых хотелось бы рассказать подробнее.

Замечательно иллюстрировали его речь цветные диапозитивы, демонстрируемые на экране. Постукивая своими очками по кафедре, А.П. Окладников приглашает сменить одно изображение другим.

Сами наскальные изображения меня сильно поразили. Раньше я, в общем-то,

---

* Очевидно, Николай Васильевич Кюнер (1877–1955) – востоковед-историк и этнограф.

довольно мало интересовался ими – время от времени. Но сегодня меня покорила динамика их движения, собственно то, что способно вызывать эмоции. Не знаю, но, по-моему, контурные, чуть подкрашенные и оттененные изображения лошадей, оленей, мамонтов и знаменитых бизонов из альтамирской пещеры могут вызвать точно такие же чувства и производить точно такое же (если не большее!) эстетическое впечатление, как и многие гениальные произведения великой эпохи Возрождения.

Вопросы, о которых говорил Окладников, и то – *как* он говорил о них, все это должно было заинтересовать проблемами происхождения искусства (можно ли считать те же наскальные изображения искусством, в прямом смысле этого слова?) каждого, сидящего в аудитории Дома ученых Сибирского отделения Академии наук СССР. Лично я начал даже подумывать о том, не заняться ли и мне более систематически археологией и этнографией, а также (конкретно) происхождением искусства, его древнейшими и первобытными годами?

Когда он кончил, ему долго аплодировали. Лекцию он провел замечательно. Да и сама тема была интересной и нужной для всех. Я уже говорил, что лекционный зал был заполнен сверх своих возможностей. Много молодых парней в очках и с бородами. Похоже на Берендеево царство.

Со второго этажа Дома ученых я спускался по другой лестнице. Она проходит <через> красивый зал на первом этаже. Декоративные кусты, растущие на квадратах земли. Эти оазисы обложены цветным паркетом. Небольшой фонтан и маленький уютный бассейн. На дне его выложено цветной мозаикой несколько рыб, сверху вода. А когда по ней пробегает рябь от фонтанчика, кажется, что они плывут.

Много стекла. Прозрачны целые стены. За ними снег, березы. Природа вошла в дом. Кажется невероятным, что в такой близости от тебя лежит холодный снег и ветер гнет белые стволы деревьев. Это человек начинает заново понимать красоту. Он подал природе руку дружбы.

Сам Дом ученых, очевидно, еще не достроен. Заканчивается правое крыло. Да и вообще, в Академическом городке создается еще очень многое, в частности, – многоэтажный дом напротив.

Всюду, где только можно, – деревья... Сосны, березы. Совсем не цивилизованные, они шумят, как в тайге. Иногда сиротливо, по-деревенски, стоят обнаженные березы. Их великое множество. Осенью должно быть красиво. Может, поэтому называли место «Золотою долиной»? Засыпающие перед зимой, эти деревья всегда прекрасны.

Был в книжном магазине. Я ожидал большего. Казалось бы, здесь, в городе науки, они должны быть более богатыми, но, увы... Правда, есть несколько нужных книг по литературоведению, редактированию и истории. Философских работ мало.

Вот и все. Про университет так ничего и не узнал. Да и вряд ли есть что-нибудь новое.

24 января 1967 г. Вторник.

У Гены (взял) два билета в филармонию... Сергей смеется:

– Наездился по Окладниковым...

25 января 1967 г. Среда.

Работал. Начал сбор и подготовку материалов для статьи-обзора стенной печати. Накапливаю опыт практики.

26 января 1967 г. Четверг.

27 _ // _ // _ // _ // Пятница.

В поисках человека, способного поехать в воскресенье в концертный зал, прошло безрезультатно два вечера. Кандидатур нет.

28 января 1967 г. Суббота.

Был на заводе «Сибтекстильмаш». Страшнейшая пропускная система. Расспросы, словно я американский шпион.

Нужный человек болеет. Поговорить не удалось. Зато решил, если когда-нибудь мне станет трудно и покажется, что дальше нельзя жить, я обязательно приду сюда, в большие теплые цеха. К этим людям у станков. Они смогут мне помочь.

30 января 1967 г. Воскресенье.

Сергей, Саша с Зоей и я были сегодня на гастрольном концерте Иосифа Кобзона.

Туда, к Новосибирскому театру оперы и балета, мы добрались на такси довольно быстро. Побродили по проспекту. До начала концерта оставалось около часа, и тут пришла идея – зайти в кафе. Поблизости оказался «Спутник». Решили дать небольшой прощальный ужин – завтра Александр улетает в Ленинград, а потом на юг – лечиться. По этому поводу он заказал себе какое-то грузинское вино. Ну, а мы с Сергеем не поддались его уговорам и удовлетворились только чашечкой кофе с коньяком. Зоя ела мороженое.

В первом отделении Иосиф Кобзон исполнял песни советских композиторов. Запомнилось несколько песен гражданской войны и на мотивы Сергея Есенина. Однако, певцу, по-моему, совершенно нет надобности пытаться исполнять их на цыганский манер. Ведь он – русский до глубины души.

Исполнение в основном отлично. Репертуар тоже не «избит» радиопередачами и всевозможными записями. Я был просто рад, что пришел в концертный зал.

Второе отделение – песни международных конкурсов, лауреатом которых он был. Здесь он достиг с ансамблем единства полного. Иногда пели вместе.

Немного отрывков из цикла «А у нас во дворе...», «Я тебя подожду». Я рад. Очень рад.

Днем, еще перед посещением театра, шли мы, три парня, по улице. Разговорились о «культурной революции» в Китае. Еще несколько дней назад я относился к ней по принципу: «перебесятся и утихнут». Но в эти дни, когда я узнал об их ху-

Алексей УСТИМЕНКО. Перелистывая прежние дни...

лиганских выходках на Красной площади у Мавзолея (!), мне стало не по себе. Они задели этим всех. Ударив женщину, – как они опустились. До какой низости дошли! Во мне говорит много и национального. То же и у Александра. Он даже кулаками начал махать... Возможно, мы судим их еще как мальчишки, но это без позы. От души. Хочется, чтобы кругом была справедливость.

...В филармонии концерт заезжего гастролера. Местный солист Рафаэль Клейнер сегодня среди публики. Он ходит небрежно, с книгой под мышкой. Гордый артистический вид... «Обратите внимание! Ну, обратите же...»

АВТОРЫ НОМЕРА

ДОРОФЕЕВ Роман – религиовед, магистр религиоведения. Автор исследований по истории православия и других религий в Средней Азии. Преподаватель Ташкентской духовной семинарии. Живет в Ташкенте.

ИГНАТОВА Елена – поэтесса, сценаристка. В 1970-е – 1980-е годы публиковалась в самиздатских журналах «Часы» и «Обводной канал» и зарубежных русских журналах «Континент» и «Грани»; с начала 1990-х – в «Новом мире», «Знамени», «Звезде» и других. Автор восьми поэтических сборников. Живет в Иерусалиме.

КАЛИНИН Михаил – поэт, эссеист. Работал редактором в издательствах «Укитувчи», «Узбекистон». Публиковался в журналах «Арион», «Звезда Востока» и других. Автор нескольких поэтических сборников. Живет в Туле.

Иерей Сергей КРУГЛОВ – клирик Спасского кафедрального собора г. Минусинска (Россия). Поэт, публицист. Автор восьми книг стихов. Лауреат премии Андрея Белого, премии «Московский счет» и других. Живет в Минусинске.

КУКИН Михаил – поэт. Автор двух поэтических книг. Стихи публиковались в «Новом мире», «Дружбе народов», «Знамени», «Арионе» и других. Лауреат премии «Нового мира». Живет в Москве.

МАКАРОВ Дмитрий – историк, патролог; доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой библеистики и богословия Екатеринбургской духовной семинарии. Автор многочисленных публикаций по поздневизантийской и русской патрологии и философии. Живет в Екатеринбурге.

МЕЛЕНТЬЕВ Даниил – студент 2 курса аспирантуры Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ, Москва). Живет в Москве.

ОЗМИТЕЛЬ Екатерина – историк, религиовед; ведущий научный сотрудник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. Автор пяти монографий по истории Православной Церкви в Средней Азии, русской культуре, религиоведению и культурологии. Живет в Московской области.

УСТИМЕНКО Алексей – писатель, журналист. Был главным редактором журналов «Звезда Востока» и «Восток Свыше». Публиковался в журналах «Дружба народов», «Звезда», «Звезда Востока», «Новая Юность» и др. Автор нескольких книг прозы. Живет в Ташкенте.

ФЛЫГИН Юрий – историк, автор исследований по истории Православия в Средней Азии. Руководитель Службы по научной работе Ташкентской и Узбекистанской епархии, преподаватель Ташкентской духовной семинарии. Живет в Ташкенте.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Восток Свыше» принимает к рассмотрению на предмет публикации материалы (статьи, эссе, воспоминания, художественную прозу, архивные документы) по следующим темам: история Православной церкви (в целом и в Средней Азии в частности); Православие в современном мире; Православие и Ислам в межрелигиозном и межкультурном диалоге; история, культура, этнография Средней Азии.

Материалы принимаются в электронном виде (в формате Microsoft Word) по адресу: vostok_svshe@mail.ru.

Поскольку в штате редакции не предусмотрен оператор компьютерного набора, материалы в виде рукописи принимаются только в особых случаях в порядке исключения.

Проверка редакционной почты – каждый понедельник. Редакция высылает на указанный автором электронный адрес краткое уведомление о получении рукописи. В течение двух недель с момента отправки уведомления автору отправляется второе письмо – о принятии материала к публикации либо об отказе.

Все материалы, поступающие в редакцию, проходят экспертизу с целью исключения плагиата.

Редакция также не принимает к публикации прежде опубликованные тексты (в печатных изданиях или интернете); исключение может быть сделано только для материалов, существенно переработанных (например, снабженных новыми комментариями или примечаниями).

В некоторых случаях редакция может обратиться к членам редакционного совета для внутреннего отзыва. Присланные материалы не рецензируются; материалы, полученные в виде рукописи, не возвращаются.

В случае отказа в письме указывается его основная причина; редакция оставляет за собой право не вступать в дальнейшие письменные или устные переговоры с автором отклоненного материала.

В отдельных случаях редакция может предложить автору доработать материал (сократить, дополнить и т.д.) либо принять сокращения, предлагаемые ею.

После редактуры и корректуры автору высылается последняя версия материала на утверждение. Автор в течение не более пяти календарных дней знакомится с этой версией и присылает в редакцию письменное подтверждение и (или) версию с последней авторской правкой, выделенной цветом.

В случае неполучения ответа редакция оставляет за собой право опубликовать материал без подтверждения.

Гонорары авторам не выплачиваются; предоставляется один авторский экземпляр журнала. Иногородним или зарубежным авторам авторский экземпляр передается с оказией или высылается по почте.

Номера «Востока Свыше» реализуются в церковных лавках при православных приходах Узбекистана. Полная электронная версия журнала (PDF) доступна на официальном сайте Ташкентской и Узбекистанской епархии (http://pravoslavie.uz/archdiocese/departament_diocese/ePress/Easter/Archive/index.php); электронная версия каждого номера выкладывается не ранее, чем через три месяца после выхода тиража журнала (и не позднее выхода из типографии следующего номера).

Требования по оформлению статей

Шрифт Times New Roman, кегль в основном тексте – 12, в сносках – 11. Междустрочный интервал одинарный.

Буква «ё» используется только в тех случаях, когда замена на «е» недопустима (например, в фамилиях); во всех остальных случаях – только «е».

Годы обозначаются арабскими цифрами, а не словом (например, «в 1960-е годы», а не «в шестидесятые годы»). Века обозначаются римскими цифрами. Слова «год», «век» и их производные пишутся полностью; в сносках могут сокращаться («г.», «в.»).

Для выделения цитат используются кавычки-елочки («...»). Если внутри цитаты имеются заковыченные слова, они помещаются в кавычки-лапки ("..."). Пропуски в середине цитат отмечаются многоточием в угловых скобках (<...>), в начале и в конце – многоточием.

Цитаты из Священного Писания Ветхого и Нового Завета приводятся в Синодальном переводе; ссылки на них состоят из сокращенного обозначения в круглых скобках библейских книг и указаний на главы и стихи. Пример: (Мф. 5, 47); (Мк. 2, 5-7).

Указания на другие использованные источники приводятся после цитаты или упоминания в виде концевой сноски. Знак сноски (¹, ², ³ и т.д.) ставится перед знаком препинания (точки, запятой, точки с запятой), кроме многоточия.

Сноски оформляются следующим образом:

Для цитаты из книги:

Успенский Л. Богословие иконы Православной Церкви. – Переславль: Изд-во братства во имя св. князя Александра Невского. 1997. С. 104.

Для цитаты из статьи в журнале:

Веселовский Н.И. Новые материалы для истории Кокандского ханства // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Ч. 248. С. 175.

Для цитаты из статьи в газете:

Алексеев В. Житие отца Василия // Комсомолец Узбекистана, 2 марта 1966 г. С. 3.

Для цитаты из собрания сочинений:

Бунин И.А. Из записей // Бунин И.А. Собр. соч. в 9 тт. Т. 9. – М.: Художественная литература, 1967. С. 288–289.

Для цитаты из сборника статей:

Флыгин Ю.С. Туркестанский восемнадцатый год. Своеобразие конфессиональной ситуации // I Пасхальные чтения. Традиции дружбы народов России и Средней Азии на протяжении веков. Сб. мат. – Бишкек, 2013. С. 106.

Харджиев Н.И. Неизданная книга Маяковского «Для первого знакомства» // Харджиев Н.И. Статьи об авангарде. В 2 тт. Т. 2. – М.: РА, 1997. С. 150.

Для цитаты из изданной за рубежом книги:

Bardaisan. Book of the Laws. Ed. H.J.W. Drijvers. – Assen: Van Gorcum, 1965. P. 61.

Для цитаты из архивного источника:

Архив Ташкентской и Узбекистанской епархии (АТУЕ). Оп. 2. Д. 15. Л. 4.

Государственный архив города Ташкента (ГАГТ). Ф. 30. Оп. 1. Д. 315. Л. 21об.

Для цитаты из Интернет-источника:

Никольская Т.М. Иконописный образ, его семантика и символика // Аналитика культурологии. 2011, № 1 (19) (URL: www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/670-icon-painting-the-image-of-his-semantics-and-symbols.htm)

Восток Свыше

Духовный, литературно-исторический журнал
Выпуск LIX
№ 1-2, 2022, январь–декабрь

Главный редактор **Евгений Абдуллаев**
Литературный редактор **Лейла Шахназарова**
Верстка и дизайн **Александра Аносова**

Журнал зарегистрирован в Агентстве печати и информации Республики Узбекистан
Reg. № 02-15

Подписано в печать . . .2022 г.
Печать офсетная. Формат 60x84¹/₈. Тираж 1000.
Заказ № (от . . .2022).

Адрес редакции: Ташкент, 3-й тупик Азимова, 22.
Телефон 233-33-21.

Отпечатано в ИПК «GLOSSA»
100015, г. Ташкент, ул. Авлиё-Ота, 93.

www.pravoslavie.uz

ISSN 2010-5568